Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 2

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

ЭЛЬЧИН. **Сталин.** *Трагифарс* 3
Ефим АБРАМОВ, Лейла БЕГИМ. **Черные подснежники.** *Повесть* 48
Гюнель ЭМИНЛИ. *Рассказы* 64
Афанасий МАМЕДОВ. **Киноварь, или Перезагрузка в Тунисе.** *Повесть* 72
Марк БЕРКОЛАЙКО. **Вика и Сава.** *Эссе* 110

ПОЭЗИЯ

Елизавета КАСУМОВА. Изолгавшиеся 46
ХЕЗАНГЮЛЬ. Я – Зохра 61
Нигяр АРИФ. Стихи 69
Юрий ЛЕБЕДЬ. Стихи 127

ПУБЛИЦИСТИКА

Елизавета КАСУМОВА. Стратегия лжи 36
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. Традиция лжи 43
Агаддин БАБАЕВ. Свидетель Ходжалинской трагедии 62

Редакция выражает особую благодарность художнице Нане Нариманбейли за предоставленные работы из цикла гравюр к повести «Черные подснежники»

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (050) 772-09-41**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,*** **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 17.01. 2020 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2020 г.

ЭЛЬЧИН

С Т А Л И Н

Трагифарс в двух частях и 8 картинах

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сталин (1 – Кондратьев, 2 – Васильев, 3 – Игнатов)
Члены Политического бюро:
Куратор партии
Куратор министерств
Куратор безопасности
Куратор торговли
Поликарпов (Иванов)
Ольга Александровская
Маршалы
Офицеры
Юноша
Девушка

Время: начало 1950-х годов.
Место действия:
Баку, побережье Каспия; Москва, Кремль; конспиративная квартира;
подвал Лубянки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

Баку. Берег Каспийского моря. Вечер.
Девушка и Юноша сидят на прибрежных скалах.
Время от времени слышен звук бьющейся о берег волны.

ЮНОША. Что с тобой?

ДЕВУШКА. Ничего.

ЮНОША. Говори, я же вижу, что что-то не так.

ДЕВУШКА. У нас есть сосед, учитель географии, Сафар-муаллим. Сегодня, когда я шла на свидание с тобой, встретила его дочку, с глазами, опухшими от слез. Ее отца арестовали прямо в школе.

ЮНОША. Значит, он враг народа!

ДЕВУШКА (*нерешительно*). Но... он очень тихий и спокойный человек... Никто бы и подумать не мог...

ЮНОША. Так и бывает!.. А ты не знала, что они умело маскируются?.. Сколько лет его дочери?

ДЕВУШКА. Двенадцать-тринадцать.

ЮНОША. Маленькая, не понимает еще!.. Не осознает, что этот враг народа, контрреволюционер Сафар-муаллим является всего лишь ее биологическим отцом. А настоящий ее отец Сталин! Разве я не прав?

ДЕВУШКА (*увереннее*). Конечно... Но она этого еще не понимает...

ЮНОША. Она, наверное, еще не комсомолка.

ДЕВУШКА. Да… (*Словно успокаивая себя.*) Подрастет немножко и все поймет!

ЮНОША. Дорогая, закрой глаза и послушай шум прибоя... Звук этих бьющихся о скалы волн наполняет меня... как бы выразиться точнее... такой... такой силой... Послушай... Послушай... Кажется, что они разговаривают с нами...

ДЕВУШКА. И что они говорят?

ЮНОША. Говорят: «Вы счастливчики! Вас ждет счастливое будущее! Ваш путь – это путь Сталина!..» Ты права, и эта девочка, конечно же, тоже поймет это!.. Волны говорят, что дорогой товарищ Сталин, его верные соратники, его стойкие ученики ведут вас к этому счастливому будущему! Послушай и ты, любимая! Закрой глаза на минуту и послушай!.. *(Пауза.)* Ты слушаешь?

ДЕВУШКА. Да.

ЮНОША. Что говорят тебе эти волны?

ДЕВУШКА. Мне? (*Воодушевленно.*) Они мне шепчут стихи!

ЮНОША. Какие?

ДЕВУШКА. Мои любимые стихи...

ЮНОША. Прочти мне хотя бы одно из них. Ты так красиво читаешь стихи!.. Прочти! Прочти, дорогая!..

ДЕВУШКА (*с еще большим воодушевлением*).

Эти шири бескрайние наши, мой друг!
И овраги глубокие наши, мой друг!
В небе звезды, цветы полевые,
Что пьянят ароматом и сияньем слепят!
И мир, что встречает с улыбкою нас,
Славить готов я снова и снова.
И любимого Сталина высший наказ
На крыльях мечту мою ввысь вознесет.
Овраги, холмы кричат: Сталин!
И вторят им волны: Сталин!
Из уст стариков и влюбленных
И в первом лепете ребенка
Мы слышим: Сталин! Сталин! Сталин!

(*Подстрочный перевод*)

ЮНОША (*с удивлением*). Это же стихи Мушфига... Ты что, не знаешь, что он враг народа!

ДЕВУШКА (*смущенно*). Да... Сама не знаю, как всплыли в голове эти строки... Я очень люблю Мушфига... любила. Наизусть знаю его стихи...

ЮНОША. Ты думаешь, враг народа может быть хорошим поэтом? Все они замаскированные контрреволюционеры!.. Тайные слуги мирового капитала!.. Шпионы!.. Своими лицемерными стихами, посвященными товарищу Сталину, стараются прикрыть свои вражеские намерения. Но нас обмануть нельзя!.. *(Обнимает девушку за плечи.)* Забудь! Дорогая, забудь эти стихи! Вырви из сердца эти лицемерные строки! Они не достойны товарища Сталина!

Короткая пауза.

ДЕВУШКА. Ты словно пробудил меня и вывел из этого поэтического сна!.. (*С энтузиазмом.*) Я забуду! Конечно, любимый, я забуду! Я вырву эти стихи из своего сердца! Брошу их в эти волны! Пусть утонут они в пучине морской! Пусть станут кормом для рыб!..

ЮНОША (*с романтическим воодушевлением*). Еще сколько стихов будет посвящено товарищу Сталину! И написаны они будут от чистого сердца! Мы научим этим стихам своих детей! А они – своих детей! К тому времени в обществе, очищенном от всех врагов, будет жить сто миллионов детей Сталина!

Свет гаснет.

Картина вторая

Москва. Кремль.
Кабинет Сталина. Ночь.
Сталин, Куратор партии, Куратор министерств, Куратор безопасности, Куратор торговли, Поликарпов.
Кураторы сидят за длинным столом заседаний друг против друга. Сталин стоит возле своего стола и раскуривает трубку. Тяжелая пауза.

СТАЛИН (*наконец раскуривает трубку и, не глядя на кураторов, подходит к окну, отодвигает тяжелую штору и смотрит на улицу*). В Гори по соседству с нами жил один человек, Джансуг Каладзе... Был он одним из известных пьяниц Гори. Была у него арба, в которую он запрягал осла, и на этой арбе он развозил по заказу разные товары:, от дров, кувшинов вина до арбузов. Сам он редко бывал трезвым, но ослик свое дело знал. И была у него еще собака, такая худая, что ребра торчали. Пьяный Каладзе, сидя на арбе, спал, пуская слюни, а когда он просыпался, его пение сливалось со скрипом колес старой арбы. А собака вечно плелась по улицам Гори за арбой. Каладзе то и дело пинками гнал её, но она все время возвращалась... (*Короткая пауза. Кураторы внимательно слушают.)* Мне было жаль эту вечно голодную собаку. Как-то раз, возвращаясь из школы, я увидел, что она трется головой о закрытые ворота Каладзе. Като, моей матери, не было дома, она куда-то ушла, оставив мне обед на столе. Рядом с жареной картошкой лежал и кусок мяса. В нашем доме мясо было редкостью, мы ели его раз или два в месяц, но я взял этот кусок мяса и отнес псу Каладзе. Я даже не успел протянуть его собаке, как она схватила и в один миг проглотила все. После этого она посмотрела на меня, потом на мою руку и вдруг кинулась на меня и схватила за пальцы, прокусив их до кости. Моя бедная мама Като целую неделю готовила какие-то мази и перевязывала мою рану... (*Отходит от окна, мягкими, тихими шагами подходит к сидящим и начинает ходить вокруг стола заседаний.*) Капиталистический мир любыми путями хочет расшатать социалистический лагерь и вновь вернуть в нашей стране капитализм. Посмотрите, что происходит в Югославии. Уничтожение социализма в одной стране является не только предупреждением, но и ударом по всему социалистическому лагерю, это реальная угроза. Группа преступников во главе с предателем Тито хочет фактически восстановить капитализм в Югославии. Кем был этот Тито? У него, как у собаки Каладзе, от голода ребра просвечивали. Чего только мы для него ни делали! Дали ему орден «Победа»! Наградили орденом Суворова Первой степени! Мы представили его всему миру. Если бы не мы, разве справились бы югославы с Гитлером? Смогли бы партизаны со своими охотничьими ружьями освободить Югославию? *(Глядя на Куратора безопасности.)* Какую помощь оказали мы им во время войны?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(вскакивает с места)*. Сто пятнадцать тысяч ружей, тридцать пять тысяч автоматов...

СТАЛИН *(перебивая его, резко)*. Подожди!.. Ты хочешь уменьшить объем нашей помощи?! Тридцать восемь тысяч автоматов!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Извините, товарищ Сталин! Я сделал механическую ошибку...

СТАЛИН. Не знаю, механическая это ошибка или нет… (*Короткая, но тяжелая пауза.*) Продолжай.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Тридцать восемь тысяч автоматов, шестнадцать тысяч пулеметов, пятьдесят самолетов, семьдесят танков.

СТАЛИН (*глядя на Куратора министерств*). А сколько валюты?

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ *(быстро встает с места)*. В 44-м году им была выделена беспроцентная ссуда валютой и золотом.

СТАЛИН. А что сделал Тито? Сейчас он ведет антимарксистскую, антиленинскую политику. Заигрывает с Англией. Почему? Что тебе даст такая политика? Я удивляюсь: этот человек считает себя югославским Бисмарком, но он не понимает, что такое Балканы, не чувствует, какие угли тлеют на Балканах. Балканы – это спящий вулкан, который может проснуться в любую минуту. При первой же возможности та же Англия, Америка расчленят марионеточную Югославию на карликовые государства, которые начнут уничтожать друг друга. Югославские трудящиеся опять попадут в плен к капитализму. В лицо нам улыбался, а изнутри исходил злобой и желчью. Если бы не мы, разве Черчилль оставил бы Югославию в покое? А Тито сейчас подлизывается к англичанам!.. Можно ли доверять англичанам? Какой народ осчастливили англичане? Арабов? Народы Африки? Разве не англичане разделили Индию на две части, заложив вражду? (*Останавливается, смотрит на Куратора торговли.*) Разве в 18-м году не англичане предательски расстреляли 26 бакинских комиссаров в степях Агджагума?..

КУРАТОР ТОРГОВЛИ (*быстро встает в места*). Да, товарищ Сталин, так.

СТАЛИН (*немного помолчав, потом с улыбкой*). Но на самом деле, сколько их было?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Мне... мне при помощи местных большевиков удалось бежать из тюрьмы.

СТАЛИН (*с той же улыбкой*). И двадцать семь превратились в двадцать шесть, так?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Да, товарищ Сталин. Но... (*Нервно сглатывая слюну.*) Но товарищи проверили этот факт и подтвердили мои слова. Бакинские большевики помогли мне бежать из тюрьмы, и я продолжил свою деятельность в партии. Это подтвердил и Ленин.

СТАЛИН. Конечно, это было подтверждено. Да, и Ленин подтвердил это. Ты не говорил, но я говорю: об этом свидетельствую и я.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ (*с волнением*). Товарищ Сталин... Вы не раз говорили это...

СТАЛИН. А как же по-другому?.. (*Смотрит на Куратора безопасности*). Разве не так?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Так, товарищ Сталин! Но...

СТАЛИН. Что но?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Если вы поручите, мы еще раз все проверим!

СТАЛИН (*продолжая прогуливаться*). Если я поручу, конечно, вы снова все проверите. Но есть ли необходимость в этом? *(Тяжелая пауза.)* Как вы думаете?(*Смотрит на Партийного куратора.*)

КУРАТОР ПАРТИИ (*быстро встает с места*). Мы примем решение согласно вашему поручению, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Знаю. Вы всегда от души, добросовестно и честно исполняете все мои поручения. Не так ли?!

КУРАТОР ПАРТИИ. Так, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Всегда от души, да?

КУРАТОР ПАРТИИ. Да! Всегда от души!.. Всегда, товарищ Сталин, всегда.

СТАЛИН. Знаю... Знаю... (*Куратору торговли.*) Вы даже друзья с Багировым. Мир Джафар в Баку, а вы здесь, в Москве, Кремле, но дружите. И это очень хорошо, не так ли?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. То… товарищ Сталин… Но… (*Торопливо*). Товарищ Сталин... можно… можно на две минуты?

СТАЛИН. Хотите выйти? Пожалуйста, пожалуйста...

Куратор торговли, схватившись за живот, практически выбегает из комнаты.

СТАЛИН (*прогуливаясь*). Во время войны, да и до войны у нас были тяжелые времена. Кто нам помог? Никто!.. В конце 20-х годов из-за тяжелой ситуации в стране мы были вынуждены даже продавать экспонаты Эрмитажа. Не знаю, простят ли нам это будущие поколения. Рафаэль... Тициан... Ван Дейк... (*Пауза. Продолжая расхаживать.)* Но что мы тогда могли сделать? Хорошая жизнь даром не дается! (*Смотрит на Куратора министерств.*) Разве не так?

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Да, товарищ Сталин, все так!

СТАЛИН. Сохранить власть после революции труднее и сложнее, чем завоевать ее.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Вы смогли сделать это!

СТАЛИН. Нет, мы это сделали все вместе во главе с Лениным! Мы! Но почему мы смогли сделать это?

КУРАТОР ПАРТИИ. Ваш гениальный...

СТАЛИН (*перебивая его).* Прекратите говорить эти штампованные слова... Мы смогли сделать это, потому что опирались на народ. Нам это удалось, потому что народ встал на нашу защиту.

Входит Куратор торговли.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Можно, товарищ Сталин?

СТАЛИН (*останавливаясь перед ним*). Но когда мы были вынуждены продать произведения из Эрмитажа, вы предложили кандидатуру Гюльбекяна. Не так ли? А он, как и все капиталисты, был скупым... (*Опять прохаживается и словно только что увидел стоящих кураторов.)* Садитесь, почему вы стоите? (*Куратору торговли.*) Проходите, проходите, садитесь.

Кураторы садятся.

(Прохаживаясь по кабинету.) Мы должны сделать выводы из наших ошибок. Кто создал Израильское государство? Англия? *(Улыбаясь.)* Нет, они были против, всячески старались, чтобы этого не случилось. Америка? Капиталистическая Европа? Нет! Нет, в политическую карту мира Государство Израиль вписали мы.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Вы, товарищ Сталин, вы вписали!

СТАЛИН. Нет, мы! Советский Союз! Если бы не мы, как бы Израиль мог противостоять арабам? Но что потом случилось? Израиль сдружился с Америкой, которая настроила евреев против нас и, используя их коварство, начала плести вокруг нас паутину. (*Останавливается и смотрит на Куратора министерств.)* К вам это не относится. Вы не еврей, вы коммунист. Не так ли?

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ (*быстро встает с места*). Так, товарищ Сталин.

СТАЛИН (*продолжая прохаживаться)*. Мы должны вовремя распознать наших зарубежных врагов и показать их нашему народу. И вовремя их наказывать. И внутри страны у нас немало врагов. Среди нас самих некоторые духовно продавшиеся личности по мере расширения классовой борьбы становятся врагами народа, потому что они ни с теоретической стороны, ни с моральной не готовы к классовой борьбе. С другой стороны, капиталистический мир, видя наши успехи, еще больше бесчинствует, старается завербовать наших людей, и порой им это удается. Кажется, мы потеряли бдительность... Вы нет... Вы же бдительны, не так ли? *(Кураторы растерянно молчат.)* Да, мы немного ослабили винтики... Не вы... Я знаю, вы бдительны. Я... я... (*Опять подходит к окну, отодвигает тяжелую штору и смотрит на улицу. Короткая пауза.)* Один Шейх, доживший до ста лет, с сердцем, полным человечности, в один из летних дней, проходя мимо озера, увидел, как группа детей, играя, с криками и шумом купается в воде. А поодаль сидит мальчик-инвалид и с грустью наблюдает за своими друзьями, потому что он не может присоединиться к ним. Сердце Шейха наполнилось состраданием к этому ребенку, он поднял руки к небу и взмолился: «Господи, молю тебя, исцели этого мальчика, пусть он, как и другие дети, купается в озере, играет, прыгает!» После этой молитвы мальчик-инвалид вдруг исцелился, вскочил на ноги и присоединился к другим детям, и каждый раз, когда Шейх проходил мимо озера и видел резвящихся детей, он радовался их счастью. Както рано утром проходил Шейх мимо озера и увидел там того мальчика, он срезал камыши, заострял ножом их концы и втыкал в дно озера так, чтобы они вонзались в тела купающихся там детей. Шейх опять воздел руки к небу: «Господи, прости меня за то, что я не доверял твоим решениям и делам!..» *(Пауза. Говорит, словно сам себе.)* Дурак этот Шейх!.. Вмешивается в дела Бога!..

Неожиданно раздается звонок, на письменном столе начинает мигать зеленый свет. Сталин смотрит в сторону стола и медленно направляется к нему.

СТАЛИН *(тихим голосом.)* Что случилось?

Свет в приемной комнате падает на Поликарпова,
стоящего по стойке «Смирно» и прижимающего к уху трубку телефона.
Его голос разносится по всему кабинету.

ПОЛИКАРПОВ. Товарищ Сталин! Вы просили предупредить вас, когда позвонит де Голль. Он на проводе.

СТАЛИН. Хорошо...

Свет, падающий на Поликарпова, гаснет.

СТАЛИН (*Кураторам.)* Вы можете идти.

Свет гаснет.

Картина третья

Москва, Кремль. Кабинет и приемная Сталина.
Сталин, Ольга Александровская, Поликарпов.

На сцене справа кабинет Сталина, слева – приемная. Между кабинетом и приемной толстая, обитая кожей с ватной прослойкой, тяжелая дверь. Вторая такая же дверь находится в дальней части кабинета, позади стола Сталина.

Сталин стоит в кабинете перед окном и, отодвинув тяжелую штору, смотрит в окно. В приемной Поликарпов сидит за столом, на котором находится 7-8 телефонов. Один из телефонов стоит поодаль от других. Ольга Александровская сидит напротив Поликарпова в одном из кресел. Телефоны звонят безостановочно.

ПОЛИКАРПОВ *(подняв трубку)*. Нет возможности! (*Кладет трубку.)*

Поликарпов, поочередно беря трубку, отвечает на звонки и быстро машинально записывает имена звонящих в лежащий перед ним журнал:

– Занят!
– Позвоните завтра!
– Мне не было дано такого поручения!
– Передам!
– Одну минуту. (*Смотрит во вторую толстую тетрадь, лежащую перед ним.)* Вас примет в 23.30.
– Занят!
– Он мне ничего не сказал!
– Товарищ Сталин вас примет в 2.15.
– Я доложу!

В кабинете Сталин отходит от окна и медленными шагами подходит к столу, берет трубку и хочет ее закурить. Помедлив несколько секунд, кладет трубку на стол, смотрит на часы и нажимает кнопку вызова.

ПОЛИКАРПОВ *(поднимает трубку отдельно стоящего телефона, вскакивает и становится по стойке «Смирно»)*. Слушаю, товарищ Сталин!
СТАЛИН *(тихим голосом)*. Александровская пришла?
ПОЛИКАРПОВ. Да, товарищ Сталин!
СТАЛИН. Пусть войдет.
ПОЛИКАРПОВ *(кладя трубку)*. Можете пройти, товарищ Александровская.

Ольга Александровская поднимается, направляется к обитой кожей двери, пытается открыть ее, но дверь не поддается, она смотрит на Поликарпова в ожидании помощи. Поликарпов, не обращая на нее внимания, продолжает отвечать на звонки, попутно регистрируя их в журнале.

– Позвоните завтра!
– Я уже доложил.
– Это невозможно!
– Вас примет в 0.45!
– Занят!
– В 1.30 он поговорит с вами! Ожидайте!

Ольга Александровская наконец с трудом открывает кожаную дверь и проходит в кабинет. Когда она, зайдя в кабинет, закрывает за собой дверь, звуки телефонных звонков смолкают, вместе с этим из видимости исчезает и приемная комната. Виден только кабинет Сталина.

СТАЛИН *(медленными шагами подходит к Ольге Александровской, берет ее за руки, какое-то время смотрит на нее и тихо произносит*). Ольга!.. *(Целует руку Ольге Александровской. Короткая пауза.)* Я сильно постарел, да?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ (*едва качая головой)*. Но...

СТАЛИН. Но что?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Ты очень усталый...

Ольга Александровская хочет отнять руку. Сталин не отпускает ее руку.
Какое-то время они так и стоят у двери.
В повисшем молчании Ольга Александровская чувствует себя неловко.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Я в первый раз вижу твой кабинет, Иосиф...

СТАЛИН *(отпуская ее руку, делает пригласительный жест, указывая на диван)*. Проходи, садись.

Ольга Александровская садится на диван и с интересом разглядывает кабинет.

СТАЛИН *(стоя)*. Ольга!.. Княжна Ольга Александровская!..

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Княжна осталась в далеком прошлом, Иосиф. Только ты никак не можешь этого забыть... Я – народная артистка СССР Ольга Александровская.

СТАЛИН. Княжна и народная артистка СССР. Странно звучит, не так ли? В последнее время, когда вспоминаю об этом, смеюсь в душе.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Сколько лет прошло, а ты до сих пор можешь смеяться только в душе...

СТАЛИН. Да, прошло много лет... *(Подходит к письменному столу, берет трубку, хочет закурить, но останавливается)*. Нет, ты не выносишь запах трубки...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(грустно)*. Ты еще помнишь об этом?

Сталин, не отвечая, медленно прогуливается по кабинету маленькими шагами.
Короткая пауза.

СТАЛИН. Как ты, Ольга?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Все хорошо, Иосиф.

СТАЛИН. Что нового в твоей красивой жизни?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. В моей красивой жизни ничего, кроме музыки и старости, нет.

СТАЛИН. Ты все так же молода, Ольга.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф...

СТАЛИН. Ладно... А о чем говорят люди в мире искусства, Ольга? *(Улыбается.)* Кроме интриг в Большом театре!.. Что говорят о товарище Сталине?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Все любят товарища Сталина...

СТАЛИН. Все любят и хвалят, да? Как, по-твоему, сколько из них хвалят искренне, а сколько вынужденно? И сколько из них... *(Делает паузу.)* на самом деле являются тайными врагами?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Я не могу этого сказать. Во всяком случае, многие любят тебя искренне.

СТАЛИН. Кроме Ольги Александровской. Потому что ее генетическая память не позволяет ей этого. Я, может быть, не прав, считая генетику ложной наукой, созданной теоретиками буржуазии!..

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф, если бы я тебя не любила, двадцать лет назад я не легла бы с тобой в постель.

СТАЛИН. Потому что ты тоже боялась товарища Сталина! Прав я или нет?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Когда ты в первый раз позвонил мне, я не поверила, что говорю со Сталиным... Потом ты пришел на «Евгения Онегина», помню все, как сейчас. Когда ты приходил на спектакли, даже стены в театре дрожали от волнения. Я так волновалась, что с трудом выходила на сцену, готова была бежать со сцены, не допев арии Татьяны. А после спектакля я нашла в кармане халата записку: «Вас ждет машина». *(Короткая пауза.)* Ты часто говоришь о страхе. Конечно, страх был, но была и романтика приключений, был интерес. *(Будто заново переживает те чувства.)* Я была молодой замужней женщиной, к тому же представительницей вражеского класса, что я должна была делать? Я думала не только о себе, с моим мужем могли сделать все, что угодно. Наум Соломонович был тихим человеком, всю жизнь жил под страхом ссылки в Сибирь, его брат еще до нашей женитьбы был расстрелян как враг народа. А с другой стороны, да, романтика... Конечно, когда в первый раз я вошла в твою спальную, был страх, но еще и сердце мое было переполнено каким-то сказочным ожиданием. Я и сейчас помню те слова, которые я сказала тогда тебе в спальной: «...Товарищ Сталин!.. Что вы делаете, Иосиф Виссарионович?.. Нет...» Но мое сопротивление на самом деле было моим согласием... И ты это прекрасно понимал. Но после той, первой встречи... как бы сказать... если бы та встреча оставила после себя плохое чувство, я бы больше никогда не появилась в твоей постели, Иосиф. Не смогла бы себя заставить... Согласилась бы на ссылку в Сибирь, руки бы на себя наложила, но с тобой в одну постель не легла бы. Уже пятнадцать лет, как Наум Соломонович покинул этот мир. Не знаю, прощает он меня оттуда или нет... Это не просто слова. В то время, Иосиф, ты для меня был больше Коба, чем Сталин. Легендарный Коба...

СТАЛИН *(задумчиво)*. Что ты знаешь о Кобе?!. Коба не был Робином Гудом.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Во всяком случае, мне так казалось. Пишущий стихи Коба! Революционер Коба! Бежавший из ссылки Коба!

СТАЛИН. Мне надо было найти и расстрелять тех, кто нашел эти стихи и перевел на русский язык!

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф!..

СТАЛИН. Ты и сейчас меня боишься... Поликарпов сам позвонил и пригласил тебя?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Да.

СТАЛИН. И ты испугалась?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Не знаю, может, вместе с ностальгией, любопытством – шутка ли, столько лет прошло – был и страх, немножко...

СТАЛИН. В последний раз мы встречались с тобой перед войной... За все эти годы ты никогда не хотела увидеть меня?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф, я тебя вижу каждый день. В газетах, журналах, кино... Иногда, когда ты приходил на мои спектакли, пусть издалека, я видела тебя в твоей ложе и радовалась. Радовалась, что, глядя на сцену, слушая меня, ты вспоминаешь наши встречи... Те встречи очень дороги мне, Иосиф...

СТАЛИН. Но в этой радости, такой дорогой твоему сердцу, всегда был и страх...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Не знаю... Может быть...

СТАЛИН. Значит, есть причина для этого страха!

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(смеясь)*. Но ты же и сейчас напоминаешь мне: «Княжна Ольга Александровская». Наверное, я единственная бывшая княжеская дочь, которую не расстреляли и которая не сбежала за границу...

СТАЛИН *(садясь рядом с Ольгой Александровской)*. Но не из-за меня, а ради своего искусства. Я знаю, Ольга, в душе ты не любишь советскую власть, скажу больше, ты даже ненавидишь ее. Но твоя ненависть бессмысленна, потому что ты – выдающийся представитель советского искусства! Шаляпин не был княжеским сыном.

Он родился в простой крестьянской семье. Да, ему дали звание «Солист Его Величества». А мы в начале 20-х годов учредили звание «Народный артист республики», и он стал первым, кому присудили это звание. «Народный артист Республики Федор Шаляпин»! Мы забрали сына народа у Его Величества и вернули его народу. А что сделал этот сын народа? Под видом гастролей поехал в Америку и Европу, а на самом деле бежал из страны, как заяц. Это было такое время, когда советские дети умирали от голода! А Шаляпин давал концерты в капиталистических странах, помогал детям эмигрантов-монархистов, занимался благотворительностью. Мы аннулировали наш указ о присуждении ему звания «Народный артист Республики», пусть почувствует себя солистом не народа, а Его Величества... Видимо, это ему больше по душе: «Солист Его Величества». Но ты, Ольга, своим искусством служишь советскому народу! Ты профессор советской консерватории, обучаешь советскую молодежь секретам своего искусства! Когда ты по льду замерзшего Ладожского озера на грузовике отправилась в блокадный Ленинград и дала концерты, ты укрепила дух советского человека, советского воина!.. И я... я гордился тобой!..

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(тронута)*. Ой, Иосиф, ты знаешь о тех моих концертах?

СТАЛИН. Ольга... Ольга... Я знаю и обо всех твоих романах... Нет, нет, не смущайся, я не вижу в этом ничего плохого. Ты была красива... Одна... Может... даже... не знаю... одинока... *(Короткая пауза.)* Ты и сейчас красива, Ольга. Все, что есть у тебя в груди, в сердце, касается только тебя, но на груди ты носишь советские ордена, и ордена эти были тебе даны за твое искусство. Когда тебя наградили Сталинской премией, ты, наверное, думала, что получила ее по моему поручению. Но нет, я никакого поручение не давал, ты эту премию заслужила своим искусством. Советские труженики высоко ценят тебя, Ольга... И любят!.. Любят искренне!..

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф, после стольких лет тебе не кажется странным этот разговор? *(С интересом разглядывает кабинет.)* Кабинет товарища Сталина... Сколько людей прошло через этот кабинет за все эти долгие годы... сколько людей?!.

СТАЛИН *(поднимаясь с места)*. Многие из них сейчас смотрят на меня оттуда. *(Указывает пальцем вверх.)* Оттуда!.. *(Опять прохаживается по кабинету.)* Кого-то Бог прибрал, а кого-то без Божьего позволения отправил туда я. Ольга, я знаю, ты – верующая. Ты и тогда тайно носила крестик на груди. А когда раздевалась, снимала и прятала его от меня. *(Останавливаясь, с улыбкой.)* Как ты думаешь, от товарища Сталина можно что-то скрыть? *(Продолжает ходить.)* И сейчас я уверен, что у тебя на шее висит крестик. Этот крестик дорог тебе не потому, что остался на память от матери или бабушки, а потому, что в этой жизни – это твое утешение. Ты веришь в Бога.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. А ты, Иосиф?

СТАЛИН. Я? Я старею и, кажется, иногда глупею, Ольга... В последнее время мне в голову лезут разные мысли... Во всяком случае... Нет! Не верю! Знаешь, почему? Потому что я вообще ничему не верю! Раньше никому не верил, теперь ничему не верю! Это ужасно, да? *(С сарказмом.)* Товарищ Сталин – человек, который никому и ничему не верит! (*Короткая пауза.) (С иронией.)* Он – человек? Человек он или Бог, как ты думаешь, Ольга?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф, ты очень устал...

СТАЛИН *(улыбается)*. Самый большой враг Советского Союза Черчилль. В Тегеране, Ялте, в Потсдаме, когда я сидел рядом с ним, я всем телом чувствовал, как он пытается скрыть свою ненависть, и ненависть эта была направлена не на меня лично, а на весь Советский Союз, на нашу силу. Но у него есть одно хорошее выражение: «Власть утомляет, а безграничная власть – утомляет безгранично». Хм, странно, почему я это все тебе говорю? Потому что ты – единственный человек, с ко-

торым я могу говорить свободно? Возможно... Наверное, так и есть... А ведь сколько лет мы не встречались. Война... Потом эти тяжелые годы... Сказать тебе одну интересную вещь? Иногда в душе я разговариваю с тобой.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(тронута)*. Иди сюда, подойди, сядь рядом со мной, Иосиф. *(Сталин направляется к ней.)* Ты хоть находишь время, чтобы встретиться со своими внуками, Иосиф?

СТАЛИН. Дело не во времени. Почему у моих внуков должны быть особые привилегии? Разве товарищ Сталин не является дедушкой всех советских детей? Они могут со мной встречаться? Чем мои внуки отличаются от них?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Но у жизни есть свои законы...

СТАЛИН. У жизни есть только два закона: родиться и умереть. Остальные законы создает государство! И всегда так было! Просто меняется форма. Власть и дворец! (*Поднимает палец вверх.*) Когда Он создавал власть, Он вместе с ней создал покушения и перевороты, политические предательства и лицемерие, подхалимство и вероломство. Сменяются эпохи и политические формирования, но дворец остается неизменным. Вчера он назывался дворцом, сегодня Политическим бюро, завтра у него будет другое название, но смысл остается неизменным. Рядом с Наполеоном всегда обязательно должен стоять Талейран.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Но тебя же окружают верные соратники...

СТАЛИН. Иуда тоже был верным соратником Иисуса.

Пауза.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Ты когда-нибудь в своей жизни кого-нибудь любил, Иосиф?

Сталин останавливается у окна, отодвигает тяжелую бордовую штору и смотрит в окно.

СТАЛИН. Снег идет...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Ты хоть сколько-нибудь любил меня?

СТАЛИН. Тебя многие любили, Ольга!

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Ты думаешь, я спрашивала их, любят ли они меня или нет? В этом не было нужды. А у тебя я спрашиваю.

Сталин отходит от окна и опять расхаживает по кабинету.

СТАЛИН *(с улыбкой)*. Мне кажется это смешным... «Товарищ Александровская!» или «Товарищ Ольга». «Товарищ княжна Ольга Александровская!» Как звучит? В Советском Союзе ты единственный человек, которого я никак не могу назвать «товарищ»! Алексей Толстой для меня не «товарищ граф», а «товарищ Толстой». Ну, самое большее, «красный граф»... А ты не можешь быть «товарищем Александровской».

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Ты не ответил на мой вопрос, Иосиф!

СТАЛИН. Разве это не ответ?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Что? То, что ты не можешь называть меня «товарищ»?

СТАЛИН. Разве этого мало, Ольга? *(Расхаживая по кабинету.)* Ведь ты тоже, как и другие наши представители культуры, не интересуешься политикой. Это очень плохо, княжна Александровская... А ты знаешь, что маньчжурский император Пу И – последний представитель династии китайских императоров, после войны был нашим пленником?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(качая головой)*. Нет…

СТАЛИН. Так вот, мы его держали в Хабаровском лагере. Он мне оттуда писал, что боится своей выдачи Китаю... Писал, что изучает в лагере марксизм-ленинизм, хочет стать членом партии, просил, чтобы мы приняли его в члены партии.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. В Коммунистическую партию?

СТАЛИН *(останавливается, с откровенным упреком)*. А что, у нас есть другая партия, Ольга? В Коммунистическую партию Советского Союза!.. *(Опять прохаживаясь.)* «Товарищ император...» Смешно, да?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Смешно?.. По-моему... по-моему, это очень печально, Иосиф, трагично... А что ты сделал?

СТАЛИН. Выдал его Китаю. *(Короткая пауза.)* Вот такие дела, Тамара!..

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Тамара? Не можешь забыть Тамару... Кавказская девушка Тамара... Она напоминает тебе Кавказ?

СТАЛИН. Нет...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Тогда почему, Иосиф? Столько лет прошло...

СТАЛИН. Из-за милосердия. *(Подходит к столу заседаний, берет стакан, наливает в него воду из графина.)* Хочешь воды?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Нет, спасибо.

СТАЛИН *(делает пару глотков, ставит стакан на стол и медленными шагами подходит к окну, опять отодвигает тяжелую штору и смотрит на улицу)*. Снег усиливается... *(Пауза.)* Какой-то грузин, который был по сути никем и говорил с акцентом на русском, сбежал из Сибири, пришел в Большой театр и, сидя на последнем ряду балкона, смотрел «Демона» Рубинштейна... Каждый раз, когда вспоминаю это, я вновь и вновь переживаю это чувство...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Если бы ты знал, Иосиф, как я хотела бы тогда увидеть тебя. Тебя, Кобу! Увы!.. Сожалею!.. Откуда я могла знать, не только я, но и все актеры, и все зрители, весь Большой театр, что будущий товарищ Сталин сидит сейчас в этом зале и смотрит спектакль?

СТАЛИН. С тех пор прошло больше сорока лет, но кажется, что это было вчера...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(полушутя)*. Не напоминай так часто годы, Иосиф!

СТАЛИН. Ольга, я же сказал, что ты всегда молода!.. (*Короткая пауза.) (Задумчиво.)* Ангел унес душу твоей Тамары на небеса... Твоя Тамара получила прощение! Она в раю! А Дьявол обречен на вечное одиночество... *(Помолчав немного, он тихо, как бы для себя, читает стихи из поэмы М.Лермонтова.)*

И Ангел строгими очами
На искусителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви!..

(Пауза.) Тамара поцеловалась с Демоном, но, знаешь, Ольга, мне кажется, что его поцелуй навсегда остался на твоих губах, вот почему на наших встречах твои губы горели таким огнем. Когда я целовал тебя, я чувствовал запах Дьявола, оставшийся на твоих губах. Когда я слушал Дьявола в исполнении еще не ставшего предателем Шаляпина и твою Тамару, я чувствовал себя перед этим искусством жалким уличным псом. Я закрывал глаза, чтобы ничего не видеть. Но когда слушал тебя, твое лицо и тело вставали перед моими глазами. Твои арии будто раздевали тебя, но я знал, что

твое голое тело очень далеко от меня!.. Я осознавал, что это расстояние вечно!.. Понимал, что эта юная княжна, вышедшая на сцену наперекор запретам семьи и воле отца, князя Александровского, упрямство которой стало почти легендой, настолько же далека от меня, насколько близка к этим господам, сидящим в ложах и похожим в своих фраках с лентами в петлицах на самодовольных куриц. Мне хотелось взорвать и их, и их нарядные ложи. Мне казалось, что они никогда не смогут понять Тамару. Они способны только обвинять Тамару, потому что Тамара почувствовала любовь Демона, поверила в эту любовь и его обреченность на одиночество. Это неосознаваемо наполнило ее сердце состраданием. Это было настолько сильное и искреннее сострадание, что превратилось в любовь. Любовь Тамары возвышала Демона, может, эта любовь могла бы спасти его от осуждения?.. Может, эта искра, зародившаяся в душе Демона, превратилась бы в озаряющее пламя, а? Которое согрело бы его душу?.. И исцелило бы его сердце от обиды и печали?.. *(Короткая пауза.)* Кто создал эту легенду? Люди. Кто превратил ее в гениальную поэму? Гениальный Лермонтов! Но за любовь, за которую надо было возвести Тамару в ранг святой, они придумали «злой, пугающий дух» и вначале убили Тамару, а затем, придумав какого-то «Доброго ангела», забрали ее в рай. Другими словами (*поднимает палец к небу*), Он прощает Тамару. В чем грешна Тамара, чтобы прощать ее? Может, любовь и сострадание Тамары, наполнив сердце Демона, изменили бы его и сделали его достойным рая? Может, она забрала бы его с собой в рай? *(Короткая пауза.)* Причиной ненависти Демона к жизни и его одиночества являются человек и Бог, придуманный этим человеком. *(Отходит от окна, подходит к Ольге Александровской и берет ее за руки.)* Куда ты пойдешь потом?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. В консерваторию. У меня скоро урок.

СТАЛИН. Нет... Ты *(указывает пальцем на окно)*, выйдя из Кремля, шагая по снегу – чистому, белому снегу, пойдешь к свободе.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. А ты что будешь делать?

СТАЛИН. Я? *(Смеется.)* Я в этом кабинете с товарищами из Узбекистана буду проводить совещание по хлопководству. *(Ольга Александровская поднимается. Сталин берет обе её руки.)* Ольга, правда, что твой отец, князь Александровский, просил императора повлиять на тебя, чтобы ты оставила мысли о сцене, но ты не послушала даже Его Величество?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф, мне кажется, что все, что было в прошлом, – только сон...

Они подходят к двери, ведущей в приемную, останавливаются.

СТАЛИН. Кажется, я утомил тебя бессмысленными разговорами.

Ольга Александровская, не говоря ни слова, неожиданно целует Сталина в щеку, на этот раз резко открывает обитую кожей дверь и выходит из кабинета.

Свет гаснет.

Картина четвертая

Москва. Конспиративная квартира. Ночь.
Куратор министерств, Куратор партии,
Куратор безопасности, Куратор торговли.
Члены Политического бюро минуту назад пришли на место встречи.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Раздевайтесь, товарищи, садитесь.

Кураторы снимают пальто, шляпы и, кинув их кто – куда, садятся за круглый стол.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Мы можем быть уверены, что это место безопасное?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Кроме меня, никто не знает об этой конспиративной квартире. И ключи от нее есть только у меня.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Говоришь, никто?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Те, кто знал, сейчас жалуются ангелам.

КУРАТОР ПАРТИИ. То есть ты хочешь сказать, что Поликарпов сюда свой нос не совал?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Надеюсь, нет. Но не знаю, была ли за нами слежка, когда мы сюда ехали.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Я приехал на машине своего зятя.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. А что, установить слежку за машиной твоего зятя – дело сложное?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Товарищи, сейчас уже нет смысла говорить об этом. Может случиться все, что угодно. Возможно, это наша последняя встреча. Другого пути у нас нет! Или мы, или этот старый параноик!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Он всех нас четверых взял на мушку. И, как и других самоотверженных большевиков, соратников Ленина, отправит на тот свет, в ад.

КУРАТОР ПАРТИИ. Почему в ад?

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. У нас столько грехов, что...

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(перебивает его)*. Наш самый большой грех в том, что мы отдали всю власть в стране этому параноику. Неважно, что будет с нами, но что будет со страной? Будущие поколения будут плеваться, слыша наши имена, мол, у вас была такая власть в руках, куда вы смотрели?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Почему это неважно, что будет с нами? Мы что, не люди? У нас что, семей нет? *(Куратору министерств.)* Разве он не заставил тебя развестись с женой и сослал ее в Сибирь как английскую шпионку? *(Куратору безопасности.)* А твоего брата разве не расстрелял как троцкиста?

КУРАТОР ПАРТИИ. Да у него самого! У него самого не осталось ни близких, ни дальних родственников, всех объявил врагами народа, кого в Сибирь сослал, кого расстрелял! Я не удивлюсь, если он завтра объявит своих детей, сына или дочь, английскими шпионами или приспешниками Тито и расстреляет их как врагов народа!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Тито – только предлог. Вы что, не понимаете этого?!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Нам уже нечему удивляться! Причем давно уже! Ты что, не видишь, сколько в нем скрытой ненависти к евреям? *(Передразнивает.)* «Вы не еврей, вы коммунист». Еврей не может быть коммунистом? А Маркс кем был?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Все, что он говорит, говорит с умыслом. Он опять что-то задумал. И об Израиле он неспроста сказал, я носом чую, что в воздухе веет новой кампанией.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Для этого тирана что человек, что муха – разницы нет! В Ялте предложил расстрелять пятьдесят тысяч немецких офицеров без суда. Это же при мне было!.. Пятьдесят тысяч! Представляете? Пятьдесят тысяч людей – без суда! У Рузвельта и Черчилля глаза на лоб полезли от такого предложения. А он настаивал! Черчилль сказал, что Великобритания никогда не согласится на расстрел без суда! В конце концов, вышел из комнаты, хлопнув дверью.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Но когда этот Калигула всегда с опозданием входил в зал, Черчилль, как рядовой солдат, вскакивал с места.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Не видите, у тех, кто в первый раз входит в его кабинет... *(Замолкает и смотрит на Куратора безопасности.)* Ты случаем здесь где-нибудь не установил микрофон?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. На этот раз нет. Договаривай.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Не видите, те, кто в первый раз заходит в его кабинет, выходят поседевшими.

КУРАТОР ПАРТИИ *(с откровенной злостью и досадой)*. Только у тебя ни одного седого волоса!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Ну и что? У нас в Закавказье мусульмане покойников заворачивают в белый саван и хоронят. С тех пор белый цвет для меня – это цвет смерти.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. В таком случае внутри меня нет ни одного цвета, кроме белого. И только у меня ли?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Я еще раз вам говорю, что у меня есть информация: он объявит нас врагами народа *(говорит по слогам)* и рас-стре-ля-ет. Интуиция мне подсказывает, что информация эта верная.

КУРАТОР ПАРТИИ. Одним словом, у нас больше нет времени. Завтра вопрос должен быть решен!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Еще не известно, доживем ли мы до завтра.

КУРАТОР ПАРТИИ. Поэтому решение мы должны принять сегодня!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Вы вчера не поняли, что это конец? Мое чувство никогда меня не обманывает. Это конец! Вы же видели, на съезде он вытащил из кармана список, которого до тех пор никто не видел, и включил в Политбюро каких-то мальчишек.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ *(с издевкой)*. Даже этого красавца-подхалима… как его… Брежнева назначил секретарем Центрального Комитета.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Я еще тогда почувствовал, что все это было затеяно для того, чтобы заменить нас! А что значит для него понятие «заменить»? Уничтожить! Обвинить нас в антигосударственной, антипартийной деятельности и *(с сарказмом)* «по требованию народа» расстрелять! Это и является целью! Всех нас поставить к стенке!

КУРАТОР ПАРТИИ. Вы не заметили, как двусмысленно вчера он говорил со мной?!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. А со мной?! Как будто картины из Эрмитажа я продал Галусту Гульбекяну самовольно! Я что, прикарманил полученные деньги? На эти деньги мы построили огромный завод в Ростове! *(Куратору министерств.)* Ты же помнишь?!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Как же не помнить?! Да, мы взяли картины Рафаэля, Тициана, Ван Дейка и продали капиталистам! Но на эти деньги мы построили заводы и фабрики от Азербайджана до Барнаула, от Ленинграда до, еще не знаю, каких регионов! Магнитка, Днепрогэс, Уралмаш!..

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(с сарказмом)*. А вы что, не знаете?! Если бы мы не построили эти заводы и фабрики, то Рафаэль и Тициан, взявшись за руки, вышли бы на поле боя и победили Гитлера!

КУРАТОР ПАРТИИ. Я всю душу вложил в Беломорканал, а лавры пожинает он! Гениальный вождь!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(передразнивает)*. «Двадцать семь – стали двадцать шесть...» Тридцать лет этим жалом жалит меня в сердце.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Сейчас не время вспоминать эту темную историю.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(в бешенстве)*. Что? Темную? Ты ставишь мой большевизм под вопрос? Я знаю, после того, как мы его ликвидируем, если нам удастся это, ты возмешься за нас. И в первую очередь, конечно, за меня.

КУРАТОР ПАРТИИ. Если мы опять начнем спорить и ругаться, то ничего сделать не сможем.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. А ему только это и нужно! Если бы вчера де Голль не позвонил, то не известно, чем бы все закончилось...

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. А рассказ о Каладзе?!. Сказка про Шейха?!. Вы же прекрасно знаете, он никогда просто так ничего не говорит!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. А его слова о верности?!

КУРАТОР ПАРТИИ. Как только де Голль позвонил, он выставил нас из кабинета. *(Передразнивает.)* «Вы можете идти». А при нас нельзя говорить с де Голлем? Конечно, кто мы для него? Но мы тоже руководители этой страны!.. Разве мы не должны знать, чего хотел де Голль? Почему ты ждешь его звонка? И что ты собирался ему сказать?!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Еще не известно, на самом ли деле звонил де Голль, или это тоже часть запланированной им игры? Никто этого знать не может...

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. На завтра он опять нас вызвал. Причем днем! Я не помню, чтобы в последние годы он проводил совещания днем!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. И опять, как и вчера, только нас четверых!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Мое предчувствие говорит мне, что завтра Поликарпов из этого мерзкого кабинета прямиком отправит нас на Лубянку!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Мы должны спасти страну от него!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Да и самих себя тоже! Мы должны спасти и страну, и себя!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(нервно)*. Нужно вырвать страну из его рук! Завтра он должен быть обезврежен! Уничтожен! *(Вытирает вспотевший лоб.)* Я все подготовил! Готово!.. Все готово!..

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Что мы скажем народу?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Вначале объявим о его болезни. *(Вынимает из кармана брюк бумагу, читает.)* «Правительственное сообщение о состоянии здоровья Председателя Совета Министров СССР и Секретаря Центрального Комитета КПСС Иосифа Виссарионовича Сталина. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР сообщают о постигшем нашу партию и наш народ несчастье – тяжелой болезни товарища И.В. Сталина». Потом диагноз, что у него произошло кровоизлияние в мозг, список лечащих его врачей. Не хочу все читать, терять время.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Его в морг отправят, да?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Конечно. На второй день *(из другого кармана вынимает еще одну бумагу.)* сообщим о его смерти всем членам партии и всем трудящимся Советского Союза. *(Глядя на лист бумаги.)* Такого-то числа такого-то месяца после тяжелой болезни скончался. *(Читает.)* «Сердце соратника Ленина и великого продолжателя его дела, мудрого руководителя и учителя советского народа перестало биться. Имя Сталина безмерно дорого для нашей партии, советского народа, всех трудящихся мира». И так далее.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(опасливо осматривается по сторонам)*. Здесь точно нет микрофона?

КУРАТОР ПАРТИИ. Даже если есть, уже поздно оглядываться.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Справка о смерти?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(вынимает из нагрудного кармана пиджака)*. Готово.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Кто это подпишет?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Министр здравоохранения Третьяков. Руководитель лечебно-санитарного управления Кремля Куперин.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Они подпишут?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Как только узнают, что он мёртв, что дадим, то и подпишут.

КУРАТОР ПАРТИИ. Ясное дело.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Эти бумаги тоже уже готовы. Два академика, три профессора, лечащий врач.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(с ужасом)*. Вы ввели их в курс заговора, и они сейчас на свободе?!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Они в изоляторе.

КУРАТОР ПАРТИИ. Хорошо бы, если среди них был бы один грузин.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Я тоже так думаю. Но мы не можем найти никого, кто бы мог согласиться. Поэтому мы были вынуждены расстрелять двух грузинских профессоров, объявив их врагами народа. *(Нервно.)* Не могу же я рассказывать о заговоре всем грузинским профессорам, а потом расстреливать их!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Расстрел, как привидение, преследует нас... Всегда висит над нами, как дамоклов меч.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Что мы могли сделать? Не мог же я отпустить их после такого предложения!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(торопливо)*. Нет, нет!.. Конечно!..

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Похороны?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Создадим Комиссию по похоронам, куда сами и войдем.

КУРАТОР ПАРТИИ *(тут же)*. Кто будет председателем?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Это определим позже.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Где будем хоронить?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ (достает еще одну бумагу из другого кармана пиджака). Будет решение Совета Министров. *(Читает.)* «Саркофаг с телом товарища Сталина будет помещен в Мавзолее на Красной площади рядом с саркофагом В.И.Ленина».

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Где трудящиеся смогут попрощаться с ним?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Примем решение, что церемония прощания пройдет в Колонном зале Дома союзов. Объявим четыре дня государственного траура. Мы все должны быть там, часто сменяя друг друга в почетном карауле.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Четыре дня?.. Обедать тоже там будем?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(пропуская мимо ушей его слова)*. Церемония похорон состоится на Красной площади. Пройдет военный парад. Будут даны залпы из орудий.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Председателю Союза писателей Фадееву надо дать указание, чтобы он велел поэтам написать стихи на смерть вождя.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Какое еще указание? Ничего не надо! Они и сами без указания начнут писать.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Прощальный митинг руководство страны проведет на трибуне Мавзолея.

КУРАТОР ПАРТИИ *(тут же)*. Кто будет проводить митинг?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Это решим позже.

КУРАТОР ПАРТИИ. Позже, позже! Это самый главный вопрос!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Нет, самый главный вопрос – как нам убрать это страшилище. Кабинет его окружает столько телохранителей… работников личной службы безопасности, опекунов, слуг!..

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Работники личной службы безопасности, которые не подчиняются тебе!..

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. А Поликарпов?!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Да, да! Поликарпов?!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Это и есть самый главный вопрос! Пока жив Поликарпов, мои люди не смогут обезоружить их. Поднимется шум, Поликарпов все поймет, и Старик все поймет. А в его кабинете сто кнопок! Так что змею надо бить прямо в голову! Вначале Старик!

КУРАТОР ПАРТИИ. В аду давно уже его заждались!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. А еще притворяется атеистом! При нас он атеист, выступает против религии, а оставшись один, я более чем уверен, молится Богу!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Правильно!

КУРАТОР ПАРТИИ. А ты Богу не молишься?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Нет! Я атеист!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(нервно)*. Хватит! Сейчас не время говорить о Боге! Сейчас перед нами стоит только одна задача: мы должны его уничтожить! В кабинет пройти с оружием невозможно. Для нас установлены такие правила, будто мы обычные люди, пока доходим до Поликарпова, раз десять нас проверяют. *(Неожиданно Куратору партии.)* Его задушишь ты!

КУРАТОР ПАРТИИ *(вздрагивая, гневно)*. Что? Я? Почему я? Почему не ты, а я?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(указывая на лежащие на столе бумаги)*. Одной из этих бумаг достаточно, чтобы меня со всем моим родом уничтожили! Только я должен все делать, а вы преспокойненько будете спасать свои шкуры?

КУРАТОР ПАРТИИ *(указывая на Куратора министерств)*. Тогда почему не он, *(показывает на Куратора торговли)* не он, – а я?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. У тебя есть опыт в этом деле. Разве не ты задушил в своем кабинете маршала Петровского?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Точно!

КУРАТОР ПАРТИИ. Петровский в пьяном виде вошел в мой кабинет и начал ругать Сталина. А Сталин, в этом я не сомневаюсь, прекрасно слышит и знает, кто о чем говорит в моем кабинете. Что я должен был делать? Подставить вместе с Петровским и себя под расстрел?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. А ты не вяжущего лыка, легендарного маршала Петровского, Героя Советского Союза задушил, чтобы доказать свою верность Сталину!

КУРАТОР ПАРТИИ. Он был врагом народа!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. А он сам – кто? Райский ангел? Облагодетельствовал, снизошел с небес на землю?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(с иронией)*. Наверное, так и есть!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Он и есть самый большой враг народа!

КУРАТОР ПАРТИИ. Я категорически против! Я протестую от имени партии!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Ты протестуешь от имени партии против того, чтобы его убрали?

КУРАТОР ПАРТИИ. Я не это имел в виду.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Ладно! Хватит! Я заранее знал, что все так и будет! Бросим жребий! Кому выпадет – тому выпадет!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. А что, есть другой выход?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Что? Жребий? Какой еще жребий? Что это за игра? Я даже курицу зарезать не могу!

КУРАТОР ПАРТИИ. Да ты сколько людей в Армении расстрелял, когда поехал туда?! Сколько семей уничтожил?! Сколько детей сиротами оставил?!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. А ты?! О своих делах ты забыл? Сколько партийных и беспартийных в Москве расстрелял? Не ты ли каждую неделю писал по заявлению с мольбой: «Дорогой вождь, увеличь нам квоту на расстрел»?!

КУРАТОР ПАРТИИ. Они были врагами народа!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. А расстрелянные мной кем были? Не враги народа, контрреволюционеры, троцкисты?! Не турецкие и английские шпионы?! Не пантюркисты?! Не моллы и священники, пугающие народ Богом, Аллахом?! Какой еще жребий? Нет, я в такой игре участвовать не могу! *(Встает, берет свое пальто, надевает шляпу.)* До свидания! Я под руководством товарища Сталина продолжу неустанно служить нашему народу! Прощайте!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Ладно, ладно!.. Снимай свою шляпу. Садись!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ *(взволнованно)*. Товарищи, куда это он идет?!

КУРАТОР ПАРТИИ. Его отпускать нельзя!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Садись, я сказал! Ты не участвуй в жеребьевке. Садись, подготовь для нас троих записки для жребия.
КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Да?
КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Садись.
КУРАТОР ПАРТИИ. Тебе же сказали. Давай, быстрее!

Куратор торговли бросает пальто и шляпу на диван,
вырывает три листка из блокнота, лежащего на столе, и,
отойдя в сторону, ставит на одном из них значок.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. А если в кабинете возникнет шум, Поликарпов ничего не почувствует?
КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Какой звук может проникнуть через эту толстую, обитую кожей дверь?!

Куратор торговли подходит к столу с серьезным и решительным видом,
смешивает сложенные листки.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Тяните!

Кураторы берут листки, разворачивают, смотрят.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ *(глубоко выдохнув)*. Оф-ф-ф!...
КУРАТОР ПАРТИИ *(швырнув листок на стол)*. Вся грязная работа всегда выпадает на мою долю!
КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Что за разговоры о доле? Ты коммунист!
КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Видишь, и Божий выбор пал на тебя!

Свет гаснет.

Картина пятая

Москва, Кремль. Кабинет Сталина и приемная.
Сталин, Поликарпов, маршалы, члены Политбюро – Куратор партии,
Куратор министерств, Куратор безопасности, Куратор торговли.

Сталин сидит за своим письменным столом и читает бумаги.
Поликарпов сидит в приемной на своем месте.
Члены Политбюро сидят в креслах напротив него. Звонит телефон.

ПОЛИКАРПОВ *(подняв одну из трубок)*. Занят!

Телефоны продолжают звонить.
Поликарпов отвечает на звонки и регистрирует каждый звонок.

– Занят!
– Я не получил такого поручения!
– Он занят!
– Он сам вам позвонит!
– Не знаю, мне указаний по этому поводу не дано!
– Занят!
– Нет!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Товарищ Сталин на самом деле перпетуум-мобиле!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Ленин был нашей славной историей. А товарищ Сталин – наше великое сегодня, грандиозное завтра!

КУРАТОР ПАРТИИ. Вы не знаете, товарищ Сталин пригласил нас по какому вопросу?

ПОЛИКАРПОВ *(кладя трубку после очередного звонка)*. Товарищ Сталин не отчитывается передо мной.

КУРАТОР ПАРТИИ. Извините, товарищ Поликарпов.

Короткая пауза.

ПОЛИКАРПОВ. Вы очень взволнованы.

КУРАТОР ПАРТИИ. Я?

ПОЛИКАРПОВ. Вы все... Что-то случилось?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Нет, нет!.. Что может случиться?!.

Сталин откладывает бумаги в сторону, берет со стола потухшую трубку и задумчиво крутит ее в руке. Наконец нажимает на кнопку связи с Поликарповым. Поликарпов тут же вскакивает, вытягивается в струнку и берет трубку.

ПОЛИКАРПОВ. Слушаю, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Они ждут?

ПОЛИКАРПОВ. Да, товарищ Сталин!

Короткая пауза.

СТАЛИН. Пусть войдут.

ПОЛИКАРПОВ *(кладет трубку, садится и кивает головой в сторону обитой кожей двери).* Проходите.

Члены Политбюро живо поднимаются, отряхивают костюмы, по одному проходят внутрь и толпятся у двери.

– Здравствуйте, товарищ Сталин!

– Добрый день, товарищ Сталин!

– Здравствуйте, товарищ Сталин!

– Здравствуйте, товарищ Сталин!

СТАЛИН *(здоровается кивком головы, указывает рукой, в которой держит трубку, в сторону длинного стола заседаний)*. Садитесь.

Члены Политбюро садятся за стол друг против друга. Сталин закуривает трубку, поднимается и маленькими мягкими шагами направляется к ним и начинает ходить вокруг стола.

(Тихо, будто разговаривает сам с собой.) Наша конечная цель – победа коммунизма... Мы всю свою жизнь посвятили этому... Мы верим в это... Победу над фашизмом одержал не я и не кто-то другой! Победу над фашизмом одержала эта наша вера!.. *(Останавливается возле Куратора партии.)* Не так ли?

КУРАТОР ПАРТИИ *(вставая с места)*. Конечно, товарищ Сталин! По-другому и быть не может!

СТАЛИН *(продолжает ходить медленными мягкими шагами вокруг стола заседаний)*. Садитесь. *(Куратор партии садится.)* Правильно, по-другому быть не может!.. Правильно говорите!.. *(Короткая и тяжелая пауза.)* Тогда почему мы отстаем?.. Империализм развивается, у них растет зарплата рабочих, стирается грань между городом и деревней, они строят, возводят, а мы?.. Мы отстаем от них во всех сферах. Почему?.. Наши стахановцы работают хуже американских рабочих?.. Или наши колхозники трудятся меньше английских фермеров?.. *(Короткая и тяжелая пауза.)* Да, война нанесла нам намного больше урона. *(Останавливается возле Куратора партии.)* Не так ли?

КУРАТОР ПАРТИИ *(живо поднимаясь с места)*. Так, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Садитесь. *(Куратор партии садится. Сталин продолжает ходить вокруг стола медленными мягкими шагами.)* Правильно говорите... Так... Тогда Германия?.. Мы же уничтожили всю Германию! Камня на камне там не оставили! Почему разоренная и разрушенная Германия восстанавливается намного быстрее нас? Не только запускает старые заводы и фабрики, но открывает новые, создает новые технологии, открывает университеты... Почему?.. Сын пекаря Аденауэр им послан с неба, чтобы возродить Германию? Чтобы она вновь противопоставила себя миру? Почему империализм вместо того, чтобы чахнуть день ото дня, все больше ускоряет темп развития. Почему? Потому что... *(Останавливается. Зависает тяжелая пауза.)* Потому что мы делаем ошибки? *(Продолжает ходить вокруг стола заседаний.)* Да? Мы что, не на верном пути? Мы посвятили свою жизнь пустым мечтам? *(Опять останавливается возле Куратора партии.)* Вы именно так думаете, да?

КУРАТОР ПАРТИИ *(вскакивает со своего места)*. Нет, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Может, марксизм-ленинизм... может, на самом деле – это утопия? А?

КУРАТОР ПАРТИИ *(со все увеличивающимся волнением)*. Нет, товарищ Сталин!

СТАЛИН *(попыхивая трубкой, тихим голосом)*. Тогда почему Америка сбрасывает на Японию атомную бомбу, уничтожает тысячи мирных жителей, как мух, а после этого Япония становится сторонником Америки? Капитализм в мировой политике, как магнит, притягивает к себе прибыль. Почему? Греческие коммунисты героически сражались за свою родину, очистили свою страну от фашистов, стали хозяевами своей земли. По идее, Греция должна была стать коммунистическим государством, но что получилось? Капитализм настроил народ против коммунистов и уничтожил их. Почему? Для чего? *(Подходит к письменному столу, зажигает потухшую трубку и снова продолжает прохаживаться по кабинету. Пауза.)* Опять вопрос упирается в человеческий фактор? Может, и в нашем руководстве есть враги, а? Может, они занимаются вредительством и во внутренней, и во внешней политике, и поэтому темпы нашего развития отстают, мы не можем завоевать международного влияния? Почему у нас не хватает средств, чтобы помочь французским, итальянским, турецким коммунистам, чтобы они взяли власть в этих странах в свои руки? А? *(Внимательно смотрит на Куратора партии.)* Вы как-то сильно взволнованы...

КУРАТОР ПАРТИИ. Я... я разговариваю с товарищем Сталиным...

СТАЛИН. Вы были взволнованы, уже когда вошли в кабинет... *(Куратору торговли, сидящему напротив Куратора партии.)* Не так ли?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(живо вскакивая с места)*. Так, товарищ Сталин!

СТАЛИН *(снова смотрит на Куратора партии)*. Почему вы так волнуетесь, когда мы критикуем капитализм? *(Снова смотрит на Куратора торговли.)* Что-то случилось? Что случилось такого, о чем мы не знаем?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(в страхе)*. Я... я ни в чем не виноват...

СТАЛИН. Нет! Вы сказали неправду! Мы все виноваты. *(Строго.)* А теперь скажите, в чем вы не виноваты?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Я... я... Товарищ Сталин, я...

КУРАТОР ПАРТИИ *(Куратору торговли)*. Трусливый лис!..

СТАЛИН *(грозно)*. Что?
КУРАТОР ПАРТИИ *(грубо)*. Ничего!..

Куратор партии неожиданно кидается к Сталину,
хватает его двумя руками за горло и начинает душить.

Ничего!.. Ничего не случилось!.. Ничего!..

Куратор партии, охваченный ненавистью и гневом, душит Сталина.
Сталин старается всячески вырваться из его рук, но это ему не удается.
Члены Политбюро, вскочив со своих мест,
как загипнотизированные, наблюдают эту сцену.

Умри!.. Сдохни!.. Сдохни!..

Сталин испускает дух, наконец Куратор партии разжимает руки,
и труп Сталина падает на пол.

Все кончено!..

Члены Политбюро словно очнулись от гипноза.
Куратор торговли походит к телу Сталина, внимательно смотрит,
а потом пинает труп.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Сукин сын, сдох наконец!.. Наконец отправился на тот свет! *(Плюет на труп.)* Тьфу!.. Больше не будет, как собака Каладзе, кидаться на людей!.. Все кончено!

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Еще ничего не кончено!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(глядя на дверь, находящуюся слева)*. Поликарпов!..

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Да, Поликарпов!..

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Не волнуйтесь, мои люди ждут моего сигнала. Сейчас...

КУРАТОР ПАРТИИ *(вытирает пот с лица и, все еще не отошедший от пыла борьбы, перебивает его)*. Никто из вас мне не помог... Я должен переговорить с каждым членом Центрального Комитета. Товарищ Сталин... *(Плюет на труп Сталина, распластанный на полу.)* Надо сообщить им о тяжелой болезни Сталина. Завтра утром созовем Пленум Центрального Комитета. Мы...

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ (*перебивает его)*. Слушай внимательно, мы сейчас разделим все должности, а Пленум утвердит все! Понял? Я знаю, какую мечту ты лелеешь в душе. Но мои люди ждут именно моего сигнала. *(Показывает на свои наручные часы.)* Видишь эту кнопку? Как только я нажму на нее, мои, а не твои люди решат все проблемы!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Откуда нам знать, что твои люди не придут и не арестуют нас?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(раздраженно)*. Пока нет! Успокойся!.. А сейчас надо разделить должности!

КУРАТОР ПАРТИИ *(вытирая пот)*. От имени партии я уже все подготовил! Повестка Пленума готова.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Сейчас и партия, и правительство, и КГБ – это я!

КУРАТОР ПАРТИИ. Партия не позволит этому случиться!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Слушай! И слушай внимательно, я сказал! Правительством будем руководить мы! *(Указывает на Куратора министерств.)* Он и я! Он –

председатель, а я – первый заместитель! *(Глядя на Сталина, передразнивает его.)* «Почему империализм развивается?» Потому что партия вмешивается в дела государства! И мешает руководить государством! Потому что партия руководит страной! Поэтому *(опять передразнивает Сталина)* «отстаем от капитализма»! Партия пусть занимается своей идеологией! Ее власти пришел конец! Надо страну поднимать!

КУРАТОР ПАРТИИ *(указывая на труп Сталина)*. Его изолировала партия! Партия уничтожила его!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Его уничтожил страх, живущий в тебе! Если не хочешь отправиться за ним, молчи! Завтра на Пленуме мы утвердим тебя в должности Генерального секретаря партии, а правительство – наше, понял?! Или хочешь завести игры с моими людьми?

КУРАТОР ПАРТИИ *(шепотом Куратору министерств)*. А потом он уничтожит тебя!..

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ *(шепотом)*. Мы с тобой об этом поговорим позже...

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Что вы там шепчетесь?

КУРАТОР ПАРТИИ. Ничего.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. У меня нет желания занять какуюто другую должность.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. А тебе никто должность и не предлагает!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Очень хорошо! Мне достаточно и моей нынешней должности. Я просто *(говорит по слогам)* хо-чу жить! Хо-чу жить спокойно, со своей семьей. Знать, что смерть не висит надо мной дамокловым мечом! *(Смотрит на труп Сталина и снова плюет на него.)* Тьфу, «отец народов»!.. *(С иронией.)* Партия Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина!.. Ты еще скажи – партия Виссариона! *(Передразнивает.)* «Сын пекаря Аденауэр...» А сам-то ты кто?! Сын царя? Только посмотри на руководителя мирового пролетариата! Сын сапожника Виссариона нашел свой достойный конец!

КУРАТОР ПАРТИИ. А ты наложил в штаны! Если бы я замешкался на пять секунд, ты бы меня выдал!..

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Нет, я...

КУРАТОР ПАРТИИ *(зло перебивает его)*. Что ты лопочешь: «Нет, я...», «Нет, я...»?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(с волнением)*. Постойте!..

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Что случилось?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(шепотом)*. Стойте, говорю!..

В этот момент со скрипом открывается дверь,
находящаяся за письменным столом Сталина.
Члены Политбюро в ужасе смотрят на дверь. Пауза.

Сталин медленными шагами входит в кабинет,
подходит к письменному столу, берет спичку и зажигает трубку.
Такими же медленными, тихими шагами подходит к членам Политбюро и
делает затяжку, медленно оглядывает каждого соратника,
потом смотрит на лежащий на полу труп.

СТАЛИН *(указывая на лежащий труп, холодно и жестко)*. За что вы убили товарища Кондратьева? Он был стойким коммунистом, преданным партии. Прекрасно играл свою роль. *(Снова оглядывает каждого члена Политбюро и со зловещей иронией.)* Вы, мои соратники, ученики, хотели меня убить?! Трудящиеся на митингах, парадах несут ваши портреты, как моих стойких соратников и верных учеников, а вы готовите покушение на меня?!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(бросаясь в ноги Сталину)*. Как хорошо! Как хорошо, что вы живы, товарищ Сталин! *(Целуя ноги Сталину, показывает пальцем на Куратора партии.)* Это он все сделал! Он задушил! *(Снова начинает целовать ноги Сталину.)* Товарищ Сталин!.. Они и меня хотели убить!.. Как хорошо, что вы живы!..

СТАЛИН *(с чувством откровенной брезгливости отталкивает ногой Куратора торговли в сторону)*. Ладно, ладно!.. Тебя расстреляем после них...

Трое членов Политбюро, будто очнувшись от гипноза, кидаются на Сталина и, нанося удары руками, ногами и душа его, стараются повалить на пол. Сталин, оказывая сопротивление, пытается вырваться из их рук, но постепенно уступает их силе. Наконец членам Политбюро удается повалить его. Сталин больше не в состоянии оказывать сопротивление, в потасовке слышен только его хрип. Куратор торговли, подползая, присоединяется к дерущимся, и ногами, и руками наносит удары Сталину. Хрип Сталина прекращается, члены Политбюро, толкая друг друга, все еще не могут остановиться и наносят тумаки Сталину.

– Сдохнешь ты, наконец, или нет!..
– Умри!
– Сдохни!
– Получи!
– Вот так!
– Вот тебе!

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. В этот раз у тебя не вышло, не смог обмануть нас своим двойником!..

Члены Политбюро наконец выдыхаются, оставляют в покое тело Сталина и, тяжело дыша, садятся на пол. Тело Кондратьева лежит поодаль от тела Сталина.

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(тяжело переводя дух)*. Умер?

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(пинает ногой несколько раз тело Сталина)*. Давно уже в аду! Сучонок Виссариона!

Короткая пауза.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Что это за звук?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Звук? Какой еще звук?

КУРАТОР ПАРТИИ. Тихо...

Тяжелая пауза.

Слышны тихие шаги, и через несколько секунд опять открывается со скрипом дверь, находящаяся позади стола Сталина. Входят вначале Поликарпов, за ним трое маршалов Советского Союза с пистолетами в руках, за ними – Сталин. Он правой рукой, в которой держит трубку, отталкивает маршалов в сторону и подходит к сидящим на полу членам Политбюро.

СТАЛИН *(показывая на второй труп, лежащий на полу)*. Вы убили и товарища Васильева! Вначале товарищ Кондратьев... А теперь и товарищ Васильев...

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Товарищ Сталин... Дорогой товарищ Сталин... *(Теряет сознание.)*

СТАЛИН. Вы – продавшиеся империализму, запачкавшие руки кровью преступники! Партия ничего не жалела для вас! Партия вас вырастила! Партия опиралась на вас! А что вы сделали? Создали антипартийную группировку, хотели совершить в стране переворот, убить товарища Сталина! Решили возродить в стране капитализм! Вас будет судить народ! *(Поликарпову.)* Это враги народа, уведите этих американских шпионов.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ *(приходит в себя)*. Товарищ Сталин… Я… я не шпион Америки…

СТАЛИН. Конечно… Я знаю, вы не шпион Америки. Это они американские шпионы.

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Да… Они… Это они…

СТАЛИН. А вы турецкий шпион. Не так ли?..

КУРАТОР ТОРГОВЛИ. Товарищ Сталин… Товарищ Сталин… *(Опять теряет сознание.)*

Поликарпов, а за ним маршалы решительными шагами подходят к членам Политбюро.

ПОЛИКАРПОВ. Встаньте! (*Все, кроме Куратора торговли, потерявшего сознание, поднимаются.)* Вперед, на выход!

Члены Политбюро, сопровождаемые Поликарповым, направляются к левой двери. Один из маршалов, схватив Куратора торговли за шиворот, волочит его к выходу. У двери Поликарпов отходит в сторону.

ПОЛИКАРПОВ *(Маршалам)*. Уведите!

Члены Политбюро и маршалы выходят из кабинета. Поликарпов подходит к Сталину.

ПОЛИКАРПОВ. Товарищ Игнатов, по указанию товарища Сталина объявляю вам благодарность за достойное выполнение своих служебных обязанностей! За заслуги перед Коммунистической партией и советским народом товарищ Сталин наградил вас орденом Ленина! Поздравляю вас, товарищ Игнатов! От всей души поздравляю! *(Поликарпов достает из кармана орден Ленина и прикалывает его на грудь Игнатову.)* Еще раз поздравляю, товарищ Игнатов! (*Крепко обнимает и целует Игнатова.*)

Свет гаснет.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Картина шестая

Москва. Кремль. Кабинет Сталина. Вечер. Сталин, Ольга Александровская.

Ольга Александровская сидит на диване. Сталин сидит напротив нее в кресле.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(кокетливо)*. Мы годами не встречались, а теперь встречаемся через каждые три дня, Иосиф?

СТАЛИН *(играя потухшей трубкой)*. Кто знает, может, больше никогда не встретимся? *(С сарказмом.)* Товарищ Сталин так же, как и обычные люди, бессилен перед смертью.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф!..

СТАЛИН. Он имеет власть только над людьми, а не над смертью. *(Краткая пауза.)* Что будет с этой страной после товарища Сталина? Развалится за десять-пятнадцать лет и превратится в шестнадцать капиталистических государств, воюющих, враждующих друг с другом? И капиталистический мир такой шанс не упустит.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Ты еще более усталый...

СТАЛИН *(задумчиво)*. А может, завтра встретимся, кто знает? *(Начинает ходить медленно по комнате.)*

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(в хорошем настроении)*. Первый твой вопрос я знаю, Иосиф. *(Передразнивает его.)* «Ладно, а что говорят люди в мире искусства, Ольга? За исключением интриг в Большом театре! Что говорят о товарище Сталине?»

СТАЛИН *(с улыбкой)*. Да, что говорят? Я спрашиваю, а ты не отвечаешь.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Ты и так все знаешь, Иосиф. Разве тебе не сообщают о том, кто что говорит?

СТАЛИН. Они выполняют свой служебный долг. Ты – это другое. Они тайно следят за тобой, за другой, ведут слежку.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(взволнованно)*. Иосиф, и за мной следят?

СТАЛИН *(пожимая плечами, разводит в сторону руки)*. Не думаю, чтобы они оставили тебя без контроля...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Это не утомляет их?

СТАЛИН. У них нет на это права! Что, ты, кажется, взволнована?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Зная, что за тобой следят...

СТАЛИН *(улыбается)*. Разве есть государство без слежки, Ольга? А если и есть, то вскоре оно развалится! Разве в царское время за мной мало следили, начиная с Грузии, Азербайджана и вплоть до Сибири?! Может, и сейчас следят...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(с изумлением)*. За тобой?

СТАЛИН. Почему бы и нет? Все может быть! В мире, Ольга, все, все может быть! Ладно, не стоит драматизировать такие вещи... Каждый исполняет свой долг.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(все еще не успокоившись)*. На этот раз у меня к тебе есть просьба, Иосиф!

СТАЛИН *(с удивлением)*. Просьба?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Да. Правда, один раз ты мою просьбу не выполнил...

СТАЛИН. Какую просьбу?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. О Третьякове. Он тоже очень хорошо исполнял партию Демона. Третьяков был будущим Шаляпиным. Но умер в сибирской ссылке.

СТАЛИН. Знаю, я помню. Этот твой Третьяков весь Большой театр настроил против советского государства.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Тебе давали ложную информацию... Он был человеком, боящимся даже собственной тени...

СТАЛИН. Человек, боящийся своей тени, не должен исполнять партию Демона.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Ты мне обещал, что его вернут...

СТАЛИН. Я должен исполнять все свои обещания, Ольга? Ладно, что у тебя за просьба?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Подари мне одну из своих книг с автографом.

СТАЛИН. О-о-о!.. Беспартийная Ольга Александровская начала интересоваться марксизмом-ленинизмом?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф, плохо это или хорошо, но я хочу, чтобы эти наши… эти наши отношения не исчезли, не канули в Лету... Я хочу, чтобы будущие поколения в моем архиве нашли книгу товарища Сталина с автографом.

СТАЛИН. Ольга, к тому времени, если ты будешь жива, ты сама сожжешь эту книгу, чтобы за автограф Сталина тебя не сослали, по меньшей мере, в Сибирь и не стерли твое имя из истории русского вокального искусства!..

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(растерянно)*. Если честно, я даже не знаю, что сказать на твои слова...

СТАЛИН. Я знаю... После моей смерти на меня взвалят все грехи мира, но ветер истории безжалостно разметет всю эту грязь. Безжалостно!.. Я не знаю, смогут ли эти слепые котята, увязшие в бесконечных интригах и дрязгах, защитить страну от капиталистов или нет? Но тот ветер обязательно нагрянет!.. (*Короткая пауза.) (С улыбкой.)* Но ты так ничего интересного и не сказала о том, что говорят о товарище Сталине.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(все еще не успокоившись)*. Все тебя лю...

СТАЛИН *(перебивая ее)*. Все любят товарища Сталина и так далее… Я устал от этого, Ольга!

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Говорят, что... *(Нерешительно.)* Говорят, что ты на самом деле... грузинский еврей...

СТАЛИН. Да, я слышал это... *(Смеется.)* Бедный Виссарион, если бы он услышал это, он бы в гробу перевернулся... Он не любил евреев, потому что они с ним не пьянствовали и не кутили... *(Вдруг резко.)* Я – русский! Я русский грузинского происхождения! *(Останавливается, хочет зажечь трубку, но передумывает и продолжает ходить по кабинету.)* Но во сне я разговариваю на грузинском, Ольга!.. *(Чуть ли не в истерике.)* Слышу грузинские песни!.. Гуляю по берегу Арагви!.. Почему? Почему мне не снится Сибирь?! Почему не снятся Сольвычегодск, Нарым, Агинск? Не Петербург, не Царицын, а Тифлис? Почему? Я считаю это предательством! Я считаю это предательством и по отношению к русскому народу!.. Представляешь, что в детстве сказал Василий Светлане? Он спросил её: ты знаешь о том, что раньше наш отец был грузином?!. Что ты на это скажешь?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Что я могу сказать, Иосиф?..

СТАЛИН. Иногда во сне я вижу Баку, но не Москву... Почему? *(Подходит к окну, отодвигает тяжелую штору и смотрит на улицу.)* Ни один город не пахнет так, как Баку! Запах моря и нефти... В этом запахе я всегда чувствовал и запах бакинских рабочих, нещадно эксплуатируемых бакинскими миллионерами. В 43-м году по дороге в Тегеран самолёт заправлялся в Баку. Была холодная осенняя ночь. Даже если бы мне не сказали, какой это город, я узнал бы Баку по его запаху. Странно, иногда мне хочется почувствовать этот запах здесь, в этом кабинете... В этом желании есть какая-то ностальгия... Ностальгия, как паук, затаилась в засаде и с возрастом все больше и больше опутывает тебя... *(Короткая пауза.)* Ты говорила «Коба»... Коба остался там, Ольга! Ты говорила о романтике, и она вместе с Кобой осталась там!.. Это было еще в самом начале века, мы организовали такую забастовку бакинских рабочих, продлившуюся двадцать дней, что бакинские миллионеры впервые в истории Российской империи подписали договор с рабочими! Это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Это те бакинские миллионеры, которые богатели в один миг от забившего в их дворе нефтяного фонтана! Становились миллионерами и рабочих при этом не только забывали, они их эксплуатировали!

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф, правда, что ты брал там миллионеров в заложники, а получив за них выкуп, отпускал?

СТАЛИН. А что я должен был делать? Партийная касса была пуста. Миллионеры по своей воле подарили бы нам деньги? Это делал только глупец Савва Морозов. Вырванными у миллионеров деньгами мы заполняли партийную кассу.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Почему же Морозов глупец? Ты же говоришь, что он давал вам деньги.

СТАЛИН *(улыбаясь)*. Глупец потому, что мы на его деньги уничтожили его класс!.. С одной стороны, он эксплуатировал хлопкоробов в Туркестане, а с другой, – мы в Баку на его деньги печатали «Искру», нашу партийную газету.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Но...

СТАЛИН *(перебивая ее)*. Из промышленных районов Баку – Черного города, Балаханов, Биби-Эйбата – мы изгнали меньшевиков и не подпускали их к рабочим. *(Краткая пауза.)* Но Като в Баку заболела... Ей был двадцать один год. А мне – двадцать семь... После женитьбы мы поехали в Баку, недалеко от города, в рабочем поселке Балаханы сняли маленькую комнату. Окна выходили на нефтяные скважины. Мы были женаты уже год, когда она заболела туберкулезом, за месяц истаяла и улетела... Якову было тогда восемь месяцев... *(Глядя в окно, молчит какое-то время, потом поднимает руку, в которой держал трубку, к потолку.)* Сейчас они там встретились, наверно... *(Опять замолкает на какое-то время.)* Я и Надю в первый раз в Баку увидел, тогда ей было два годика... И она прожила всего тридцать лет...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(смущенно)*. Иосиф, насколько правильно, потвоему, говорить любовнице о своих женах?

СТАЛИН. Наша любовная связь осталась в далеком прошлом, Ольга! Мы сейчас с тобою как брат и сестра...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Надю я видела. Она была красивая.

СТАЛИН. Да... Она тоже верила в Бога, втайне от меня ходила в церковь...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Несчастная Като тоже была красивой?

СТАЛИН. Да... Мы ее похоронили в Тифлисе, на кладбище Кукий. Сейчас, наверное, могилка уже затерялась, и следа не осталось... Когда ее хоронили, я тоже бросился в могилу. Был у меня друг, Геронтий Кикодзе, спустился вниз и силой вытащил меня оттуда. Знаешь, что говорили потом дети Кикодзе? Лучше бы наш отец не вытаскивал Кобу из той могилы. Была хорошая возможность спасти людей от товарища Сталина. Вот так!

Сталин опускает штору и снова ходит по кабинету.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Где сейчас этот Кикодзе?

СТАЛИН. Не знаю. Может, в Сибири, может, расстрелян, точно не помню. Но помню, что мне говорили, что он тоже враг народа. Так мы Като в Тифлисе и похоронили... Надя похоронена на Новодевичьем...

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Говорят, что ты не пошел на ее похороны...

СТАЛИН. Потому что своей смертью она предала меня. *(Неожиданно со злостью.)* Смерть их обеих была предательством по отношению ко мне!

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Но, Иосиф, это промысел Бога!

СТАЛИН *(раздраженно)*. Какого Бога? Какое мне дело до того, что это промысел Бога? Разве не является предательством то, что они оставили меня одного?!

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф, может, я пойду, а ты отдохни немного...

СТАЛИН. Ты тоже, как врачи-предатели, советуешь мне отдыхать?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(нервно)*. Но ведь все не могут быть предателями, врагами народа, английскими шпионами, слугами империализма, бухаринцами, еще не знаю кем!..

СТАЛИН. Все могут быть только ангелами, так?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Я не так сказала...

СТАЛИН. А как ты сказала?

Пауза.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Иосиф, знаешь, о чем я думаю? В театре и кино артисты только внешне передают твой образ... Какие примитивные пьесы пишутся...

СТАЛИН *(с насмешкой)*. Для этого нужно обладать шекспировским талантом?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Да! Именно! Ты усмехаешься, но для этого нужен шекспировский талант, да! А может, боятся?..

СТАЛИН. Сибири?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Наверное... Шаповалов в фильмах играет как будто не тебя, а твой памятник.

СТАЛИН *(с улыбкой)*. Этот дурак написал письмо в ЦК с просьбой пожить пару недель на даче Сталина на берегу озера Рица, чтобы глубже понять личность вождя. Мне принесли, показали.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Ему разрешили?

СТАЛИН. Я велел написать ему, что если он хочет глубже почувствовать личность товарища Сталина, будет более полезным отправиться в Нарым... Дурак!

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Наверное, очень тяжело раскрыть твой характер в искусстве...

СТАЛИН. Да я и сам не понимаю характер Сталина!

Сталин снова подходит к окну, отодвигает тяжелую штору и смотрит на улицу.

Короткая пауза.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ *(нерешительно и взволнованно)*. Иосиф... *(Сталин оборачивается и смотрит на нее.)* Иосиф, ты... ты на самом деле товарищ Сталин?

СТАЛИН *(пожимает плечами)*. Кто знает... *(Затем снова смотрит в окно.)* После императора Павла Александр I укрепил Российскую империю, расширил ее границы, включил в нее Кавказ, спас Европу от Наполеона, а потом этот молодой, здоровый, красивый император, самодержец Российской империи будто бы взял и умер в Таганроге... Даже ученые говорят, что это ложь. Просто он отрекся от трона и всю свою оставшуюся долгую жизнь прожил в Сибири под именем Федора Кузьмича... Знаешь, как называют это на Востоке? Жизнь дервиша... *(Пауза.)* Звезды горят... Далекие звезды... По сравнению с этими далекими звездами и таинственным величием Вселенной наши чувства, мысли, желания, дела настолько ничтожны, убоги и бессмысленны!.. *(Вдруг, рассердясь на себя, поворачивается к Ольге Александровской и неожиданно зло.)* Почему я говорю все это? Почему ты должна все это слышать? Это никого не касается! *(В гневе.)* И к тебе это тоже отношения не имеет! Вставай! *(С сарказмом.)* Вставай и иди в свою консерваторию, княжна Ольга Александровская! Вымышленная Тамара! Прощай! Больше мы никогда не встретимся!

Ольга Александровская встает с места. Свет в кабинете постепенно гаснет. Теперь освещена только фигура Сталина. Стоя перед окном и закрыв глаза, тихим голосом читает Пушкина:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия –
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, –
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, –

Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня…

Свет гаснет.

Картина седьмая

Москва. Подвал Лубянки.

Поликарпов, Куратор партии, Куратор министерств,
Куратор безопасности, Куратор торговли, маршалы, офицеры.
На сцене темно. Внезапно в подвале включается свет,
и из темноты неожиданно появляется Поликарпов.

ПОЛИКАРПОВ. Введите!

Под охраной нескольких офицеров вводят кураторов-заговорщиков,
одежда на них изорвана, тела их от пыток и избиений окровавлены.
Они избиты настолько, что еле держатся на ногах.
За кураторами появляются уже знакомые нам маршалы.

ПОЛИКАРПОВ. Суд приговорил вас к расстрелу!

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ. Но мы не были ни на каком суде. Нас в суд не вызывали.

КУРАТОР ПАРТИИ. Это самовольство!..

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. Это не по-ленински!..

ПОЛИКАРПОВ *(Куратору безопасности)*. Вы сомневаетесь в советском суде и сталинской системе правосудия?

КУРАТОР БЕЗОПАСНОСТИ *(торопливо)*. Нет... Я не так сказал...

ПОЛИКАРПОВ *(другим заговорщикам)*. А вы?

КУРАТОРЫ *(торопливо)*.

– Нет...

– Нет...

– Нет...

КУРАТОР ТОРГОВЛИ*(бросается в ноги Поликарпову)*. Товарищ Поликарпов!.. Товарищ Поликарпов!.. Товарищ Сталин очень любит вас... Спасите меня, товарищ Поликарпов! Я хочу смыть все свои грехи перед великим Сталиным. Я не могу отправиться на тот свет с такими грехами! Ведь я признался в том, что я турецкий, а также английский, американский, японский, израильский шпион!.. Я подтвержу все, что вы скажете!.. Назовите кого хотите, я ему в лицо скажу, что он хотел отравить товарища Сталина… Я готов на все ради партии!..

ПОЛИКАРПОВ *(отталкивая его ногой, офицерам)*. Поставьте этого злостного врага народа к стенке!

Два офицера, схватив Куратора торговли за руки, тащат его к стенке.
Оставшихся заговорщиков тоже ставят к стенке.

КУРАТОР МИНИСТЕРСТВ. У меня есть важная информация для товарища Сталина!

ПОЛИКАРПОВ. На том свете передашь ее Троцкому! Ты старый троцкист! *(Маршалам.)* Товарищи маршалы Советского Союза! Приготовьтесь к расстрелу этих шпионов империализма и врагов советского народа!

Маршалы достают свои пистолеты и берут на прицел приговоренных.
Куратор партии, не выдержав, плачет навзрыд.

ПОЛИКАРПОВ *(смотрит с нескрываемой брезгливостью на врагов народа)*. Последнее желание?!

РАССТРЕЛИВАЕМЫЕ *(с трудом выговаривая слова)*:

– Да здравствует товарищ Сталин!

– Коба, я ухожу из этого мира с твоим именем на устах!

– Да здравствует вождь мирового пролетариата товарищ Сталин!

– Да здравствует товарищ Сталин, ведущий советский народ к победе коммунизма!

ПОЛИКАРПОВ. Смерть врагам народа!

РАССТРЕЛИВАЕМЫЕ:

– Нет!..

– Не надо!..

– Нет!..

– Умоляю!..

ПОЛИКАРПОВ. Огонь!

Куратор торговли еще до залпа падает на пол.
Остальные падают после того, как по ним стреляют.
Поликарпов вынимает свой пистолет и подходит к Куратору торговли.

Поганый враг народа! *(Стреляет в Куратора торговли.)* Товарищи маршалы и офицеры! За большие заслуги перед советским народом товарищ Сталин послал предложение в Президиум Верховного Совета СССР о награждении вас золотыми звездами Героев Советского Союза и орденами Ленина!

В подвале гаснет свет.
В темноте слышны звуки шагов,
потом свет рампы освещает фигуру Поликарпова (Иванова).
Он подходит к телефону, висящему на стенке в углу,
берет трубку, набирает номер.

ПОЛИКАРПОВ. Алло! Слышите? Пароль: 32 дробь 163 точка 11. *(Короткая пауза.)* Здравствуйте, товарищ Поликарпов! Это я, Иванов.

За сценой слышен голос Поликарпова в трубке.

ГОЛОС В ТРУБКЕ. А-а-а, товарищ Иванов?

ИВАНОВ. Да, товарищ Поликарпов, говорит Иванов. Разрешите доложить: ваш приказ выполнен!

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Все в порядке?

ИВАНОВ. Да, товарищ Поликарпов!

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Очень хорошо!.. Поздравляю вас.

ИВАНОВ. Спасибо, товарищ Поликарпов! Я могу идти?

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Нет. Для вас есть новое поручение.

ИВАНОВ. Новое поручение? Ясно, товарищ Поликарпов. Все поручения будут выполнены! Слушаю вас!

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Не по телефону! Зайдите ко мне!

ИВАНОВ. Есть, товарищ Поликарпов! *(Вешает трубку.)* Оф-ф-ф!.. И домой сходить не дадут!.. *(Оглядываясь с опаской по сторонам, тихо.)* Будьте вы прокляты!.. *(Еще тише.)* Будь проклят и ты, и старый дьявол!..

Свет гаснет.

Картина восьмая

Баку.
Берег Каспия.
Вечер.

Девушка, Юноша.
Юноша стоит у прибрежных скал и смотрит на море.
Вбегает девушка.

ДЕВУШКА *(переведя дыхание)*. Ой!.. Опоздала...

ЮНОША. Ничего... Готовила выступление? Четыре дня, всего четыре дня осталось до нашего съезда. *(Торжественно.)* Съезд комсомольцев Азербайджана! Как звучит?

ДЕВУШКА. Гордо! Конечно, гордо! А выступление моё давно готово.

ЮНОША. Готово? А где же ты была?

ДЕВУШКА. В очереди за хлебом.

ЮНОША. В очереди за хлебом?

ДЕВУШКА. Дома не было хлеба, пошла купить.

ЮНОША *(немного смутившись)*. Да, у нас есть трудности. Но мы справимся с ними! Мы пройдем все трудности! Мы победим капитализм! Мы вырвем когти империализма!.. Ты посмотри на море, дорогая!.. Посмотри, какое оно тихое...

ДЕВУШКА. Да... Этой ночью мне приснился странный сон...

ЮНОША. Странный? Ну-ка, расскажи.

ДЕВУШКА. Но ведь говорят, что сны можно рассказывать только воде.

ЮНОША *(протягивает руку к морю)*. Так вот же сколько воды перед тобой!

ДЕВУШКА *(радостно смеется)*. А-а-а!.. И правда!..

ЮНОША. Рассказывай!.. Рассказывай, дорогая!..

ДЕВУШКА. Снится мне заснеженная горная вершина ... Я никогда не видела заснеженных вершин Кавказа, но во сне я знала, что это именно вершина Кавказских гор. А на самой высокой точке отвесной горы сидит орел. Я чувствовала во сне, что это не обычный орел... С этой высокой точки он внимательно смотрел вниз – на землю... От его острого взгляда ничто не могло укрыться... Знаешь, я... я во сне вдруг поняла, что этот орел на самом деле товарищ Сталин!.. Это было странное чувство. Я проснулась, но мне не хотелось открывать глаза... Я хотела все смотреть и смотреть на этого орла, сидящего на самой вершине горы...

ЮНОША *(растроганный)*. Да... Конечно, ты права, это не простой орел... Это кавказский орел! Это орел всех народов Советского Союза! Всех тружеников земного шара! Посмотри, каким свежим ветерком подуло с моря. И море подтверждает наши слова!.. *(Обнимает Девушку за плечи и прижимает к себе.)* Тебе не холодно?

ДЕВУШКА. Нет, нет. Как мне может быть холодно, когда ты обнимаешь меня?..

ЮНОША. Моя дорогая! *(Целует Девушку.)* Море хочет опять послушать тебя. Жаль, я не могу писать стихов!.. Прочти стихи, дорогая. Ты же знаешь, как я люблю, когда ты читаешь стихи!.. Я с той же силой, с какой люблю тебя, люблю, как ты читаешь стихи!..

ДЕВУШКА *(воодушевленно)*.

К новой жизни рождена ты
Алым стягом утренней зари,
Давшей надежду и новую жизнь.
И счастлива земля, и люди рады.
Врата ты древнего Востока,
И ветер разносит песни твои.
Влюблен я в эту новую жизнь.
Великий вождь – отец наш навеки,
О юности чьей здесь ходят легенды.
Прекрасную жизнь он нам подарил.
Услышь меня, родина моя,
Любовью к Сталину сердце пылает.
Только счастье ждет тебя впереди,
Азербайджан, Азербайджан!..

(*Подстрочный перевод*)

ЮНОША *(подняв руки и раскинув их широко)*. Будущие поколения, вы слышите?! Вы самые счастливые люди на земле!.. Вы – дети Сталина!..

ДЕВУШКА *(с откровенным недоумением)*. А тогда Сталин будет?

ЮНОША. Конечно, дорогая! Тот орел, которого ты видела, он – вечен! Этот кавказский орел освободит весь мир, Америку, Европу от капитализма! Он уничтожит капитализм! Люди разорвут капиталистические цепи и будут жить в свободном мире!.. Во всем мире, слышишь, во всем мире будет положен конец эксплуатации трудящихся!.. Закончатся войны!.. На земле будут править только братство, мир и безопасность!.. *(С энтузиазмом)*. Пойдем!.. Пойдем, дорогая!.. Пойдем навстречу будущему! *(Берет Девушку за руку.)* Вперед!..

Выбегают со сцены навстречу Будущему.

Свет гаснет.

КОНЕЦ

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

СТРАТЕГИЯ ЛЖИ

О пьесе Эльчина «Сталин».

После смерти Иосифа Сталина прошло уже около 80 лет, а его личность по-прежнему вызывает огромный интерес. Относиться к этому политическому деятелю можно по-разному: существуют самые различные, зачастую диаметрально противоположные взгляды и мнения по поводу него и того, что он делал. Но отрицать то, что он был одной из самых заметных фигур на мировом политическом пространстве своего времени, не может никто. Масштаб его личности в политическом и историческом планах, бесспорно, огромен. Как были огромны и его авторитет у всех мировых политиков, и вера в него народа, жившего на территории управляемой им страны Советов и почитавшего его, как «отца народов».

Но на чем были основаны и на чем держались его огромный авторитет и вера в него народа? Они основывались и держались на тотальной, всеобъемлющей лжи. Народу они внушались, вбивались с кровью. Не верить было нельзя. Нельзя было даже сомневаться – усомнившиеся считались преступниками и как преступники карались – арестом, ссылкой, расстрелом. Карались без суда и без следствия, особо разбираться никто не собирался. «Лес рубят, щепки летят» – одна из установок Сталина, служившая оправданием всех действий сталинских палачей. Люди были никем и ничем в глазах тогдашних правителей. Их не было жалко. Это был материал для «построения светлого социалистического будущего», как это декларировалось властью, а на самом деле – для удовлетворения амбиций и поддержания всесилия этой самой власти. Все это со всей очевидностью отражено в пьесе Эльчина «Сталин».

Если говорить обобщенно, то в пьесе два главных героя: народ и власть. Народ представлен в первой и последней картинах пьесы в лице Юноши и Девушки. И он, и она – жертвы тотальной обработки со стороны сталинских идеологов, с суженным мировоззрением, ограниченным рамками идеологии, навязываемой им режимом, зомбированные постоянно повторяемыми лозунгами, запуганные лживыми обвинениями в адрес сомневающихся и постигшими их репрессиями.

…Юноша и Девушка встречаются на берегу Каспия. Девушка чем-то расстроена. Она сообщает Юноше, что арестован ее сосед – учитель географии, тихий, спокойный человек, который и мухи не обидит. «Значит, он – враг народа!» – безапелляционно заявляет Юноша. А когда Девушка начинает сожалеть об участи 12-летней дочери соседа, оставшейся без отца, Юноша не менее безапелляционно бросает: «Сафар муаллим – всего лишь ее биологический отец. А настоящий ее отец – Сталин!».

«Отец народа» – таким преподносили вождя сталинские идеологи. «Сталин – наш отец» – это был один из главных, постоянно повторяемых лозунгов. Люди разучились разговаривать своими словами, облекая в них свои собственные мысли, – они лишь повторяют вдалбливаемые в их сознание лозунги. Так проще. Безопаснее…

Вот и Юноша говорит далее, казалось бы, романтическую фразу: «Дорогая, закрой глаза и послушай шум прибоя. Кажется, что волны разговаривают с нами». Девушка: «И что же они говорят?» Юноша: «Говорят: «Вы – счастливчики! Вас ждет счастливое будущее! Ваш путь – это путь Сталина!»…

Опять – лозунги, опять – Сталин…

В этом небольшом эпизоде отражено состояние всего тогдашнего общества.

Второй обобщенный герой – власть предержащие: Сталин и его наиболее приближенные политические функционеры – Куратор партии, Куратор министерств, Куратор безопасности и Куратор торговли – так обозначает их автор. И дальнейшие картины пьесы демонстрируют, что их политическая стратегия – стратегия лжи.

Любая информация политизирована, она подается народу через призму интересов власти, при этом постоянно декларируется, что все в стране делается для счастья народа, что отец народа Сталин заботится о народе и все делает для того, чтоб он был счастлив, в том числе – повсеместно уничтожает врагов народа, которые хотят этому помешать. Такова тактика власти – тактика лжи. Но и стратегия власти также лжива – ее целью провозглашается построение коммунизма, при котором «все будут счастливы». На самом же деле цель – власть. Власть всеобъемлющая, безраздельная, беспрекословная.

Стремясь к достижению этой цели, Сталин и его окружение беззастенчиво лгут народу. При этом они не доверяют и лгут и друг другу. Сталинское окружение запугано так же, как и его народ. Правда, оно ему не верит и ненавидит своего властителя, ведущего с ними свою игру. «Старый параноик», «тиран» – такими эпитетами награждают они его за спиной. В глаза же льстят, фальшивят и лгут, превознося его до небес.

Автор выводит этих персонажей на сцену во второй картине пьесы. В ней Сталин рассказывает поучительную историю о пьянице Джансуге Каладзе и его собаке. Позже по ходу действия он расскажет и еще одну поучительную историю. Независимо от содержания этих историй главная мысль в них такая – на сделанное кому-то добро всегда ответят неблагодарностью. Сталин рассказывает эти истории, намекая, по-видимому, что каждому из собравшихся он сделал добро, приблизив к себе, дав власть, и теперь ничего, кроме черной неблагодарности, от них не ждет. Он старается запугать и унизить своих соратников – это один из его методов управления людьми. В разговоре Сталин бросает, обращаясь к Куратору торговли: «Разве в 18-м году не англичане расстреляли 26 бакинских комиссаров? Но на самом деле сколько их было?» Тот оправдывается: «Мне… мне при помощи местных большевиков удалось бежать из тюрьмы»... А Сталин замечает язвительно: «И 27 превратились в 26».

Здесь очевидно, что в образе Куратора торговли выведен Анастас Микоян, в описываемый в пьесе период (как отмечает автор, действие происходит в начале 50-х годов минувшего века) занимавший пост Министра торговли, а когда-то бывший 27-м бакинским комиссаром, удивительным образом избежавшим участи остальных – расстрела. И это – если не черное, то серое пятно на его биографии – предательство не доказано, но сомнения остаются. Для Сталина этот факт – инструмент запугивания и манипулирования Куратором торговли. Он не удаляет его от себя, хотя и не верит ему. Но он не верит и остальным своим соратникам. А эта давняя история – козырь в сталинском рукаве против Куратора торговли, который он в нужный момент достает… И тут же Сталин бросает с издевкой уже в адрес всех кураторов: «Вы всегда от души, добросовестно и честно исполняете все мои поручения. Не так ли?» И подчеркивает особо: «Всегда от души, да?» «Да! – за всех с воодушевлением отвечает Куратор партии. – Всегда – от души… всегда, товарищ Сталин, всегда!». При этом и Сталин, и сам Куратор партии отлично знают, что он лжет.

Ложь и лесть – вот главные правила игры в этой среде. Иногда Сталин все же одергивает соратников. В ответ на восхваление его гениальности, благодаря которой партии большевиков удалось не только завоевать власть революционным путем, но и сохранить ее после революции, Сталин бросает: «Прекратите эти штампованные слова!» Но тут же сам прибегает к лживым, штампованным фразам: «Мы смогли сделать это, потому что опирались на народ».

А вот заявление Сталина о создании государства Израиль. «В политическую карту мира государство Израиль вписали мы». На что Куратор партии льстиво замечает: «Вы, товарищ Сталин, вы вписали». «Нет, мы, – возражает Сталин. – Советский Союз»... «Государство – это я!» – говорил Людовик Х1У, король Франции. «Государство – Советский Союз – это мы», – говорит Сталин. Но кто эти «мы»? Народ? Соратники Сталина? Но ведь все в стране решает он. Власть его не ограничена никем и ничем, он властвует в ней единолично, а это его «мы» – лишь прикрытие.

Говоря о государстве Израиль, Сталин подпускает и еще одну шпильку – на этот раз в адрес Куратора министерств. «Но что потом случилось? Израиль сдружился с Америкой, которая настроила евреев против нас и, используя их коварство, начала плести вокруг нас паутину. (Останавливается и смотрит на Куратора министерств): К вам это не относится. Вы не еврей, вы – коммунист. Не так ли?» И Куратор министерств вынужден согласиться: «Так, товарищ Сталин»…

В образе Куратора министерств Эльчин, по-видимому, изображает Молотова (Скрябина) – председателя Совета министров при Сталине. В пьесе упоминается, что жена Куратора министерств была арестована и сослана в Сибирь, и Куратору министерств пришлось принять это. То же произошло и с женой Молотова в жизни. Молотов не был евреем по рождению, но его жена была еврейкой и, соответственно, евреями были его дети. Сам же Молотов считался шабесгоем. Шабесгой – по мнению антисемитов, нееврей, который служит еврейским интересам или слишком благосклонно относится к евреям. Именно на это и намекает Сталин, говоря: «Вы не еврей, вы – коммунист».

Вообще, что касается национальной принадлежности, то Сталин постоянно демонстрирует, что для него ее не существует – есть только принадлежность (или – не принадлежность) к партии, возглавляемой им. Все, кто к этой партии не принадлежит, – враги, предатели. Сталин ищет и находит врагов везде. И безжалостно их карает. Доносы, тотальная слежка – на этом, по его мнению, держится безопасность государства. Вернее, власти. В этом он твердо убежден. «Разве есть государство без слежки, Ольга? – говорит он Ольге Александровской, оперной певице и его бывшей любовнице (Ольга Александровская – еще один персонаж пьесы, собирательный образ, вероятно, списанный с двух фавориток Сталина – балерины Ольги Лепешинской и оперной певицы Варвары Давыдовой). А если и есть, то вскоре оно развалится».

Но вернемся к вопросу о национальностях. Сталин их нивелирует. Он и о себе говорит: «Я – русский. Русский грузинского происхождения». Такой подход способствует обезличиванию человека. Щепки, винтики, существа без национальности и собственного мнения, без роду и племени, без наследственности – таким Сталин хочет видеть народ, которым управляет. И даже дети Сталина впитали в себя подобную идеологию. «Представляешь, что в детстве сказал Василий Светлане? – говорит Сталин Ольге. – Он спросил её: ты знаешь о том, что раньше наш отец был грузином?»…

Но разве можно по своему желанию полностью обрубить свои корни? Вот что еще говорит Сталин далее: «Но во сне я разговариваю на грузинском. Слышу грузинские песни. Гуляю по берегу Арагви. Почему? Почему не снятся ни Петербург, ни Царицын, а – Тифлис? Почему? Я считаю это предательством. Предательством по отношению к русскому народу»... Странная мысль: считать тягу к своему народу – совершенно естественную – предательством по отношению к другому народу…

Думается, все это – лишь лживое позерство. Или – ложь самому себе. Сталин лжет даже себе. И поэтому никому не верит – ведь и другие – убежден он – тоже лгут.

Он не верит никому и ничему. На вопрос Ольги о том, верит ли он в Бога, Сталин отвечает: «Я вообще ничему не верю. Раньше никому не верил, теперь ничему не верю. Это ужасно, да? Товарищ Сталин – человек, который никому и ничему не

верит»... И вдруг спрашивает: «Он (Сталин) – человек? Человек он или Бог, как ты думаешь, Ольга?..»

Самонадеянно? Может быть. Но почему бы ему не задавать таких вопросов? Храмы большевики разрушили, священнослужителей разогнали, веру в Бога запретили. Но надо же людям верить во что-то, в кого-то… Пусть верят в него, в товарища Сталина! Сталинские идеология и пропаганда сделали все для этого, возведя вождя в ранг божества. И сделали это настолько убедительно, что вождь и сам начинает им верить. Может, в общечеловеческом масштабе это не так, но в своей стране… здесь он единоличный властитель, он карает и милует, все решает только он, Отец народа. Ведь и Бога народ называл так же: Отче наш – Отец наш…

Но все это – лишь до поры, до времени. Наступит время, когда ни его тотальная подозрительность, ни повсеместная слежка, ни карательные меры не спасут его от лжи и ненависти, от предательства его соратников...

В пьесе Сталин говорит Александровской в ответ на ее слова о том, что его окружают верные соратники: «Иуда тоже был верным соратником Иисуса»… Сталин не верит и им, своим «соратникам». И он прав. Пока он уничтожает «врагов народа», соратники готовят план уничтожения его, Сталина.

В картине пятой все его главные приспешники, тайно собравшиеся на конспиративной квартире, обсуждают план убийства Сталина. «Другого пути у нас нет, – говорит Куратор безопасности (по всей видимости, прототипом этого персонажа является Лаврентий Берия). – Или мы, или этот старый параноик». И далее он же: «…нужно вырвать страну из его рук. Завтра он должен быть обезврежен. Уничтожен. Я все подготовил. Готово. Все готово»...

У него и впрямь все готово, все документально оформлено: текст Правительственного сообщения о тяжелой болезни товарища Сталина, Правительственное сообщение о его смерти, щедро сдобренное лживыми словами об огромном горе, постигшем советский народ, и даже справка о смерти вождя, правда, еще не подписанная врачами, но… «Как только узнают что он мертв, что дадим, то и подпишут», – цинично заявляет Куратор безопасности… Подготовлен даже проект решения Совета Министров о помещении саркофага с телом Сталина в Мавзолей, рядом с саркофагом с телом Ленина. И тут же Кураторы начинают дележку государственных постов, которые они займут после того, как уберут Сталина.

А убрать его они собираются лично, путем удушения, так как с оружием в кабинет Сталина не войдешь – проверяют всех, даже главных его приближенных…

Однако их так, казалось бы, хорошо продуманный и тщательно подготовленный план не срабатывает. Вернее, срабатывает – они все же убивают Сталина. Даже – двух Сталиных. Но… все они оказываются его двойниками. Настоящий же Сталин остается жив, а заговорщиков арестовывают, пытают и затем расстреливают.

Двойники Сталина – это тема для отдельного разговора. Будучи человеком умным, хитрым и при этом крайне подозрительным и осторожным, Сталин обеспечил себя не только многочисленной личной охраной, подчинявшейся непосредственно ему, но и определенным количеством двойников. Сколько их у него было, точно никто не знал – это считалось государственной тайной. Поговаривали, что порядка 20. Ими занимался Нарком внутренних дел Ягода. Его сотрудники по всей стране искали людей, внешне похожих на Сталина. Затем их обучали его манере говорить, двигаться, курить трубку… Гримеры доводили внешнее сходство до совершенства. Подготовленных таким образом двойников при необходимости предъявляли вместо вождя. Известны такие двойники Сталина, как Евсей Лубицкий, Феликс Дадаев, Михаил Геловани, Христофор Гольштаб и другие.

Это было необходимо – на Сталина не раз совершались покушения. Поэтому в определенных случаях нужны были двойники – это могло бы спасти Сталина в случае покушения на него.

Именно это и происходит в пьесе – соратники Сталина дважды убивают его, и всякий раз оказывается, что убит очередной двойник.

Сталин недаром был так подозрителен и крайне осторожен – он понимал, что, несмотря на отношение к нему народа, выстроенное сталинской пропагандой, старательно создававшей ему имидж Отца народа, были все же те, кто этой пропаганде не поддался, кто реально смотрел на вещи. Эти люди могли желать ему смерти, и не только мысленно, но и на деле. В ответ на слова Ольги: «Все любят товарища Сталина, он говорит: «Все любят и хвалят, да... Как, по-твоему, сколько из них хвалит искренне, а сколько – вынужденно?»

И он прекрасно понимал, что недовольные могут быть и среди его ближайшего окружения. И их он, быть может, опасался больше всего. Он реально смотрел на вещи, видел их в истинном свете и предвидел, что может произойти и, скорее всего, произойдет. Сталин понимал, что, несмотря на все свое могущество, он в любой момент может умереть. Сталин говорит Ольге: «Товарищ Сталин, как и обычные люди, бессилен перед смертью. Он имеет власть только над людьми, а не над смертью»...

Также трезво он оценивает и ожидающее его будущее. В ответ на просьбу Ольги подарить ей одну из его книг с его автографом, чтобы будущие поколения нашли в ее архиве такую книгу, Сталин отвечает: «Ольга, к тому времени, если ты будешь жива, ты сама сожжешь эту книгу, чтобы за автограф Сталина тебя не сослали в Сибирь» … И далее: «Я знаю… после моей смерти на меня взвалят все грехи мира… Что будет с этой страной после товарища Сталина? Развалится за 10-15 лет и превратится в 16 капиталистических государств, воюющих, враждующих друг с другом. И капиталистический мир такой шанс не упустит».

И все это сбылось. Не успел Сталин умереть, его же соратники, прежде без устали, «от души» восхвалявшие его, обвинили его во всех смертных грехах. Сбылось и второе его предсказание: не через 10-15 лет, а через 40 после смерти вождя страна развалилась. И пошли воевать – россияне с чеченцами, армяне с нами, украинцы друг с другом и т. д.

Сталин не зря опасался за свою жизнь. Его соратники собрали заговор против него и трижды пытались его убить, после чего были арестованы и затем расстреляны без суда и следствия… Это – в пьесе Эльчина. На деле все было не так. Сталин умер своей смертью «от кровоизлияния в мозг». Или – не совсем так. Ряд фактов свидетельствует о том, что он все же был убит, хотя и не так прямолинейно, как в пьесе, а более хитро, скрыто. И виновные не были наказаны. Напротив, они пришли к власти...

А впрочем… может, все было и не так, и Сталин поскромничал, сказав, что он не властен над смертью? Над своей смертью…

Помните, он говорит Ольге: «После императора Павла Александр I укрепил российскую империю, расширил ее границы, включил в нее Кавказ, спас Европу от Наполеона (здесь прямая параллель с ним, Сталиным, – он тоже расширил границы СССР, спас Европу от Гитлера), а потом …будто бы взял и умер в Таганроге. Даже ученые говорят, что это ложь. Просто он отрекся от трона и всю свою оставшуюся жизнь прожил в Сибири под именем Федора Кузьмича. Знаешь, как это называется на Востоке? Жизнь дервиша»…

Здесь мне вспомнились строчки Омара Хайяма:

Нищим дервишем ставши – достигнешь высот,
Сердце в кровь изодравши – достигнешь высот.
Прочь пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши – достигнешь высот.

Может, и Сталин пришел к тому же и захотел стать дервишем?

Ведь в пьесе Эльчина есть и другой Сталин – тот, что раскрывается в разговорах с Ольгой Александровской. Сталин, который когда-то, в молодости, писал стихи… правда, сейчас он стыдится этого: «Мне надо было найти и расстрелять тех, кто нашел эти стихи и перевел на русский язык», – говорит он Ольге. Говорит так, потому, что это не вяжется с его нынешним, тщательно выстроенным образом – образом стального Сталина. Но в разговорах с Ольгой он не раз декламирует наизусть стихи Лермонтова, называя его гениальным поэтом.

Такого Сталина мы видим в пьесе только во время его встреч с Ольгой. «Ты единственный человек, с которым я могу говорить свободно», – говорит он ей. С ней он вспоминает фразу Черчилля: «Власть утомляет, а безграничная власть утомляет безгранично»…

Что, если и Сталина власть безгранично утомила. «Когда Он (*Бог*) создавал власть, он вместе с ней создал покушения и перевороты, политические предательства и лицемерие, подхалимство и вероломство… Сменяются эпохи и политические формирования, но дворец (*власть*) остается неизменным… Смысл остается неизменным». Конечно же, власть, со всеми ее атрибутами, создал не Бог. Но Бог создал человека, который в свою очередь создал власть, зачастую при этом прикрываясь именем Бога. Но для Сталина это дела не меняет. Оттого Сталин и не приемлет Бога, не верит в него. Ему гораздо ближе лермонтовский Демон – помните? –

Я тот, чей взор надежду губит,
Я тот, кого никто не любит,
Я бич рабов моих земных…

«Причиной ненависти Демона к жизни и его одиночества являются человек и Бог, придуманный этим человеком», – говорит он Ольге. Как и Демон, Сталин одинок. Кругом только ложь, враги, ненависть… Они вокруг, и они – в нем… Быть может, любовь Тамары спасла бы его от одиночества и ненависти? – предполагает Сталин. Но этого не произошло. И потому Демон обречен на вечное одиночество…

Один, как прежде, во Вселенной,
Без упованья и любви...

Сталин устал. Он устал даже от всеобщей любви. «Все любят товарища Сталина и так далее. Я устал от этого, Ольга», – говорит он.

Шестая картина и его последняя встреча с Ольгой.

Сталин: «Звезды горят… Далекие звезды… По сравнению с этими далекими звездами и таинственным величием Вселенной наши мысли, чувства, желания, дела настолько ничтожны, убоги и бессмысленны»...

Даже для Ольги, близкой ему женщины, такой образ Сталина непривычен. Она удивлена, она не знала его таким.

«Иосиф, знаешь, о чем я думаю? – говорит Ольга. – В театре и кино артисты только внешне передают твой образ … Какие примитивные пьесы пишутся…Наверное, очень трудно раскрыть твой характер в искусстве».

«Да я и сам не понимаю характер Сталина», – признается Сталин.

«Иосиф, ты… ты на самом деле товарищ Сталин?» – спрашивает Ольга.

И Сталин отвечает: «Кто знает»…

Так вот, в пьесе покушение соратников на Сталина не удается, он остается в живых. В жизни – Сталин умирает, официально – от кровоизлияния в мозг, на самом же деле, как говорят, умирает, отравленный соратниками…

Но, быть может, все было не так? А что, если на самом деле умер не Сталин, а его двойник – как это было в пьесе? А Сталин тайно покинул Кремль и удалился в Грузию, по которой так тосковал, и дожил свой век где-нибудь на берегу Арагви, слушая грузинские песни и попивая грузинское вино? Быть может, почувствовав, что уже самое близкое его окружение желает ему смерти и, более того, готовит его убийство, устав от окружающей и своей лжи, он ушел сам. Вырвался на свободу… Помните, он говорит Ольге: «Куда ты пойдешь потом?» «В консерваторию, – отвечает Ольга. – У меня скоро урок». И Сталин говорит ей: «Нет… Ты, выйдя из Кремля, шагая по снегу, – чистому, белому снегу, – пойдешь к свободе»…

Кажется, он и сам бы с удовольствием – по чистому, белому снегу, – вон из Кремля… К свободе…

Может, в конце жизни он исполнил это свое желание и, став свободным, издалека наблюдал, как одно за другим сбываются его пророчества… Как его бывшие «преданные» соратники предают его анафеме, выбрасывают тело его двойника из Кремля…

И как они управляют страной, немного переиначив и перекрасив фасад власти, но выстраивая ее все на той же основе – на лжи … И – постепенно разваливая ее…

Пьеса Эльчина «Сталин» – произведение глубоко философское, как, впрочем, и все, что выходит из-под его пера, заставляющее думать. «Трагифарс» – так обозначил автор жанр пьесы, дав очень точную характеристику тому, что происходит в пьесе. Это фарс и фарс трагический. Напомним, что фарс (в первоначальном смысле этого слова) – комедия с чисто внешними комическими приемами. В переносном же смысле – нечто лицемерное, циничное, лживое…

Пьеса заставляет вспомнить трагические страницы истории, задуматься о прошлом, настоящем и будущем стран и народов, входивших когда-то в состав страны Советов, лидером и единоличным властителем в которой не одно десятилетие был Сталин.

Личность Сталина – неоднозначна и многогранна. Охватить все грани его характера в пьесе достаточно сложно. Отобразить главные черты Сталина, как политического деятеля и как человека, Эльчину, несомненно, удалось. Оттого и читается пьеса на одном дыхании, оттого и заставляет вновь и вновь возвращаться к ней и ее героям, чтобы осмыслить – или переосмыслить – то, о чем рассказал нам Эльчин, открывая в его героях и описанных им событиях все новые грани и оттенки.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Традиция лжи

Фундамент любого общества, и в особенности консервативного, базируется на традициях. Традиции – своего рода рамки, ориентиры для общества. «Что такое хорошо и что такое плохо» часто определяется со ссылкой на традиции. Патриархальное общество, живущее по канонам традиций и очень часто – религиозных догм, с большой неохотой принимает новые идеи, еще не ставшие традициями. Традиционное общество, как правило, ригидно, консервативно. Однако в некоторых случаях оно является хранителем социального уклада, позволяющего сохранить этнос в сложных цивилизационных катаклизмах. Одна из традиций – традиция лжи – является интересной темой не только для меня, но и для всех, кто живет на постсоветском пространстве, где эта традиция получила небывалый размах.

В самом начале, в момент зарождения революционного движения в российской империи, одной из безусловных заслуг движения являлось издание газеты «Правда». Газету издавал в эмиграции, с октября 1908 года, сначала в Женеве и Львове, а затем в Вене, Лев Троцкий. Само название говорило о том, что материалы, представленные в газете, правдивы, в отличие от официальной имперской российской лживой прессы. Сотрудники газеты были интеллектуалами. Стиль Троцкого оказывал воздействие на читателей.

В нашем контексте, с поправкой на эпоху, можно вспомнить журнал «Монитор» и его отважного редактора Эльмара Гусейнова. Многие бакинцы помнят с каким нетерпением люди ожидали очередной номер журнала. Аналитические материалы, публиковавшиеся в «Мониторе» до сих пор остаются классикой азербайджанской журналистики, хотя со времени гибели Эльмара, а затем и исчезновения журнала прошло 14 лет. Статья Эльмара Гусейнова «Азербайджанцы – разделенная нация» на меня произвела большое впечатление. Судьба Эльмара, как и судьба Троцкого, трагична.

Но вернемся к газете «Правда», издававшейся с 1908 года Троцким. Позднее в 1912 году под тем же названием вышла большевистская газета «Правда». Большевики воспользовались столь выигрышным названием, хотя это и вызвало большую полемику. В более поздний, советский период газета «Правда» являлась официальным рупором власти. Правды в газете осталось мало. Сложился определенный советский стиль журналистики, где официальные победные рапорты о положении во всех областях жизни советских людей были написаны в стиле восхваляющих соцреализм традициях. Стиль, с учетом национальных традиций каждой республики, тем не менее, имел одну общую черту – пафос.

После безусловной победы пролетариата на территории бывшей российской империи, особенно с приходом к власти Сталина, ложь, дезинформация в определенном смысле стали официальной политикой советского государства. В какой-то момент «ложь во благо» перестала быть определяющим вектором, перешла красную линию и захватила ведущие позиции в любом деле.

Понятие «ложь во благо» широко известно. Больному смертельной болезнью врач обычно не говорит о страшном диагнозе, а делится информацией с родными. Точно так же в годы войны, во избежание падения морального духа, уполномоченные официальные лица часто не разглашают реальную ситуацию на фронте и в тылу.

Такая политика очень быстро пускает глубокие корни, и в конечном итоге все общество попадает в липкую паутину лжи.

«Придя к власти, Сталин стремится стереть из памяти людей место, которое занимали известные личности большевистской Революции. Фотомонтажи, приведенные ниже, иллюстрируют волю одного человека переписать историю в свою пользу, заботясь о том, чтобы забыли о его соперниках. Но они также свидетельствуют о природе тоталитарного режима, каковым является коммунизм. Для триумфа революционного проекта идеология, пропаганда и манипуляция сознанием подменяют реальность. В своем романе «1984» Джордж Оруэлл говорит об этой фальсификации прошлого посредством своего персонажа Уинстона, служащего в «Министерстве Правды» (опять Правда), чья обязанность заключалась в том, чтобы каждый день уничтожать старые документы и производить вместо них новые. Таким образом, благодаря этой технике, даже свидетельства истории могут быть реконструированы так, чтобы соответствовать официальной правде данного момента». (Из статьи Жан Луи Панна (Jean-Louis Panne) «История в подчинении у идеологии»)

История фотографии, о которой говорит Жан Луи Панн: 5 мая 1920 года Ленин выступает перед солдатами, отправляющимися на войну с польскими войсками. Внизу эстрады стоят Лев Троцкий (Бронштейн) и Лев Каменев (Розенфельд).

В тридцатых годах фотография была отретуширована. Троцкий, находящийся в изгнании на острове Принкипо в Мраморном море, затем исчезает (его убивает сталинист Рамон Меркадер), так же, как и Каменев (расстрелян сталинским режимом в августе 1936 года).Оба лица, составлявшие оппозицию Сталину, больше не заслуживают того, чтобы быть представленными на официальных фотографиях. Троцкого и Каменева просто стирают с фотографии, как если бы их там вовсе и не было.

https://www.histoire-image.org/fr/etudes/histoire-soumise-ideologie

О реальном положении вещей говорят между собой, оглядываясь по сторонам, опасаясь чужих ушей. Донос, в качестве одного из инструментов государственной политики лжи, распространен с незапамятных времен. Но что удивительно, этот инструмент и поныне очень эффективен. И сейчас, в XXI веке, прибегают к доносу.

Каким образом ложь становится главной чертой тоталитарного общества (независимо от того, является оно коммунистическим, фашистским или живет в условиях диктаторского режима, по сути это вариации одного социума), какой путь оно проходит, прежде чем превратиться в абсурдное образование, живущее по законам антиподов?

Революционный путь большевиков в самом начале в некотором смысле повторил путь французских революционных товарищей. Кровавый террор термидора также был взят на вооружение большевиками, чтобы убедить сомневающихся граждан в правильности выбранного пути. Во Франции Революция стала пожирать своих собственных детей, в том числе и Робеспьера Неподкупного. Советские большевики шли след в след с французскими якобинцами – они также избавились от старой гвардии.

Позднее, в сталинский период, режим устоялся и приобрел очевидные черты диктаторского режима. В ход пошли доносы, наветы, клевета – откровенная ложь, возникло «Дело врачей» – можно продолжить перечень нашумевших заказных дел. Это время – одна из трагических страниц советского периода. Ложь, клевета становились государственной политикой. По доносам клеветников было репрессировано огромное количество граждан. А те, кто чудом остался на свободе, мимикрировали. Становились профессионалами в области умолчания и лжи. Обыватели зачастую боялись своей тени. В условиях нашей республики можно говорить о репрессиях, организованных Багировым. Он не был оригинален в этой области. Все республики были поставлены в подобные условия. Страх управлял людьми. И сегодня каждый день приносит свидетельства того, что страх может сделать с людьми. Стоит посмотреть на программу новостей из Северной Кореи, и станет очевидным, до какого состояния людей может довести страх. Кому-то это может показаться комичным, но на самом деле это трагично.

Конечно, люди, обыватели, особенно молодые, привыкшие жить в подобной атмосфере, через некоторое время переставали замечать, мягко говоря, странности риторики властей. Лозунги, речи партийных бонз – это одно, а жизненные реалии – это другое. Естественная реакция людей, не утративших критического взгляда на действительность – смех. Им оставалось лишь смеяться над системой и над собой. Приведу три показательных советских анекдота, взятых из интернета. Смешных и трагичных одновременно.

«*Лектор делает доклад об успехах пятилетки: – в городе А построена электростанция...*

Реплика из зала: – я только что оттуда. Никакой электростанции там нет!

Лектор продолжает: – в городе Б построен химический завод...

Тот же голос: – неделю назад я там был. Никакого завода там нет!

Лектор взрывается: – а вам, товарищ, нужно поменьше шляться и побольше газеты читать!»

«*– Рабинович, вы читаете газеты?*

– Конечно! Иначе откуда бы я знал, что у нас счастливая жизнь?»

«*Продавец газет выкрикивает: "Правды" нет! "Советская Россия" продана! Остался только "Труд" за три копейки!*»

Традиция лжи жива и продолжает активно использоваться, в частности, в медиапространстве стран СНГ. Безусловно, использование лжи в качестве эффективного политического инструмента применяется во всем мире. Введенный президентом Трампом термин «фейкньюс» стал одним из самых популярных в медиапространстве. Конечно, этот термин часто используется для того, чтобы обвинить оппонента в нечистоплотной конкуренции. Но когда эта традиция применяется на государственном уровне, практически является политикой государства, то вся система подвергается сомнению. К примеру, наша статистика, приводимые статистические данные в разных областях, почти всегда можно оспорить. Очень часто создается впечатление, что их сочиняют в соответствии с текущим моментом.

Вот свежий пример из нашей действительности, материал с сайта minval.az:

«*28 октября, во время открытия автомобильной дороги Беюк Амили-Былых-Амирван Габалинского района после реконструкции, президент Ильхам Алиев поймал на лжи председателя правления Государственного агентства автомобильных дорог Азербайджана Салеха Мамедова.*

Слушая доклад Салеха Мамедова, президент прервал его и поправил:

«В Габалинском районе всего 60 сел, 3 поселка и 1 город. Не завышай цифры».

Однако в современном мире интернета информация доступна из разных источников. По этой причине политики старого формата, живущие в режиме «Запретить и не пускать», «Официальная пресса в качестве истины в последней инстанции», не убедительны. Их легко можно уличить во лжи, используя практически неограниченные возможности современных технологий. По этой причине все привычные методы «старой гвардии», вроде «закрыть все неугодные печатные СМИ», «блокировать неподконтрольные сайты», «применять репрессии против настоящих, а не фейковых журналистов», не дают ожидаемых результатов, как мы это наблюдали во времена тоталитаризма в Советах. Именно это обстоятельство побуждает власть предержащих все более ужесточать репрессии и все активнее проводить пропаганду, рассказывая о преимуществах режима, невероятном экономическом, культурном развитии и т.д. От того, удастся ли нам выйти из порочного круга, поломать имеющие глубокие корни традиции лжи, зависит судьба нашего общества. Каждого из нас.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

Изолгавшиеся

Наши уши
Ложью забиты,
Наши души
Ложью пропитаны.
Мы – словно разведчики
Во вражеском стане:
Шифруемся вечно
И лжем неустанно.
Солжешь – получишь
Кусок получше,
А если и нет –
Лги на всякий случай.

Лгут дети родителям,
Родители – детям,
Охотно правители
Занимаются этим.
И приличные люди,
И аферисты
В умении лгать –
Виртуозы, артисты.

Наверно, не лжет
Лишь мой Васька – кот.

Железо и олово
Рядятся под золото.

Один,
Обеспеченный папой с пеленок,
Прячет
Отцовские миллионы
И истекает
Слезой соленой,
Твердя, что он –
Во всем обделенный.

Другой,
Перебиваясь с хлеба на воду,
Твердит, что он
Владеет заводами,
И самолетами,
И пароходами,
И преогромнейшими
Доходами.

И оба врут –
Ну, что ты тут скажешь? –
Оба
Заражены этой блажью.

Повальная ложь
Живуча, как вошь,
Однажды солжешь,
И – подсядешь на ложь,
Уже без обмана
Не проживешь,
А проживешь –
Пропадешь
Ни за грош.

И даже если –
Богатыми ль, нищими ль –
Когда-то умрем,
Представ пред Всевышним,
Ему мы соврем.

НЕ СТИРАЮТСЯ ИЗ ПАМЯТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЖЕРТВЫ СТРАШНОГО ГЕНОЦИДА В ХОДЖАЛЫ

ЕФИМ АБРАМОВ, ЛЕЙЛА БЕГИМ

ЧЕРНЫЕ ПОДСНЕЖНИКИ

Короткая повесть

Ты видел, как подснежники цветут?
В ростках их выражение печали
земли, под снегом мерзнувшей ночами,
и белизна оттаявших минут...

Согласно Human Rights Watch и журналистскому расследованию Тома де Вааля, Ходжалинская резня стала самым массовым кровопролитием в ходе конфликта вокруг Нагорного Гарабаха:

Изгнано с мест постоянного проживания 5379 человек.

613 человек, включая 63 ребёнка и 106 женщин, были убиты.

8 семей было уничтожено полностью.

1275 человек было взято в плен, либо в заложники.

Из пленных о судьбе 150 человек, в том числе 68 женщин и 26 детей, до сих пор ничего не известно.

По этому делу было опрошено более 3000 свидетелей и проведено более 800 экспертиз.

В результате была доказана вина 39 человек, в том числе 18 военнослужащих 366-го мотострелкового полка Министерства обороны СССР, 8 сотрудников органов внутренних дел СССР.

Эти лица объявлены в розыск…

Амстердам

Это было её второе посещение.

Войдя в кабинет, она на мгновение остановилась, почувствовав в воздухе некое напряжение, затем прошла к креслу и села. Она сняла темные очки, положила их на стоящий рядом столик, достала из сумочки узкую, аккуратно прошитую полоску материи, прикрыла ею глаза и расслабленно откинулась на спинку кресла.

– Вам так удобно? – услышала она голос врача.

Она едва заметно кивнула и спросила своим низким грудным голосом:

– У вас что-то случилось?

– Нет. С чего вы взяли?

Её лицо было обращено в его сторону.

– Вы рядом? – Он не ответил. Только посмотрел на неё, снял пиджак и повесил на спинку стула. – Ну, что вы стоите? Садитесь! – сказала она и позволила себе улыбнуться.

– Между прочим, это вы пришли ко мне, а не я к вам, – заметил он, взял с письменного стола блокнот и авторучку и добавил: – И здесь мой кабинет, а не ваш. Так что не распоряжайтесь.

– Я только предложила.

Он придвинул стул, сел напротив и стал откровенно её разглядывать.

– Не надо, – сказала она тихо.

– Что?

– Не надо меня так рассматривать. Я это чувствую.

– Извините.

Он поднялся, прошел к окну, оттуда еще раз посмотрел в её сторону, вернулся.

– У вас хороший вкус, доктор! Приятный запах духов…

– «Hugo boss»…

– Вы поссорились с женой? – спросила она.

– Вы задаете много вопросов, Натаван. Давайте начнем.

– Значит, поссорились…

– Почему вы так решили?! Откуда вам это известно? Может быть, я поругался с коллегой, или же кто-то ударил мою машину. Почему сразу жена? Мы с вами едва знакомы, а вы уже… Вы что-то сказали?

– Нет. Но сейчас скажу.

Натаван поправила на глазах полоску материи, опустила руки на подлокотники, вздохнула.

– Вы врач, психотерапевт, Патрик, – заметила Натаван. – И вы знаете не хуже меня, что в основе вещей – одна сплошная химия, верно?

– Извините, я был несдержан. И поверьте, я многого не знаю…

– Я тоже многого не знаю, – сказала Натаван. – Но я многое чувствую. Как чувствую ваше сердцебиение. Вы страшно поругались. Она плакала, а вы ушли. Но сегодня вечером вам предстоит головокружительное примирение…

Доктор невольно засмеялся.

– Вы странная женщина, Натаван. Она даже не станет со мной разговаривать.

– Может быть. Поэтому не пытайтесь подлизываться и заигрывать. Просто подойдите и искренне попросите прощения. Скажите, что были неправы.

– Вы думаете…

– Я уверена. У вас будет восхитительная романтическая ночь…

Доктор расхохотался. Натаван улыбнулась.

– Таблетка помогла, – сказала она. – Голова не болела. Но я не спала. Не смогла. Это не так легко…

– Согласен, – мягко заметил Патрик. – Мы и встретились, чтобы попытаться убрать эти тяжелые воспоминания. Это подобно перезагрузке.

– Вы думаете, Патрик, у вас это получится?

– Не у меня, Натаван, у нас, – сказал он. – Если вы не будете этого хотеть и не станете мне помогать, то у нас действительно ничего не получится. Я ведь для этого и пригласил вас…

– Да, да, – согласилась она, – понимаю.

– Старайтесь вспоминать светлое, – сказал Патрик, – хорошее.

– Хорошее, – улыбнулась Натаван. – Вспоминаю брата и его друга, Пярвиза. Именно в ту ночь он и нес меня несколько часов на руках, когда я была без сознания. Да. Вспоминаю больницу. Они оба постоянно были рядом. Пярвиз любил шутить. Рассказывал какие-то небылицы. Я помню, что у него были зеленые глаза. Он мне даже нравился.

– Где он сейчас? – поинтересовался Патрик.

Натаван пожала плечами.

– Позднее он учился в Институте иностранных языков, но после третьего курса куда-то исчез. Где он сейчас и что с ним, не знаю…

– Понятно, – сказал доктор.

– Но эти воспоминания сразу куда-то отступают, и надвигается совсем другое, понимаете? – Натаван глубоко вздохнула, взяла врача за руку, крепко сжала. – У меня не получается. И февраль за окном. И какое-то у меня предчувствие…

– Вы не должны нервничать, – мягко сказал Патрик.

– Я знаю, доктор, – проговорила Натаван. – Я не спала. Я только вздремнула на несколько минут, и сразу возник он. И сразу всё навалилось – и её крик, страшный и пронзительный, и его руки с ножом, и глаза, и этот мерзкий запах, запах человеческой крови и ненависти…

– Натаван! Пожалуйста, остановитесь, – настойчиво произнес Патрик.

– Как наяву, как будто сейчас, здесь, рядом, – она не слышала доктора и едва сдерживала слезы. – И мне опять не было больно. Мне совсем не было больно. Мне было только страшно. Они бежали с холма. Кричали и бежали, и на бегу толкнули Сураю на землю, сорвали с неё одежду и стали насиловать. А ей было только семнадцать, доктор, только семнадцать… Она просила не делать этого. Она кричала и просила о помощи. Она кричала и просила убить её. Она кричала, и никто в этом мире её не слышал. А они били её и насиловали, били и насиловали… А потом ей отрезали голову… Тело сбросили в канаву, где лежал грязный снег… Я не кричала. Я не могла кричать. Я только смотрела на них и молчала. А он подошел ко мне, этот, который убил, и ударил меня по лицу. Он долго бил меня, а потом ткнул сигаретой в глаз. В один, а потом во второй. Он что-то кричал, продолжал бить меня ногами, но я уже ничего не слышала. Я вообще ничего не слышала. Мне не было больно, мне было только страшно. Очень страшно! Они убивали всех и сбрасывали в болотистый ров. Стреляли, резали и сбрасывали… И никто их не остановил. Никто!..

Натаван тихо плакала…

И перешли болото…вслед сожгли
Людей останки… и снимали кожу
С груди (всё на живую), с головы…
Как выдержало Небо это, Боже?!

Ходжалы

Оставшиеся в живых семьи уходили последними. Уходили тихо, практически не переговариваясь и не оглядываясь на оставленные дома. Безлунная, черная, гнетущая ночь казалась бесконечной, и единственное, что напоминало о существовании жизни вокруг, – был тихий, словно настороженный шум протекающей недалеко реки.

Люди шли молча. Они хотели только одного – выбраться из города и поскорее уйти туда, где были свои, где можно было спокойно вздохнуть, согреть, наконец, детей, отогреть горячим чаем, куском хлеба и дать им возможность выспаться.

Сурая, которой едва исполнилось семнадцать, шла одной из первых. Её мысли были только об Арифе, её женихе, с которым она была обручена в начале декабря.

Он был среди солдат. Среди тех, кто должен был прикрывать уход мирного населения из города. Она думала только о нём и видела перед собой только месиво дороги.

Она не знала, что нападение на маленький по численности отряд Арифа произошло полтора часа назад.

Она не знала, что потерявший человеческий облик командир взвода армянских убийц сначала выстрелил Арифу в грудь, затем нанес ему несколько ножевых ранений и размозжил сапогом голову…

Сурая просто не знала, что вот уже полтора часа обезображенный труп её жениха с перебитыми и переломанными костями лежит на холме, где едва пробившиеся первые подснежники были уже черными от замерзшей на них крови…

…Люди продолжали идти, как вдруг прогремели выстрелы. Стылый ночной воздух прорезался и засветился разрывами трассирующих пуль. Десятилетняя Натаван от неожиданности замерла на месте, невольно наблюдая за этим смертельным полетом. Она не знала и не могла знать, что стрельба трассирующими и разрывными пулями была особой прихотью командира армянского взвода. Ему хотелось видеть, как пули точно находят цель, и как эта цель падает, дергаясь в предсмертных судорогах…

Отец Натаван закрыл своим телом жену, но автоматная очередь буквально разнесла его голову, брызнув фонтаном крови на лицо и на одежду женщины. Она истошно закричала, бросилась к Натаван, но, сделав несколько шагов, покачнулась и рухнула навзничь.

Они стреляли в неё практически в упор…

Они бежали с холма и с ходу, на полном бегу, увидев молоденькую Сураю, схватили её, швырнули наземь и бросились срывать с неё одежду. Навалившись на девушку, они стали насиловать её, издавая какие-то нечеловеческие звуки.

Сурая кричала и просила не делать этого.

Она кричала и просила о помощи. Она кричала и просила убить её.

Она кричала, и никто в этом мире её не слышал.

В это время их командир увидел вдалеке два убегающих силуэта. Он вскинул автомат и нажал на крючок. Длинная очередь срезала силуэты мальчишек и отбросила их в ночь. Он не знал, что стрелял по двум четырнадцатилетним ребятам, один из которых был братом Натаван, а другой – соседом. Одна из пуль задела плечо Фикрета, брата Натаван, который, падая в яму, потянул за собой друга. Они притаились, решив дождаться рассвета и попытаться добраться до своих.

Довольный собой, командир взвода осмотрелся – беспорядочно валялись повсюду трупы. Их было не менее двадцати. Охота удалась, промелькнуло в голове. Его позвали, он отмахнулся, приказав убить девушку. Её истошные крики только раздражали и вызывали новый приступ желания стрелять и убивать.

Сураю поставили на колени, обнаженную, юную, изуродованную и истерзанную. Кто-то еще раз ударил её прикладом в лицо. Девушка покачнулась, но не упала – она только выругалась и неожиданно для всех засмеялась. Её смех заставил его оцепенеть. Набычившись и гортанно взвыв, словно оскорбленный шакал, он растолкал солдат, шагнул к Сурае и, выхватив нож, вонзил его в горло девушке.

Отступив, он приказал отрезать ей голову, достал сигарету и закурил. И только в эту минуту он увидел девочку, которая не кричала и не плакала, не звала на помощь и ни о чем не просила. Она стояла одна среди всех этих трупов и смотрела на него. Худенькая, напуганная, онемевшая от всего увиденного, Натаван смотрела на него широко раскрытыми глазами. «Ты кто?» – спросил он по-азербайджански. Она услышала его, поняла вопрос, но ответить не смогла – у неё были скованы все мускулы, и она даже не могла двинуть пальцем.

Он подошел к ней и ударил её по лицу. Она упала. Он схватил ее за платок, повязанный на груди, поднял и ударил еще раз. У Натаван из носа и из разбитой губы

пошла кровь. Он повторил свой вопрос, она молчала. Он шумно затянулся сигаретой, схватил её за голову и ткнул ей в глаз сигаретой. Девочка застонала, но не вскрикнула. Тошнотворно запахло жженым человеческим мясом. Он сплюнул, ткнул девочке сигаретой и во второй глаз, оттолкнул её от себя и зашагал прочь.

Солдаты ушли. Ушли все. Никаких звуков вокруг не было. Только слышен был шум реки. И больше ничего. Никого.

Вокруг Натаван была тишина и вокруг Натаван была ночь. Она осталась одна…

… Опустив голову, девочка стояла так некоторое время, затем покачнулась и упала. Она впала в кому и пришла в себя только через семнадцать дней в одной из клиник республики…

Амстердам

В кабинет врача вошли двое – мужчина и женщина. Они поздоровались с Натаван и доктором и представились.

– Анна-Мари Вернер, – сказала женщина и добавила: – Я из Берлина, госпожа Гаргюлю, возглавляю одно из подразделений Всемирной организации по правам человека и представляю европейский комитет «Женщины всех континентов». Мой коллега из Лондона Нейл Шелдон.

Натаван пожала прохладную, чуть влажную руку женщины и спросила:

– Вы нервничаете, госпожа Вернер?

– Мне очень хотелось познакомиться с вами, – сказала Анна-Мари. – Несколько месяцев назад я случайно увидела на прилавке вашу книгу. Одним словом, ваши стихи мне понравились. Особенно вот эти:

Чернее смерти –
Злоба мести.
Страшней возмездия –
Любовь.
Как уместить в иссохшем сердце
Два необъятных чувства вновь?

– Спасибо, – кивнула Натаван и сдержанно улыбнулась.

– Скажите, – вмешался Шелдон. – Это ваша настоящая фамилия?

Натаван повернулась на голос и улыбнулась.

– Господин Шелдон, неужели вы прилетели из Лондона, а госпожа Вернер из Берлина только для того, чтобы поинтересоваться моей настоящей фамилией? Не сомневаюсь, что вы давно ознакомились с моей биографией.

– Мы спрашиваем о вашем псевдониме. Первые ваши стихи подписаны вашей настоящей фамилией – Гаджиева.

– Да, вы правы. Но сборник стихов я подписала псевдонимом. К чему эти вопросы, господин Шелдон?

– Господа! – вмешался доктор. – Моей пациентке нельзя нервничать. Мне придется просить вас…

– Не беспокойтесь, господин де Вард, – прервал доктора Шелдон. – Лишних вопросов не будет.

Анна-Мари обернулась к Патрику и мягко произнесла:

– Госпоже Гаджиевой незачем нервничать, поверьте. Ей просто следует знать, почему мы интересуемся её фамилией и псевдонимом…

– Я не нервничаю, госпожа Вернер, – сказала Натаван. – Говорите как есть. Вы и ваш коллега никакую организацию по правам человека не представляете. И давайте начистоту. Так будет проще разговаривать.

– Начистоту, так начистоту, – согласилась Анна-Мари. – Я представляю Европейскую комиссию по расследованию Ходжалинской трагедии. С определенного времени наша комиссия тесно сотрудничает с Интерполом. Господин Шелдон мой помощник.

– Кто возглавляет эту комиссию?

– Я, – ответила Анна-Мари. – Уже четвертый месяц. Бывший глава комиссии самоустранился.

– Вы немка, – сказала Натаван и спросила: – Зачем вам это надо?

– Я не немка, – возразила Анна-Мари. – Но это не имеет значения. Просто у меня есть свои принципы и убеждения.

– Какие, если не секрет?

– Я убеждена, что такие преступления не должны иметь срока давности… И давайте по делу. У вас есть брат?

– Есть.

– Как вы оказались в Амстердаме?

– Меня пригласил доктор де Вард. Мой случай показался ему любопытным.

– Да, это так, – вмешался доктор. – Случай, может, и не редкий, но тяжелый и требует длительного лечения. Сны и воспоминания, воспоминания и сны – они взаимосвязаны, и так как продолжаются…

– Ваш брат приезжал к вам в Латвию? – перебил Шелдон.

– Да.

– Когда?

– Несколько лет назад.

– У вас есть его фотография?

– Нет, – ответила Натаван. – В этом нет необходимости.

– Извините, – вмешалась в разговор Анна-Мари. – Ваш псевдоним переводится как подснежник…

– Да. Это мой любимый цветок.

– Не только ваш, – сказал Шелдон.

Он достал из папки записку и прочитал:

– ***Погибшим все равно, о чем мы спорим,***
(и городу разрушенному!)
Горе не может стать светлее никогда…

Это ведь ваши стихи?

– Мои.

– Эту записку обнаружили в кармане забытого в гостиничном номере пиджака вашего брата в Испании, – объяснил Шелдон и спросил: – Вам не кажется это странным?

– Мой брат знаком с моим творчеством и любит мои стихи, – улыбнулась Натаван. – Что в этом странного?

– Эти слова с двойным дном, – сказал Шелдон, внимательно глядя на Натаван.

– Не смешите меня, господин Шелдон, – сказала Натаван. – Никакого двойного дна там нет.

– Госпожа Гаджиева, – чуть более резко произнес Шелдон. – Это не просто слова. Эти строки что-то означают. Он провожал вас сюда?

– Повторяю, я не общалась со своим братом несколько лет.

– Вы не ответили на мой вопрос. Он провожал вас?

– Я сказала вам, что не виделась с братом несколько лет. И он меня не провожал. Я не понимаю, чего вы хотите.

– Вы прекрасно все понимаете. Понимаете, знаете и пытаетесь от нас скрыть, – настойчиво продолжал Шелдон.

– Одну минуточку, Нейл, – попыталась вмешаться Вернер.

– Извините, Анна-Мари, – перебил его Шелдон. – Но я все же скажу госпоже Гаджиевой. Ваш брат вот уже несколько лет печатает во всевозможных изданиях списки людей с требованием арестовать их и привлечь к суду. В своих статьях он называет их убийцами и палачами, что недопустимо. Чаще всего упоминается фамилия человека, который был участником боевых действий на гарабахской войне…

– Он не человек! – твердо произнесла Натаван и поднялась. Голос её, жесткий и властный, заставил Шелдона замолчать. – Он и те, которыми он командовал, насиловали семнадцатилетнюю девушку, а потом отрезали ей голову. Этот, как вы сказали, участник боевых действий и его подручные расстреливали безоружных людей, убивали детей, стариков и женщин. Они в упор расстреляли моих родителей и ещё двадцать человек. Они убивали только потому, что им так нравилось, потому что они ненавидели нас и были уверены в своей безнаказанности. И он, который считает себя героем, мог ослепить меня только потому, что я смотрела ему в глаза и не плакала. Он бил меня по лицу и ждал, что я буду кричать… Что я буду молить… А мне… Мне не было больно. Мне было страшно. Страшно, понимаете… Страшно!.. Вы ищете моего брата, а я его не помню, не помню, понимаете, я его не видела и не слышала, а если бы даже знала, где он, и если бы даже знала, что именно он… Я бы встала рядом… Я бы… – Натаван покачнулась, врач бросился к ней, удержал за плечи, усадил в кресло. Анна-Мари оставила на столе визитку.

– Надеюсь, – сказала она, – госпожа Гаджиева придет в себя и, подумав, правильно поймет нас. Международные организации, конечно же, выражают своё сочувствие и понимание, но…

– Я прошу вас покинуть кабинет, – довольно жестко перебил её доктор де Вард и добавил: – Ей надо успокоиться. Пожалуйста…

Вошла медсестра и, оголив Натаван руку, сделала внутривенный укол. Дыхание Натаван выровнялось, и она уснула. Медсестра и Шелдон покинули комнату.

– Она будет спать два часа, – сказал Патрик, глядя на Анну-Мари. – Для неё это очень важно…

– А для меня? – тихо спросила Анна-Мари.

– Анна-Мари, пожалуйста! – с трудом скрывая волнение, сказал Патрик. – Мы ведь всё решили…

– Да. Решили, – согласилась Анна-Мари. – Но разве наши решения сильнее нас?

– Я прошу тебя, – сказал Патрик и отошел к окну. – Не надо, пожалуйста…

Анна-Мари распахнула дверь и ушла…

Баку

Вот уже шестнадцать дней десятилетняя девочка Натаван Гаджиева была в коме…

…В ту холодную, страшную ночь её подобрали выжившие четырнадцатилетние мальчишки – её брат Фикрет и сосед Пярвиз.

Они были одноклассниками и друзьями. Фикрет был легко ранен. Наскоро перевязав рану, он помог поднять Натаван и положить её на спину Пярвизу. Они шли долго, более пяти часов, пока не встретили своих. Девочку повезли в больницу. Фикрет заявил врачам, что он от сестры не отойдет ни на шаг и будет постоянно рядом. Врачи и медсестры не возражали. Так осиротевшие дети остались при больнице…

… Фикрет держал руку Натаван в своей и постоянно с ней разговаривал – так посоветовала старшая медсестра. Строгая и неприступная внешне, она оказалась отзывчивым человеком. В первый же день искупала Натаван, одела её в чистое больничное белье, привезла в палату, переложила с каталки на кровать и, достав из

кармана халата расшитую узкую полоску материи, сначала едва слышно произнесла молитву, а затем положила эту повязку на глаза девочки. Ей было тяжело смотреть на изуродованные глазницы ребёнка.

– Не оставляй её, – сказала она, глянув на Фикрета. – Чтобы не случилось. И говори с ней. Она услышит…

И Фикрет разговаривал. Иногда его заменял Пярвиз – он умел придумывать разные истории, смешные и забавные…

…На семнадцатый день в сопровождении старшей медсестры и двух врачей в палату вошел главный врач больницы и сказал, что принято решение отключить Натаван Гаджиеву от систем жизнеобеспечения.

– Как отключить, – растерялся Фикрет. – Она умрет?

– Она умирает. Мы ничем не можем помочь, – сказал главный врач.

– Ты должен понять, – заметил один из врачей.

– Она умрет? – переспросил Фикрет, и голос его дрогнул.

– Я просил убрать их из палаты, – повысил голос главный врач. – Просил и повторил несколько раз…

Врачи и медсестры попытались увести Фикрета, но он оттолкнул их и закрыл свои телом Натаван.

– Нет! – закричал он, и голос его сорвался.

Он смотрел на них глазами, полными слез, и кричал:

– Нет! Нет! Я не отдам её! Не отдам! Слышите?! Она не умрет! Она не может умереть! Нет! Натаван! Натаван! Я прошу тебя, пожалуйста, очнись, не умирай! Натаван! Пожалуйста! Нет! Не трогайте её! Я не отдам её! Не отдам!..

– Доктор… – попыталась вмешаться старшая медсестра, но главный врач перебил.

– Замолчите сейчас же и уберите их отсюда! – закричал он.

В эту минуту всех остановил Пярвиз. Он неожиданно достал из-за спины пистолет и направил его на главврача.

– Уходите! Выйдите из палаты! – голос четырнадцатилетнего Пярвиза звучал спокойно и властно.

– Ты с ума сошел, сопляк! – почти спокойно произнес главврач. – Опусти пистолет!..

– Доктор! Доктор! – вытирая слезы, заговорил Фикрет. – Пожалуйста, не надо. Она моя сестра и у меня больше никого нет. Никого! Я заберу её домой, я сам буду смотреть за ней, сам. Я уже многое умею, я многому научился… Правда! Пожалуйста! Натаван! Натаван! Ты слышишь меня…Очнись, пожалуйста, прошу тебя! Я тебя умоляю!..

Он стоял над своей сестрой и плакал…

… Главврач и старшая медсестра увидели, как дернулась правая рука девочки, и зашевелились пальцы.

– Вы видели? – прошептала старшая медсестра.

– Тихо! Отойдите от неё. Слышите?! Отойдите!

Главврач шагнул к девочке, взял её руку, стал слушать пульс.

– Быстро, в реанимацию! – приказал он и обернулся к Пярвизу. – Да опусти ты свой дурацкий пистолет. Герой!..

… Так на семнадцатый день Натаван Гаджиева вышла из комы…

Баку

Получив хорошее образование, Фикрет стал профессиональным журналистом. Всю свою сознательную жизнь он жил одной-единственной мыслью – донести до людей правду о той трагической ночи, заставить мировую общественность услышать

голос истины и справедливости, добиться создания независимых комиссий, которые могли бы привлечь к ответственности и осудить палачей той февральской ночи. Убийцы всё ещё были на свободе, давали интервью, откровенно гордились своими преступлениями и красовались на экранах телевизоров.

Его жесткие и хлесткие статьи, посвященные трагической февральской ночи, его призывы арестовать палачей и судить их на той земле, где совершили они свои страшные, бесчеловечные преступления, вызывали у высокопоставленных европейских чиновников отторжение и неприязнь. Эти времена остались далеко позади, говорили они. Сейчас время сдержанных политических переговоров и взаимных уступок. Зачем ворошить прошлое и вскрывать почти зажившие раны, когда можно многие вопросы решить за круглым столом.

Нет, нет и нет, взывал к ним Фикрет и в очередной раз пытался добиться понимания и поддержки. Но понимания и поддержки не было. Он колесил по странам Европы, стучался в двери правозащитных организаций, писал и печатался, просил и требовал, но наталкивался на холодный приём и равнодушие. Он не отчаивался и не сдавался. Он продолжал писать и выступать. Его поведение, его прямота и искренность, его статьи и выступления начинали раздражать…

А Натаван, окончив школу в интернате для слабовидящих и слепых детей, поступила на филологический факультет университета. Именно тогда, студенткой первого курса, Натаван и начала писать стихи. Когда кто-то сказал ей, что стихи её очень печальные, она тихо произнесла:

– Я видела, как возносились души убитых и истерзанных, и слышала, как плачет Всевышний, омывая слезами их раны…

… Пярвиз тоже получил высшее образование, а затем уехал – куда и надолго ли, она не знала. Через несколько лет Натаван переехала в Ригу, к подруге по многолетней переписке. Подруга, тоже незрячая молодая женщина, была начинающей писательницей. Они мечтали вместе написать книгу. О чем вы мечтаете написать, – спросил Фикрет, знакомясь с подругой. О войне, – ответила она, – о жизни и смерти…

… Фикрет часто звонил сестре, но приезжал к ней редко…

Амстердам

Анна-Мари Вернер, Нейл Шелдон и Патрик де Вард сидели в просторном и светлом кабинете доктора. Они беседовали.

– Скажите, Патрик, – погасив в пепельнице окурок, спросил Шелдон. – Почему из тысяч таких же больных, с такими же симптомами болезни, как у госпожи Гаджиевой, вы остановили свой выбор именно на ней? К вам обращаются многие, предлагают значительные суммы, и все они тоже надеются…

– У этих людей на глазах никого не насиловали, у них на глазах не убивали их родителей и им не прижигали зажженной сигаретой глаза, – ответил Патрик.

– Давайте без пафоса.

– Это не пафос, господин Шелдон, – спокойно возразил доктор де Вард, – а горькая правда. И ваши вопросы по меньшей мере бестактны и провокационны…

– Не нервничайте, Патрик, – вмешалась Анна-Мари. – Никто вас не провоцирует. Нейла заинтересовало то, что вы остановили свой выбор именно на ней, на женщине из Азербайджана.

– Вы видели часы, которые хранит госпожа Гаджиева? – спросил Патрик.

– Да, – ответил Шелдон. – Они были на руке её отца. Часы разбитые, не работают…

– Да, это так, господин Шелдон, – заметил Патрик, – но даже не работающие часы хотя бы раз в сутки показывают точное время…

– Дважды, – уточнил Шелдон.

– Согласен, – сказал Патрик и добавил: – Начало и конец…

– Почему вы нервничаете? – спросил Шелдон.

– Мне не нравится ваш тон, Нейл, – ответил де Вард.

– Что происходит, Нейл? – удивилась Анна-Мари.

– Вы не знаете того, что знаем мы, – ответил ей Шелдон. – Дело в том, что настоящее имя господина Патрика де Варда – Пярвиз Гасан оглу Исмайлов.

– Это правда? – удивилась Анна-Мари.

– Да, я азербайджанец, – спокойно подтвердил доктор Патрик де Вард. – И если вас, Нейл, как представителя Интерпола интересует, почему в Голландии я живу под фамилией Патрика де Варда, то могу объяснить.

– Не сочтите за труд, – сдержанно кивнул Шелдон.

– В Европе, в просвещенной Европе, всё еще с недоверием и подозрением относятся к людям с Востока. Они охотнее идут к своим врачам, а не к иностранцам. Вот и всё объяснение. А что касается Фикрета Гаджиева, то он мой друг детства. И этот ваш так называемый герой гарабахской войны, ослепив Натаван, девочку, которой не было и одиннадцати, стрелял и в нас. Он тогда ранил Фикрета, но мы смогли вернуться и спасти Натаван. Спасти, но не вернуть зрение. И Фикрет хочет только одного. Он хочет, чтобы международное сообщество провело честное и открытое расследование и осудило виновных в той кровавой ночи. Он хочет справедливого суда над этими людьми. Справедливого и открытого!

– Это не в нашей компетенции, – развёл руками Шелдон.

– А в чьей, Нейл, в чьей? – воскликнул Патрик. – И что происходит в мире? Убийцы откровенно гордятся тем, что в упор расстреливали беззащитных людей, и все молчат. Все! Вокруг равнодушие и молчание. Молчание и равнодушие.

– Патрик! – вмешалась Анна-Мари. – Наша комиссия для того и создана…

– Ваша комиссия сотрудничает с Интерполом, – перебил Патрик. – И пытается остановить человека, который хочет только одного – открытого суда над убийцами! Международного суда! А вы ищете его только для того, чтобы заткнуть ему рот и тем самым дать возможность убийцам женщин и детей спокойно разгуливать на свободе. Почему? Вы можете ответить мне на этот вопрос? Почему?

– Господин де Вард! Патрик! Сядьте и выслушайте, – сказал Шелдон, стараясь сохранять спокойствие. – Нам стало известно, что вашему другу звонят и посылают сообщения с угрозами. Хотят заставить его молчать.

– Он молчать не будет, – сказал Патрик.

– Мы тоже не сомневаемся в этом, – согласился Шелдон. – Именно поэтому наш специальный отдел занимается сейчас поиском источника информации. Вы это понимаете? Так что мы затыкать рот вашему другу не собирались…

– У вас есть возможность связаться с ним? – спросила Анна-Мари.

– Нет, – ответил Патрик. – Я не знаю, где он.

– По нашей информации, – сказал Шелдон, – у него запланирована встреча с представителями международной правозащитной организации в Лондоне.

– Когда? – спросил Патрик.

– Через два дня, – ответил Нейл.

– Значит, он собирается в Лондон, – заключил Патрик. – Как и откуда он будет добираться, не знаю...

– И мы не знаем, Патрик, – заметил Шелдон. – Мы пытались установить с ним контакт, но он этого не хочет и игнорирует все наши попытки выйти с ним на связь.

– Да, человек он не простой, – сказал Патрик.

– Мне бы очень хотелось познакомиться с вашим другом, – сказал Шелдон.

– Я думаю, вы еще с ним познакомитесь, – сказал Патрик.

– Не сомневаюсь, – заметил Шелдон. Он и Анна-Мари направились к выходу. – Надеюсь, доктор де Вард, – стоя в дверях, сказал Шелдон, – что мы с вами ещё встретимся.

– Мне бы не хотелось встречаться с вами как с пациентом, – парировал Патрик. – Это искренне. Так что берегите себя…

Шелдон и Анна-Мари ушли. Патрик подошел к двери, словно хотел выйти следом, но вернулся к столу, поправил листы в папке, закрыл её и убрал в ящик стола. В это время в кабинет стремительно вошла Анна-Мари, также стремительно подошла к Патрику и поцеловала его в губы.

– Зеленоглазый ты мой, – прошептала она с нежностью, глядя ему в глаза. – Значит, я все эти годы любила азербайджанца, да?

– Да, – ответил он.

– Пяр-виз! – старательно произнесла Анна-Мари. – Правильно?

– Почти…

– Господи! Как же я люблю тебя! Люблю! – сказала она. – Я не могу забыть тебя. И не смогу. Никогда...

– Анна-Мари, пожалуйста, прошу тебя, – чуть отстраняясь, проговорил Патрик. – Мы приняли решение…

– Разве ты не вспоминаешь меня? – спросила с горечью Анна-Мари.

– Вспоминаю, – признался Патрик. – Но счастье одних делает несчастными других. Понимаешь? Каждый день и час. Каждую минуту…

– Ты… – едва слышно произнесла Анна-Мари и отступила. – Ты сказал, что… Ты сказал…

– Анна-Мари, прошу тебя, пожалуйста, – сказал Патрик.

Анна-Мари протянула руку, коснулась его щеки, резко повернулась и покинула комнату…

В кружку стылую февраль
сыплет яд,
и земли замерзшей сталь
режет взгляд.

Амстердам

В кабинет доктора Патрика де Варда вошла медсестра, доложила:

– Госпожа Натаван Гаргюлю!

– Пусть войдет, – сказал доктор, поднялся из-за стола и шагнул навстречу вошедшей Натаван. – Здравствуйте, Натаван!

– Здравствуйте, доктор, – улыбнулась Натаван. – Я рада вас видеть!

– И я очень рад, поверьте!

– Верю, – продолжая улыбаться, сказала Натаван. – Позвольте…

Кончиками пальцев она коснулась галстука Патрика.

– У вас красивый галстук. Вам очень к лицу. Подарок жены?

Патрик удивленно вскинул брови.

– Вы читаете мысли, Натаван. Просто удивительно…

Натаван села в кресло, поправила шейный платок.

– Я хочу подарить вам сборник своих стихов. Это третья моя книга. Надеюсь, у вас будет время пролистать её?

– Можете не сомневаться. Послушайте, как звучат ваши стихи на английском. Я недавно прочитал их в поэтической колонке популярного журнала.

Февральский день скользнул с пера
Прощальной строчкой,
В слова мгновенья собирал,
Крик – в многоточья,

Закат багряный отразив,
Реки затишье,
Весны волнующий призыв,
Чужие крыши,
Как небо сеет решетом
Крупицы света,
И сумасшествие кустов –
В катренах ветра,
И запах скошенной травы –
Всё тот же, свежий,
А у заброшенной стены
Расцвёл подснежник...

– Это очень неожиданно, Патрик. Спасибо, – поблагодарила Натаван. – Но не это главное.

– Что же главное, Натаван? – спросил Патрик.

– Больше никаких сеансов не будет, – сказала она. – Это я хотела сказать вам.

– Почему? – удивился он.

– Надеюсь, вы правильно поймете меня, – произнесла Натаван и продолжила: – У каждого из нас своя жизнь, а значит, и своё прошлое. И это прошлое – в моей памяти. Лишаться прошлого, пусть страшного и мучительного, значит, лишиться памяти. Значит, забыть своих близких, забыть брата, забыть ту ночь, потом забыть вас. Но так не бывает. Я обязана помнить. Мы все обязаны помнить, и мы никогда не должны забывать… Не должны. Это наша память. Вы ведь понимаете меня, Патрик?

– Понимаю…

– И я хочу вернуться. Я просто соскучилась по дому, – объяснила она. – Спасибо вам!..

– Не за что, Натаван, – сказал Патрик и обернулся к вошедшей медсестре.

– Госпожа Вернер.

Вошла Анна-Мари.

– Извините, я без приглашения, – сказала она. – Но я должна была прийти.

Она села напротив Натаван.

– Вы хотите что-то сказать мне? – спросила Натаван.

– Я хочу передать вам фотографию, – сказала Анна-Мари, достала из папки небольшую черно-белую фотографию и положила её на стол. Натаван протянула руку и накрыла фотографию ладонью. После короткой паузы, она тихо произнесла:

– Я помню эту фотографию. Мне было тогда четыре года. Я сижу у мамы на коленях. Верно?..

– Да, – тихо подтвердила Анна-Мари.

– Как она попала к вам? – так же тихо спросила Натаван и добавила: – На ней, кажется, кровь…

– Мы обнаружили её в кармане пиджака вашего брата, – сказала Анна-Мари.

– Он жив? – едва слышно спросила Натаван.

– Я прошу вас, Натаван, – с трудом произнесла Вернер. – Пожалуйста, не волнуйтесь…

– Говорите, – едва слышно сказала Натаван.

– Произошла трагедия. Автомобильная катастрофа, – сказала Анна-Мари. – Тяжелый самосвал выехал на встречную полосу, и произошло лобовое столкновение. Обстоятельства происшедшего сейчас выясняются. Ваш брат погиб сразу…

– Где это произошло? – не слыша собственного голоса, спросила Натаван.

– На трассе. Ваш брат ехал на встречу в Лондоне, – ответила Анна-Мари.

– Понимаю, – произнесла Натаван. – Простите, но мне бы хотелось остаться одной.

– Да, да, конечно, – кивнула Вернер и поднялась. – Госпожа Гаджиева, простите меня, но порой надо быть сильнее не только смерти, но и самой жизни…

Она положила на стол свою визитную карточку и добавила:

– Если вам понадобится моя помощь, звоните мне в любое время…

Анна-Мари ушла. Натаван с трудом поднялась, подошла к окну.

– Пярвиз! – позвала она сорвавшимся голосом.

– Да, – отозвался он и подошел к ней.

– Это ведь ты, правда? – спросила она.

– Да.

Натаван заплакала. Тихо, почти неслышно.

– Его нет, слышишь? Его больше нет…

– Слышу, – сказал он и обнял её.

– Открой окно, – попросила она сквозь слезы. – Я не могу дышать. Я задыхаюсь, слышишь?

Патрик открыл окно.

– Пярвиз! Почему так? Почему? Как? Кто выехал? Какой самосвал? Я не понимаю, Пярвиз!..

– Натаван! Прошу тебя. Тебе нельзя нервничать, тебе нельзя…

– Это неправда. Неправда, Пярвиз! Я не верю! Не могу поверить…

– Натаван… Прошу тебя!

Он хотел ещё что-то сказать, но она перебила его:

– Нет! Нет! Нет! Я не верю, Господи, не верю!..

Натаван плакала. Они стояли у открытого окна.

Он погладил её по плечу.

– Я скоро вернусь, – сказал Патрик. – Оставайся в городе, пожалуйста. Слышишь?

Она кивнула. Патрик вышел из комнаты, и его шаги стихли в глубине коридора. Вошла медсестра, взяла Натаван под руку, сказала вежливо:

– Я провожу вас…

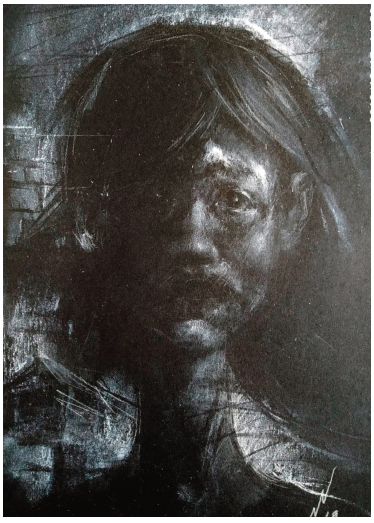
– Да, да, – тихо произнесла Натаван. – Спасибо!..

Они вышли в коридор, и медсестра плотно закрыла за собой дверь. Зимний вечер уже накрывал город. Ярко светились витрины магазинов. Зажигались и гасли разноцветные лампочки на деревьях. Гуляли люди. Медсестра и Натаван подошли к машине, неспеша сели в неё и уехали. Их машина сразу затерялась в плотном потоке других машин. Высоко в небе летел самолет и мигал сигнальными огнями…

ХЕЗАНГЮЛЬ

Я – ЗОХРА...

Двухлетней Зохре, зверски убитой армянами



Я – Зохра,
Мне должно было исполниться два года,
Я была крохотной дочкой своего народа...
Я могла вырасти, стать большой,
Любоваться солнцем, землей,
Радоваться радостям мира,
Сострадать, когда миру плохо,
Могла выполнить миссию,
Данную мне небесной властью –
Даровать миру любовь и счастье...
Но рука неправедная жизнь мою прервала
Сердечко мое биться перестало...
О, люди! В чем моя вина?
Мое крохотное тело
Спастись не сумело.
Перестало дышать.
Каждая капля моей крови
Обратилась в крик: «Почему?»,
Я этого никак не пойму!
За меня должны отомстить –
Иначе моя скорбная душа,
Чей стон даже космос не в силах вместить,
Будет требовать мести –
Для всех нас это дело чести!
Пусть небеса мне внемлют –
Стану бурей, стану градом,
Буду сотрясать землю,
Буду молнией сверкать,
Буду подлых врагов убивать,
На пути их ставить преграды,
Буду подлых врагов убивать,
Уничтожать гадов!
С каждым ребенком буду заново рождаться,
Чтоб с неправедным врагом рассчитаться.
Для народа своего Ангелом-хранителем стану,
И прольюсь бальзамом
На Родины раны...

Я – ЗОХРА,
Мне должно было исполниться два годика...

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

АГАДДИН БАБАЕВ

Свидетель ходжалинской трагедии

«Много нам пришлось пережить трагедий,
но трагедия в Ходжалы занимает особое место».

Гейдар АЛИЕВ

В ночь с 25 на 26 февраля 1992 года армянские вооруженные формирования при содействии дислоцированного в Ханкенди 366-го мотострелкового полка бывшей советской армии предприняли наступление на Ходжалы. Вначале город подвергся беспощадному обстрелу из тяжелых артиллерийских орудий. Небольшой населенный пункт оказался во вражеском кольце. Утром 26 февраля беззащитный Ходжалы был разрушен до основания, страшный огонь пожирал нехитрые строения... Мирное население Ходжалы в страхе за свою жизнь устремилось в сторону Агдама. Как свидетельствуют очевидцы, далеко не всем удалось спастись. Армянские бандиты с особой жестокостью убили 613 мирных жителей. Среди них – 63 ребенка, 106 женщин и 70 лиц преклонного возраста. 487 человек получили ранения различной степени тяжести, 1275 ходжалинцев попали в плен, 150 – пропали без вести. Государству и гражданам жестокая акция армянских варваров обошлась в громадную сумму – 5 миллиардов рублей (по ценам на 1 апреля 1992 года).

Чудом спасшиеся от смерти ходжалинцы обосновались сегодня в 50 районах республики. Часть из них живет в Лянкяране. Мой собеседник – Мохуббат Ахмедов – житель села Косалар в окрестностях Ханкенди. Работал полномочным представителем главы Ходжалинской городской исполнительной власти по делам беженцев и вынужденных переселенцев, затем – сотрудником таможенного пункта в Лянкяране. В настоящее время он занимает ответственную должность в Независимом общественном объединении «Инсан хугуглары» («Права человека»).

– Ходжалы – самая жестокая трагедия нашего времени, – говорит Мохуббат муаллим. – Совершенное армянами преступление можно сравнить со зверствами фашистов в Лидице, Орадуре, Хатыни во время Второй мировой войны. Оголтелый сепаратизм и террор, возведенные Арменией в ранг государственной политики, нанесли тяжелейший удар по Азербайджану, в частности, по моим землякам. Мы до сих пор испытываем последствия пережитой кровавой бойни. Правда об этой трагедии долго замалчивалась.

Лишь в 1994 году по инициативе Президента Азербайджана Гейдара Алиева вопрос о Ходжалинской трагедии был вынесен на обсуждение Милли Меджлиса, были названы организаторы и исполнители массового убийства мирных граждан. Благодаря смелости и политической дальновидности нашего общенационального лидера стала издаваться печатная продукция, проводились исследования, конечной целью которых являлось раскрытие причин, приведших к трагедии. События в Ходжалы обсуждались в парламентах различных государств, международных организациях, мировая общественность узнала правду о действиях армянских сепаратистов.

В те годы я работал полномочным представителем главы Ходжалинской исполнительной власти по делам беженцев и вынужденных переселенцев в Мингячевире. В городе разместилось 126 семей из Ходжалы. Мне было поручено решение социальных и бытовых проблем беженцев. Делали все возможное, чтобы удовлетворить потребности людей, оказавшихся в тяжелом положении. Очень часто причи-

тавшуюся мне продовольственную помощь я адресовал семьям, потерявшим кормильцев. Забывал о собственных бедах, когда удавалось хоть как-то скрасить незавидную жизнь людей с незаживающими душевными ранами.

Прошло уже около тридцати лет с той кошмарной ночи, но не стираются из памяти преступления и жертвы этого страшного геноцида.

– Мохуббат муаллим, беседуя с ходжалинцами, я слышал немало добрых слов о вашем родном брате Натике Ахмедове, отличавшемся беспримерным героизмом и доблестью...

– Демобилизовавшись из рядов вооруженных сил, мой брат уехал в Ригу, но скоро вновь вернулся на родину и поступил в отдел внутренних дел Ходжалинского района, работал инспектором патрульно-постовой службы. Натик и его товарищи обеспечивали безопасность пассажиров, следовавших в Ходжалы и Шушу. В сентябре 1991 года он получил ранение. Спустя два дня, возвращаясь в Ходжалы, на территории Аскеранского района попал в засаду, устроенную армянскими бандитами, и героически погиб в неравном ожесточенном бою. В 1993 году Указом Президента Азербайджанской Республики за проявленную при защите территориальной целостности республики доблесть и спасение жизней граждан Натику Ахмедову посмертно было присвоено звание Национального героя Азербайджана.

– Удовлетворены ли вы заботой, оказываемой в Лянкяране беженцам и вынужденным переселенцам?

– Однозначно – да! Отношение настолько теплое, что мы иной раз чувствуем себя родившимися на этой благодатной земле. В гости к ходжалинцам регулярно приходят руководители города, представители трудовых коллективов, предприниматели, которые оказывают людям всевозможную помощь.

Сегодня каждый из нас живет мечтой о возвращении на родину предков. Верим, что недалек тот день, когда будут освобождены оккупированные азербайджанские города и села, и наша республика навсегда забудет слова «беженец» и «вынужденный переселенец»...

В 2007 году в центре Лянкярана был установлен величественный памятник жертвам геноцида азербайджанцев.

ГЮНЕЛЬ ЭМИНЛИ

Р А С С К А З Ы

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Выбор Дориана Вейна

Вернувшись из больницы, он пытался сбросить под горячим душем всю усталость, накопившуюся за день. Прикосновение чистого полотенца к телу должно было подготовить его к крепкому ночному сну. Но сна ни в одном глазу не было. На столике возле кровати лежал ворох книг. Он машинально вытянул одну из книг. Это был «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда. «Надо же, мы тезки», – пробормотал он.

Утром звуки «Второго вальса» Шостаковича раздавались по всему коридору. Врачи, медсестры, санитары в белых халатах, хаотично мечущиеся по коридору, напоминали кавалеров и дам, танцующих на кафеле. Но пар от свежей и теплой крови в операционной и ее тошнотворный запах тут же развеяли в прах это видение.

Бррр-р-р... У него мурашки пошли по коже, когда он зашел в операционную. Как же здесь холодно. Операционные остужались для предотвращения кровотечений и потому напоминали морозильник. Знаменитый меломан больницы, буйный и эксцентричный хирург Бойлд, в привычной манере напевая под нос вальс, выполнял свою работу с инструментами в руках. Дориан был новым ассистентом Бойлда. Пока они не могли сработаться, привыкнуть друг к другу. Но вплоть до окончания резидентуры Дориан должен был находиться под влиянием Бойлда и в плену вальса. Дни, больные, операции и послеоперационный душ сменяли друг друга. Он уже прочел половину книги о своем тезке. Но качество его сна оставляло желать лучшего – сон долго не шел, и спал он чутко. И вот однажды изменилась вся его жизнь.

Бойлд обычно оставался на ночные дежурства и, конечно же, держал при себе и Дориана. Ночное дежурство шло обычным ходом. Вдруг через динамики Бойлда срочно вызвали в операционную. Поступил новый пациент. Молодой человек, попавший в нетрезвом состоянии в аварию на мотоцикле, оказался смуглым парнем. Бойлд дал знак ассистенту приготовить инструменты и надеть на него халат. Времени терять было нельзя. Парень получил тяжелую черепную травму. Видимо, не стал надевать каску. Эта его привычка теперь обойдется ему и медперсоналу очень дорого. Пока санитары разрезали окровавленную одежду парня, врачи оделись, достали инструменты из дезинфицирующего аппарата и подошли к столу. Дориан вытер ватным тампоном кровь с лица парня и откинул его волосы назад. Бойлд с присущим ему хладнокровием поблагодарил санитаров и вывел их из операционной. Взял скальпель в руки, поднес его к голове молодого человека и тут замер на мгновение, бросил взгляд на Дориана, отвел воровато глаза и начал разрезать область над почкой.

– Док, что вы делаете? У него травмирована голова. Мы должны остановить кровотечение.

– Дориан, послушай. Нам не спасти его. Травма у него тяжелая. Он всё равно умрет. А если нет, то останется на всю жизнь инвалидом, либо его подключат к аппаратам, и он продолжит жить как овощ. Но мы можем спасти его почки. Вчера мне пришел заказ. Один очень состоятельный человек ищет почку для своей дочери. Если нам повезет, почки этого парня подойдут той девушке. И мы разбогатеем. Знаешь, сколько мне денег предложили? Даже представить не сможешь. Дориан, не спи. Чего ты застыл? Помог бы лучше. Принеси из соседней комнаты контейнеры со льдом. Я сейчас уже выну почки.

– Док, нет, нет. Ведь… Мы… Ведь мы можем его спасти… Ведь мы даже не пытаемся его спасти. Док, прошу, он совсем еще молод. Почти подросток.

– Дориан, хватит нести чушь. Поспеши. Наркоз начал действовать. У него еще никто не объявился. Может, он вообще бродяга. Но те, кто хотят купить почку, люди солидные. Я им обещал. Знаешь, что они с нами сделают, если не получат эту почку? Что тогда мне им сказать? Сказать, что крохотная совесть моего ассистента помешала мне извлечь орган? Чего уставился? Неси контейнеры, быстрееееей…

Дориан взглянул на дымящуюся почку в руках врача и с трепыхающимся в груди сердцем побежал за контейнером. В ту ночь Бойлд завладел почкой смуглого парня, а Дориан продал свое сердце дьяволу…

Дориан дочитал книгу, он теперь боялся посмотреть на себя в зеркало. Был уверен, что лицо приняло уродливую форму. Вальс Шостаковича теперь напоминал ему симфонию чертей и дьяволов. Он начал понимать, почему Бойлд оперирует под эту музыку. Он прятал свои греховные деяния под звуками этого вальса. Весь маскарад был только ради этого. А Бойлд не знал, не знал, что этот одинокий парень, которого он оставил без почек, был молодым человеком его ненаглядной дочери Джейн и отцом ее малыша, который появится на свет всего через восемь месяцев. Бойлд убил отца своего будущего внука. Об этом пока ведали лишь на небесах. Эта весть еще не достигла земли…

– Дориан, Дориан. Где ты пропал? Давай, срочно приезжай в больницу.

– Что стряслось?

– Ничего, глупец. Привезли нового пациента. Похож на человека одинокого. У меня заказ на сердце. Приезжай скорей.

Дориан бросил взгляд на книгу возле ночника. Улыбнулся.

– Еду…

Где-то вдали звучал Второй вальс Шостаковича. И танцевали дьяволы и черти…

Патеринство

Раздается стук в дверь. Женщина открывает дверь и пропускает мужчину.

В голосе мужчины присутствуют нотки удивления:

– Я думал, ты встретишь меня в другой одежде.

– Нет, не сегодня.

– Что с тобой? Не в настроении?

– Да, немного. Сегодня я встретилась с дочерью. Мы с Арис нагулялись вдоволь. Я отвел ее в зоопарк. Она так радовалась. Но каждый раз, проводя с ней время, я не могу избавиться от страха.

– Перед чем?

– От мысли, что мы больше не увидимся.

– Всё зависит от тебя самого. Ты должен принять решение.

– По-твоему, приняв это решение, я не смогу с ней встречаться?

– Нет, конечно нет. Что ты говоришь? Хочешь навсегда испортить психологию ребенка? И кем ты будешь для нее? Матерью? Отцом? Мачехой? Или матцом? То есть, неведомым науке существом! Или внезапно объявившейся тетушкой? Ты хоть задумывался об этом?

Женщина начинает плакать. Мужчина садится в кресло и пытается ее успокоить.

– Давай продолжим сеансы. Может, мне удастся тебе чем-то помочь. Ты принимаешь лекарства, которые я тебе прописал?

– Да, но они вызывают у меня депрессию. Я бываю готова покончить с собой.

– Это побочные действия. Результат самовнушения. Ты должен успокоиться и всё заново обдумать обстоятельно. Хочешь, вернемся снова к началу.

– Нет, нет. У меня нет ни желания, ни сил говорить о своей матери-ведьме и ее бесчисленных любовниках.

– Но корни твоей нынешней проблемы лежат именно там. Мы должны размотать клубок. Ты должен либо простить ее, либо похоронить эти воспоминания настолько глубоко, чтобы они не мешали жить.

– Как их похоронить, а? Как мне забыть этих мерзавцев? Они вставали ночью с постели моей матери и в кромешной мгле протягивали руки к моей кровати. Думаешь, легко? Я уже давно не молод. Но все еще держу под подушкой топор. Мне чудится, что эти руки снова протянутся ко мне и придется их отрубить вчистую. Я даже лица их не мог разглядеть. Только руки. Волосатые, грубые, крупные руки. Если спросишь, кто мне враг, смогу дать только один ответ: пара рук.

– Ладно, ладно, успокойся. Ты давно уже вырос. Это жизнь, у всех есть скелеты в шкафу. Тебе выпала такая судьба. Прими это и живи дальше. У тебя есть дочь. Попытайся ради нее. Но ты должен принять такое решение, чтобы… Разве ты хочешь стать для своей дочери таким же ужасным воспоминанием? Задумайся.

Женщина сползает на пол. Обхватывает голову руками и замирает в этой позе. Внезапно она поднимается и проходит в соседнюю комнату. Немного спустя возвращается обратно в мужской одежде и садится на диван напротив кресла, где сидела прежде.

– Тебе хотелось, чтоб я встретил тебя в этом обличии?

– Да, таким, какой ты есть. Как симпатичный и молодой мужчина. А женские платья выбрось. Или же спрячь подальше. Надевай только когда не можешь себя пересилить. Но ни в коем случае не думай идти на операцию и менять пол. У тебя дочь. Ты должен понять, что создал в своем сознании материнский образ, не похожий на свою реальную мать. Ты хочешь занять ее место. Твоя бывшая жена не совпала с этим образом, потому ты и развелся. Но пойми, ты никогда не станешь той матерью, которой пытаешься стать. Ты мужчина. Отец. Отец Арис. У Арис есть родная мать. Она не нуждается в еще одной. Но в отце она будет нуждаться всегда. Понял?

Ответа нет. После короткой паузы мужчина продолжает.

– Купи букет цветов, навести могилу матери. Прости ее, помолись, отпусти ее душу. Прости ей грехи. Тебе полегчает.

– Меня сейчас вырвет.

– Ладно, ладно. Сходишь, когда почувствуешь себя готовым.

Раздается телефонный звонок.

– Алло, да. Да, доченька. Не спишь еще? Куда сходим? В цирк? Конечно, конечно. В следующую субботу. Договорились.

Мужчина вешает трубку.

– Видишь, дочь так и рвется видеть тебя каждую субботу, мечтает. А ты из кожи вон лезешь, чтобы стать женщиной. Если начнешь принимать гормоны, первым делом изменится голос. Ты уже не сможешь сказать дочери «алло» нормальным своим голосом. Подумай, стоят ли все эти мучения хотя бы одного разговора с дочерью? Или представь, что и твой ребенок, не увидев нормального отца, захочет стать мужчиной, когда вырастет. Что в таком случае? Это станет трагедией и проклятием вашего рода, впитается в генетику. Ты хочешь стать зачинателем такого дела?

Снова нет ответа.

Мужчина договаривает и проходит к двери. Вдруг он оборачивается ко второму мужчине и спрашивает:

– Ты должен сегодня сказать хирургу о своем решении?

– Да, он ждет моего звонка.

– Ну, тогда я пошел. Ты подумай. Подумай еще раз. А потом реши.

Мужчина медленными шагами покидает квартиру.

Другой мужчина оседает в кресло. Смотрит в телефоне фотографии с дочерью, снятые во время сегодняшней прогулки. На всех них ребенок счастливо улыбается… Он выходит из фотогалереи телефона и набирает какой-то номер:

– Алло, доктор, добрый вечер. Да, да, это я. Я, я… решил. Да или нет?..

Мужчина берет со столика возле кресла стакан с водой, отпивает глоток и…

Мужчины любят блондинок

Жена свела его с ума. Каждым своим словом и действием она выводила его из себя. Она была чересчур ревнива. Муж успевал только вернуться с работы, переступить порог, и тут же жена брала его в оборот: сперва, как немецкая овчарка, принюхивалась к его одежде, затем отнимала телефон, внимательно осматривала через лупу, купленную в магазине канцтоваров, манжеты его рубашки. А муж каждый раз чувствовал себя под рентгеновскими лучами. Но он уже сдался. Был вынужден сносить этот следственный досмотр, начинающийся каждый день прямо у порога. Раньше он всячески пытался этому противостоять, пробовал напугать жену, даже угрожал разводом, но это не возымело результата. Дело дошло до того, что жена собиралась купить детектор лжи, с помощью которого она каждый вечер проверяла бы мужа. Узнав об этом, муж не стерпел и ударил жену. Она немного поплакала, попричитала, но не передумала. Она часто копалась в интернете, пытаясь разузнать, где и как можно приобрести детектор. Муж порой думал, что всё это уже не ревность, а патология, и она не лечится. Иногда по ночам в спальне ему казалось, что жена спрятала где-то «жучок», чтобы услышать, говорит муж во сне или нет.

Конечно, он был нормальным мужчиной и, как все нормальные мужчины, имел любовницу. Смуглая девушка из отдела проектирования, похожая на Сельму Хайек, понравилась ему с первого дня. Но странным было то, что жена ревновала его и до знакомства с той девушкой, и потом, и всегда. Он прекрасно это знал. Но, главное, он гулял вдоволь.

Ему повезло, его любовница оказалась профессионалкой. Они занимались своим делом очень аккуратно. «Сельма Хайек» не отпускала его домой, не удостоверившись, что никаких улик не оставлено. Покамест оба проходили через экзамен успешно.

– Дорогой, я люблю и тебя, и твою жену, – говорила всегда «Сельма» шутливо.

– Как так? – удивленно спрашивал мужчина.

– Почему нет? Она так хорошо за тобой ухаживает. Заботится. Рубашка всегда выглажена. Пахнешь одеколоном. Как я могу не любить твою жену?

После этих слов любовница всегда громко смеялась.

После занятий любовью она продолжала свою мысль:

– Она, словно голубец, завернута в капусту, одевается в сто одежек, в халат, потеряла форму, при виде нее ты хочешь сбежать ко мне. А я – как долма из виноградных листьев, нежная и всегда в форме. Меня нельзя есть каждый день. Вот потому ты и ненавидишь голубцы и обожаешь долму…

Мужчина не разбирался до конца в этой кулинарной философии, но, чтобы сделать приятно девушке, старался улыбаться. Он наслаждался своей «Сельмой Хайек», а жена строила планы разоблачения.

Однажды она нашла в кармане мужа розовый пакетик. В тот день она была готова сойти с ума. Она сфотографировала пакетик и поделилась фотографией в чате, где общалась с давними подругами, а когда спросила, что это, чертовки стали поливать грязью ее мужа. Все в один голос твердили, что это «презерватив». Хорошо хоть одна из подруг владела английским. Она прочла надпись и написала, что это чайный пакетик, и подруги-стервы на том успокоились.

Но то ли потому, что Баку город маленький, то ли потому, что в Баку мужчины не имеют права быть счастливыми на стороне, справедливая Фемида или бешеный Амур, что неважно, взглянув с небес, кто-то из них пришел в ярость.

Однажды, когда муж возвращался с работы, клок светлых волос упал с соседнего балкона на плечо, да там и остался. Это расчесывала парик, купленный для пятилетней дочери, соседка: малышка готовилась к спектаклю «Рапунцель» в детском садике.

Вот так наш горемычный мужчина появился перед женой с клоком светлых волос на плече. Истерический вопль жены оглушил весь город, и даже Амур на небесах зажал уши.

Жена держала в руке неопровержимую улику и заходилась в крике, а муж в это время вспоминал черные, курчавые локоны своей «Сельмы Хайек» и сгорал от ощущения беспомощности…

НИГЯР АРИФ

Крылья, чтобы летать...

Словно камешки, нас поднимают с земли,
чтобы вновь разбросать
тут и там по земле...
Черно-белые камешки,
что под ногой...
Мы – как птицы,
что рвутся к свободе весь век,
день за днем,
и бессильными крыльями бьют.
Неразумные птицы –
нелепый народ...
С каждым вздохом своим
раз за разом опять
возвращаемся в мир –
клеть, привычную нам...
Ложь, что лезет в глаза –
ни сглотнуть, ни забыть:
клюв забьет,
в горле комом размером с кулак
встанет намертво...
Жизнь рассядется, ноги поджав,
на горбу...
Как огромную боль,
в сердце носим судьбу –
не взлететь, не вспарить от земли...
Как бы нам ни хотелось –
не вырваться прочь
нам из плена
вот этих око́н и дверей...
Ах, не плачь, моя детка,
не плачь, мой малыш,
над пичужкою той с перебитым крылом,
что в ладонях твоих умирает...
Час придет – смерть отдернет
завесу от глаз,
и проснутся уснувшие все.
Будут снова и снова пытаться взлететь,
ну, а птицы им станут шептать:
«Крылья нам
для побега из мира даны...»

Жизнь на склоне дней

Обещаньями пустыми
обманула, оплела...
Глыбой ложных ожиданий
застопóрила мне путь –
жизнь,
сочась из глаз и пальцев,
истекаешь ты словами
на бумажные листы...
Словно в трещинах ладонь
старческая –
жизнь моя.
Пополам сгибаясь, ты
клонишься к земле –
как я...
Невысокого росточка,
щупловатая на вид,
мой пиджак с плеча висит –
швы потёрты, поредели
пуговицы там и сям...
Тесно стало нам с тобою
в этой жизни,
жизнь моя...
Обопрешься на чинар –
дух в пути перевести...
Боль в коленях,
соль в суставах –
отлетающая жизнь...
Ты еще бренчишь в кармане
где-то там, на самом дне –
медных парою монет...
что там от тебя осталось?
высыплю тебя в ладонь,
сосчитаю:–
грош... другой...
Что ж, на хлеб мне хватит мой...
Слышу слева – вздох, затяжка...
Докурив нас сигаретой,
беспощадною ногою
растираешь в пепел нас...
Ты кривишь сухие губы,
чтобы вымучить улыбку,
что тебе самой противна.
Запрокинув вверх лицо,
знаю, думаешь сейчас:
«Что ж, спасибо и на этом,
Что ж, за все благодарю...»

Потеря

Потеряла тебя – там же, где и нашла...
В тот же час, и минуту, и миг.
В лабиринте сердечных тропинок
и стен –
ветхих, в землю осевших
под болью моей...
Потеряла тебя так же, как и нашла...
Ты молчишь, скрестив руки...
И что тут сказать?..
Вопрошай, окликай – что сказать?..
И кому?..
Бьешь в сердцах по колену,
а стоит взглянуть –
беззаботной улыбкой сияет лицо...
Где нашла – там же и потеряла тебя...
Потеряла... Как тяжко...
Тебе не понять,
что душа, словно каменный ларь,
давит грудь;
как набухшая туча, в немой тишине
проливается снова и снова дождем...
Льёт и льёт...
Как нашла, так же и потеряла тебя...
Потеряла тебя...
Потеряла...

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

ЗЕМЛЯКИ

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ

КИНОВАРЬ, ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА В ТУНИСЕ

Повесть

Это тот случай, когда стоит шарахнуть рекламную кампанию, как для «Анжелики, маркизы ангелов».

«Маятник Фуко»
Умберто Эко

Когда бережно сохраненные связи складываются в некий ожидаемый рисунок, соответствующий устремлениям и долготерпению «посланного на край», когда приходит понимание того, почему именно ты, «дозорный», «искатель», занимаешь эту крайне невыгодную для размеренного бытования позицию, когда в твоей жизни все сходится с неумолимым бегом часовой и минутной, и янтарный свет уже начинает мягко обливать отмеренную свыше дистанцию с невидимой пульсирующей точкой на конце обрывающегося эона, ты осторожно спрашиваешь у листопадной тишины собственного «я», вполне ли соответствуешь поставленной перед тобой задаче. Ответа ждать – как от блеклых небес, до которых пытаешься дозвониться по телефону.

Я должен был лететь на Джербу несколько лет назад по своим журнальным делам: предложили написать материал о паломниках-евреях, приезжающих на остров поклониться праху покоящегося там Шимона Бар Ясхаи, одного из авторов Талмуда.

Мне снились бесконечные рощи финиковых пальм, обширные оливковые плантации в окружении пологих пляжей с белым песком и теплым прозрачным морем, по пенистой кромке которого неспешные берберы вели неспешных верблюдов. А когда большие ленивые бабочки, делающие гимнастические упражнения на перезрелых финиковых гроздьях, начали проникать за границы, отведенные Морфеем, райский остров, воспетый в древних мифах, был перечеркнут из-за возможных терактов.

О том, что время в Тунисе не самое подходящее для написания подобного рода статей, предупредил шефа «бывший аналитик одной из израильских спецслужб» и по совместительству колумнист нашего журнала. Вслед за его предупредительной депешей примчалась еще одна, уж не знаю от ветерана каких служб, проигнорировать которую тоже было неблагоразумно.

Я закрыл для себя тему Джербы без сожаления: номер складывался непросто, требовалось мое присутствие в журнале.

Остров еще какое-то время оставался в памяти, посылая мне знаки в виде то обычной сетевой справки, то любительских фотоснимков низкого качества, а то и туристических отзывов, которые тоже восторгов не вызывали. Впрочем, как я успел заметить, отзывы блогеров о странах, никогда не входивших в состав СССР, всегда грешат иллюзией осведомленности и непомерным снобизмом. А со снобизмом вообще и российским в частности бороться бессмысленно, его следует просто делить на восемнадцать, как делишь человека, доверительно сверлящего тебе мозг на том ложном основании, что он-то все знает лучше других. Страшно утомительная штука для деликатных людей.

Не помню точно, сколько времени с тех пор прошло, может, два года, может, три, и вот снова Тунис, снова угроза терактов, и снова номер складывался непросто и требовал моего присутствия в журнале: надо было в четырехчастном интервью отработать октябрьский погром в Бирюлево с позиций «как это будет для евреев», что в переводе на гойский означало, грозит ли евреям беда, ведь от нелюбви к кавказцам до нелюбви к евреям – одна трамвайная остановка.

Я сообщил редакции, что билеты у меня на руках, не поехать не могу, и заверил, что буду работать в Тунисе, как в Москве.

– Ну, хорошо, хорошо, – выстрелила в меня из дамского «браунинга» наш ответственный секретарь. – На связь рекомендую выходить регулярно.

И хотя до моего отъезда оставалось еще несколько дней, попрощалась со мною так административно, что появилось желание немедленно рвануть в какие-нибудь Богом забытые и совершенно безответственные края.

Почему Тунис? Почему, скажем, не Алжир или Марокко? Тоже страны Магриба. Да потому, что память создает условия, определяющие нашу жизнь в дальнейшем.

Террорист-смертник подорвал себя на пляже в Суссе, а отель, в который мы должны были вскоре вселиться, находился как раз между Монастиром и Суссом – по московским меркам, совсем неподалеку, на одной ветке метро. Охранник не пустил джихадиста внутрь отеля, и тот предпочел «разрядиться» на пляже, к счастью, почти безлюдном.

Обо всем этом жена вычитала в Сети и решила либо сдать билеты, либо заменить Тунис на Турцию, Кипр или Испанию; предпочтительно все же – Испанию.

«Сдать билеты – пожалуйста, а вот в Турцию, на Кипр и уж тем более в Испанию – извините, помочь не можем, поздно уже», – сообщил наш туроператор.

Терять деньги не хотелось, да и Тунис в моей судьбе начал маячить с того самого момента, как я узнал о Ганнибале и Пунических войнах. Дымящийся Карфаген впервые предстал пред моим взором, когда я справлял раннюю юность, в период сладостного застоя, когда никто и помыслить не мог, что советская власть обвалится, Крым благополучно отойдет Украине, а в Москве будут громить овощные базы на подхлест нашей издерганной фейсбучной ленте.

Был и еще один повод.

Однажды мы выполняли задание Бея: вспоминали прошлые жизни и важные события из них. Мехти-ага полагал, что свое прошлое каждый должен уметь собрать заново с выгодным для себя нынешнего раскладом, только для начала надо признать, что прошлого как такового не существует, и лишь после этого хорошенько изучить то, что мы все же считаем «своим прошлым». (Вот такой парадокс в духе моего учителя.)

Он разрешил нам, ученикам, принять любую удобную для нас позу, сам же расположился на коврике по-турецки в центре зала, контролируя «сторожевые пункты» нашего сознания, чтобы незамедлительно прийти на помощь, если потребуется.

Через какое-то время – точно сказать не могу: в «измененке» время не то, что здесь, – в мыльном галопе по циферблату я увидел свою переносицу, а потом и всего себя, лежащего на коврике в шавасане – «позе трупа». Было страшно, я понимал, что это не отражение в зеркале, с которым встречаюсь по несколько раз на дню, но знак высвободившейся из тела души, начало прощания с прошлым, своим прошлым, которое я должен преодолеть и вернуться назад обновленным.

Потом точно так же со стороны я увидел древний финикийский порт.

Давка, шум и брань... Легкий морской бриз. Йодистый запах. Шлепанье волн о деревянные сваи. Скрип кораблей. Я быстро нашел свой. Но кто – я? Неужели вот этот толстяк с золотыми и серебряными браслетами на запястьях, поднимающийся по трапу, похожий на Питера Устинова в фильме «Спартак»? Неужто это у меня обильно выступает пот на волосатой жирной груди, капает с крючковатого кривого носа на живот?.. Неужели это я пинаю ногой какого-то мальчишку, очень похожего на меня

же в пятом-шестом классе, обвиняя его в нерасторопности на языке, которого не знаю?

О, как он мне не нравился, этот шерстяной кабан с недостающим передним зубом! Как хотелось ему самому наподдать. А с какой ненавистью смотрели на него его рабы и вся корабельная команда, включая капитана!..

Отвращение к нему переполняло меня до того момента, пока не закончилась погрузка товара и он не скрылся под навесом в прохладу, а моряки не начали шестами отталкивать груженое судно от берега...

Звук тибетских медных тарелочек, в которые несколько раз ударил Бей, я пропустил. Из путешествия в прошлое вернулся последним из учеников. Когда все замки были сняты и я открыл глаза, Бей сидел на корточках, склонившись надо мною. Он силился разглядеть, прочесть на моем лице то, что я мог пропустить по невнимательности или с умыслом. (Я знал, что почти все ученики, сгорая от стыда, пытались утаить некоторые подробности своих путешествий в прежние жизни.)

– Что случилось? – Вид у него был озабоченный. – Где ты пропадал?

– Кажется, в Тире..

– (!..) Кем был?

– Купцом...

– Торговцем рабами?..

– И рабами тоже.

– Что делал?

– Готовил судно к отплытию.

– Куда?

– В Карфаген.

– Что тебе в торговце не понравилось?

– Все.

– А конкретнее?

– Мне не понравилось то, что он жирный, алчный, трусливый и его никто не любит. Он не герой, он отвратительная мерзкая скотина...

– Припечатал дядьку из нашего времени?! А по-твоему, все, как в кино, героями должны быть? Марло-Брандонами-Жан-Габенами? Прости его, он – твое первое воплощение. Могло быть и хуже.

Тогда своими коронными шуточками Бей поднял мне дух, разогнал душевную хмарь. Потом были и другие путешествия в поисках своих прошлых воплощений, но если те ушли глубоко в подсознание, где им и положено оставаться до случая, это почему-то барахталось на поверхности...

Не могу сказать, что я вспоминал о нем ежедневно, сгорая от жгучего стыда, но и поныне делаю все, чтобы не походить на финикийского купчину. Кроме того, мне страшно хотелось знать, добралось ли под завязку груженное товаром судно до пункта своего назначения. Кроме того, «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam»[1]. Неплохо было бы самому заглянуть в пунический темный колодец и спросить у веков, у камней, а не у Марка Порция Катона Старшего, почему именно «Карфаген должен быть разрушен кроме того»?

Проще было бы сказать: «Будь, что будет!» и кинуться укладывать чемоданы, но всегда ли следует полагаться на то, что проще всего в данную минуту?

Мы сидели с женой на кухне, пили чай с мятой и гоняли планшетное яблоко по Средиземноморью. Оказалось, «колыбель цивилизации» в ноябре уже не располагает тем «широким спектром туристических услуг», какие были заявлены ею еще с весны. Жена спросила:

– Ну что, не сдаем билеты? Рискнем?

[1] «Кроме того, Карфаген должен быть разрушен».

– Надо подумать.

– Что значит – «надо подумать»? Решай сейчас.

И посмотрела на меня взглядом из того прошлого, когда ведущим был я. Было когда-то такое время, и до сего момента мне казалось, что оно не оставило следов.

– Чему учил тебя в таких случаях Мехти-ага? Что подсказывает тебе твоя интуиция?

Как правило, после сдачи очередного номера журнала моя интуиция дремлет до следующего дедлайна. Что же касается моего учителя – странно, жена никогда всерьез не воспринимала мое «саньясинское прошлое», сейчас же, тревожно улыбаясь, ждала от меня ответа.

В случаях, когда дело касалось интуиции, Мехти-ага, помнится, предупреждал: для мозга создание иллюзий скорее правило, чем исключение. «Увидеть реальность такой, какая она есть, – все равно, что познать абсолютную истину. Все зависит от того, какая иллюзия держит тебя на плаву, и стоит ли ее менять».

Жене я этого, конечно, не сказал. Меньше всего хотелось сейчас поддаваться вообще каким-либо иллюзиям, однако и быть излишне рациональным тоже ни к чему. Зачем омрачать предстоящий недельный отпуск? И дело тут не в интуиции и не в иллюзии.

«В чем же тогда?» – спросил я себя и не смог ответить.

Отдавая должное спонтанной медитации и работе «по трем линиям в тонких мирах», я решил на всякий случай визуализировать образ моего учителя, уже два года как почившего в бозе. Приму необходимые меры предосторожности, сдвину «точку сборки» совсем чуть-чуть и спрошу у него совета. Мне даже послышался ответ из другой реальности:

– Приходи, потолкуем…

Куда это, интересно? На кладбище в Баку, что ли?

И только я это подумал, как сквозь прозрачные занавеси в мою московскую кухню проник слабенький солнечный луч, точно утешение в старости от круговерти земной.

Я поймал, втянул ноздрями заповедный запах коренастой абшеронской елки и прелой ноябрьской листвы, перебиваемый запахом бензина, услышал ангельскую перекличку сверчков под звук складывающихся автобусных дверей (гармошку меняли, поди, в прошлом тысячелетии) и, почувствовав легкое покачивание, уловил чей-то влажный скошенный взгляд-уголек...

За окном автобуса вместо ожидаемого пейзажа, продуваемого ветрами прошлого, пролетали, будто откадрированные нашим журнальным худредом, фотографии с ветрами из совсем другого времени; подрагивали в такт автобусу чьи-то спины с плохо привинченными головами, в разряженном, каком-то неземном воздухе парила, извиваясь, пущенная под самые хрящи автобусной крыши билетная лента… У кого-то в кармане, оборвав одну на всех дремотную мысль, приглушенно зазвонил мобильник. «Но тогда ведь не было мобильников. Вне дома – лишь телефонные автоматы за две копейки».

«Сейчас» и «тогда» потеряли значение, едва учитель мой возник с правого боку в тонах расплывшегося чайного пятна на кипенно-белой скатерти. Его появление было отмечено легонько дотронувшейся до моего лица теплой волной.

Что-то было не так... Поначалу я даже сильно напрягся и стиснул зубы, он был какой-то по-новому опасный, наш Мехти, но после, когда мое личное экспертное сообщество большинством голосов признало-таки голый череп на гладиаторской шее, густые моржовые усы, скрывающие губы (почему-то показалось, они пересохли и настоятельно требовали воды), волевой, лилового цвета, не пробиваемый в кулачных боях подбородок, я бросил ему:

– Салам тебе, Бей! – мы так его тоже называли. – Прости, что побеспокоил…

– Кто сказал, что собака не уступит корзины со щенками, если ее хорошо попросить?

И он поймал в автобусном воздухе парившую ленту, как ловят змееловы готовую ужалить библейскую тварь. Поглядел на нее, точно та предлагала немедленно сделать выбор в обход допотопной истории, хмыкнул, самодовольно улыбнулся, обнажив нечестные, должно быть, позаимствованные у вечности зубы, и, так ничего не сказав, не сославшись ни на одно уважительное обстоятельство, сошел с оторванным «счастливым билетиком» на следующей остановке в фиолетовое что-то, которое с известной долей натяжки можно было бы назвать либо маревом, либо предрассветной дымкой.

Мгновение – и я ненадолго теряю мастера из виду, он исчезает за каким-то полотном, прошитым золотистыми нитями, за которым, должно быть, скрывалось минувшее в неустановленном порядке.

Почему-то казалось, порядок тот представляет собой угрозу для меня – что-то источает, влечет в забвение, впрочем, для нас – «летчиков»-саньясинов – многие вещи становятся опасными, когда мы выходим на другую частоту существования и закрепляем «ползунок» в «точке сборки». Можно, конечно, и отказаться от астральных путешествий, но завороженный однажды вселенской тайной искатель вряд ли остановится, будет охотиться за нею во все дни своей мятежной жизни, прекрасно понимая, до чего могут довести его подобного рода изыскания.

Обнаружил я его вновь уже у себя на кухне, без предварительного стука костяшками пальцев обо что-либо, напоминавшее преграду меж здешним и «другим» миром.

Он сидел напротив в костюме и галстуке. (Странно было, что жена не заметила его появления – смотрела в окно сквозь него.) А еще было странным, что учитель заговорил со мной не своим, а моим голосом и сразу на двух языках – на русском и азербайджанском – о вещах, которые я давно отправил в кладовые личного опыта.

Не разжимая сухого рта, то и дело поправляя чайного цвета манжеты, расплющенные масонскими запонками, учитель «говорил» мне чайными же глазами, что наша внутренняя жизнь и наше поведение являются взаимодействием сознательных и бессознательных процессов, что они существуют постоянно в неком динамическом симбиозе, что, собственно говоря, это и привело к развитию сознания как такового, которое начало свою интенсивную работу много позднее на основе бессознательных структур мозга. Я понял так, что он намекал сейчас на «тональ» с «нагуалем»…

Всплыл образ старика индейца, сопровождаемый запахом мяты.

(Жена подливала чаю мне и себе.)

– И потому все, что мы осознаем, было уже когда-то в прошлом?

– Именно…

– Когда?

– Что когда? – вмешалась жена, обеспокоенная моими «мыслями вслух».

Я не смог ей ответить, чтобы не порвать ненароком тончайшую переговорную нить.

– Мехти-ага, – обратился я к своему учителю, будто это не он был сейчас передо мною, а кто-то другой, любил повторять: «Наш мозг знает больше, чем мы сами, возможно, поэтому наша сущность так мало значит для нас». Долго я не понимал смысла этих слов, как не понимал, например, что он имел в виду, когда говорил: «Те, кто продолжают считать, не способны видеть того, что видит сбившийся со счета».

– Никогда не делай из теории окончательных выводов, – снова он моим голосом. Что это, очередной прием?

– Выходит, невнимательность может обернуться новым знанием?

– А не говорил ли тебе случайно твой учитель, что тайна держит человека в этом мире? Лет тридцать назад ты не придавал этому большого значения, мечтал

всю свою жизнь отлить в текст, а теперь, когда птицы летают между могильными плитами родных и близких, когда нет больше меня среди вас, вдруг вспомнил и спрашиваешь «когда»?

– Мне не хватает тебя, мастер…

Мехти-ага поморщился, поднялся со стула:

– Ты же знаешь, учитель учит тому, чему хочет научиться у него ученик. Останови свою считалку. Бессознательное работает с настоящим, в результате чего сознание получает возможность путешествовать… Огигия, Огигия!.. Прекрасная Калипсо семь лет держала Одиссея, пытаясь добиться его любви. И потом, всегда лучше попробовать горячее, чем холодное.

Кажется, я правильно истолковал совет мастера.

– Едем! – сказал жене.

– Ты уверен? – моя решительность немало удивила ее. – Учти, вся ответственность ляжет на тебя, – предупредила она на всякий случай.

– Я уверен, что он уверен, – поддержал меня Бей и, положив обе руки на спинку стула, оттянул его на себя так, что задрались передние ножки. Но жена не услышала его слов, как не услышала ударившихся о пол ножек стула – «конец сеанса». – До встречи, баран!.. – своих учеников Бей частенько называл баранами: «Разбирайте коврики, бараны, начинаем работать!», – и никто не обижался.

– Теракты случаются не только в Тунисе, – успокоил я жену.

– Тебе решать. Иди, побрейся...

Я прибежал с работы за десять минут до заказанного нами такси.

По ошибке агентства их прибыло почему-то два. (Подумалось: «Вот и началось!.. Привет от учителя?!»)

Водители сами разобрались, кому нас везти, и через час с чем-то мы уже болтались без дела в аэропорту «Домодедово».

В магазине дьюти-фри у меня в кармане дзинькнула эсэмэска – коллега по журналу сбросил обещанные номер телефона и мейл последнего участника интервью, преуспевающего неонациста, отца-основателя и главного редактора популярного сайта «Час погрома». Затем уже в «Бургеркинге» мой айфон с HTC просыпáлся попеременно еще раз десять. Киевский кор написал: «Я – Эдуард, Эдик; Эд. Алекс – это герой моего репортажа)))». Пришлось извиниться, всегда путаю авторов с героями. В зале «В» отметилась «В контакте» девушка Эмма с ногами воздушной гимнастки (длинные сильные ноги были превосходнейшим приложением к ее круглому личику): «Приветик)) Как дела?» С ответом решил повременить: мне, в последнем браке не изменявшему жене, сразу же пришел на ум анекдот о чайной чашке с ручкой для левшей. Вслед за «мадам Бовари» одесский автор Илья Карпенко поинтересовался, публиковали ли мы в кулинарной рубрике рецепт гефилте фиш, у него есть способ приготовления – «пальчики оближешь», я, как человек восточный, должен его понять, тем более, что Василий уже сделал фотки в одесском ресторане «Роз марин»; лондонский кор, бывший сохнутовский гвардеец, просил уничтожить один вариант статьи и принять последний, ночной; «Автомир» советовал продать старый автомобиль и приобрести новенький «хендай солярис» с выгодой в пятьдесят тысяч рублей; Ассоциация еврейских организаций и общин Украины скинула статью «Безумье сильных требует надзора»; фирма «Потолки» в очередной раз предлагала заказать натяжной потолок и получить второй в подарок...

– Хватит уже, в конце-то концов!.. Отключай свои тренькалки!.. Все, ты недоступен... Отпуск начался... – обиделась жена, и тут объявили посадку.

Чартерный Боинг-737 оказался забит детьми и их подвыпившими родителями. Никто из российских туристов, направлявшихся в Тунис между осенью и зимой, не думал особо беспокоиться. Полагаю, о случившемся теракте, кроме нас с женой, никто из пассажиров не знал. Всеобщая бесшабашность вскоре передалась и нам.

Конечно, я бы сейчас вздремнул с часочек, накрывшись пледом, но с армейской поры не имею привычки спать в самолетах.

Пока машина набирает высоту, я люблю чем-то занять себя, листаю замусоленный глянец, который авиакомпании обычно кладут в карман на спинке кресла вместе с проспектами и прочей рекламной чепухой. А там, глядишь, и стюардесса-мисс-чего-там (шелковый платочек, завязанный на ковбойский манер – мы так завязывали пионерские галстуки), подойдет со своим волшебным коробом на колесиках, заботливо предложит соку или минеральной воды...

После набора высоты я предпочитаю возиться с текстами: со своими, если есть настроение, если нет – с текстами наших колумнистов. В дорогу я всегда тащу в рюкзаке эпловский планшет и самсунговский нетбук. Раньше казалось, на планшете особенно не разгонишься, к примеру, редактировать на нетбуке много проще, теперь вот пользуюсь исключительно планшетом, и в метро, и дома. В особенности после того, как мы с женой с промежутком менее получаса залили мой настольный ноутбук «Тошибу»: она – ореховым ликером, я – коньяком. Поздравляли по скайпу с Новым годом ее брата и его жену. Вышло – самих себя. Клавиши на компе теперь ходят липко-хрустко, напрочь забывая о существовании гласных, но зато продлевая согласные. Мои имя и фамилия, к примеру, звучат так: «йскмлкннн». Произнести их вряд ли у кого получится, да еще в сопровождении, похожем на хруст в шейном отделе позвоночника после тяжелого сна на казенной кровати. Но меня это устраивает, по-моему, ни у одного человека нет стольких имен, сколько у меня, я их, можно сказать, коллекционирую. Может быть, поэтому я все никак не найду времени отнести свою «Тошибу» в ремонт. Я бы и сейчас поработал на планшете, но дочь смотрит на нем в сто первый раз «Унесенных ветром». Когда я предложил ей для разнообразия посмотреть «Мост Ватерлоо» с той же Вивьен Ли, она ответила, что пока еще не готова. Я особо не настаивал, сколько раз сам пересматривал «Плату за страх» Анри-Жоржа Клюзо с Ивом Монтаном в главной роли.

Чем сосредоточенней становилось лицо дочери, тем больше она сама походила на Вивьен Ли. Такое глубокое погружение, по ходу которого меняются черты лица, обнаруживая типологическое сходство с главным героем, тоже было когда-то моим свойством. Свойством странным, меняющим самый состав моего «я», можно сказать, медиумическим, которому я долго сопротивлялся и подыскивал объяснения, придя позднее, не без помощи доктора Штайнера, к выводу, что сие есть характерная особенность недовоплощенных людей. (Даже эвритмией занимался под руководством фрау Ботмер, недолго, правда, пока она не вернулась к себе в Калифорнию.) Сейчас я отношусь к этому объяснению с мрачной улыбкой крутолобого философа. Греческого, разумеется, потому как сильно сомневаюсь, что Штайнер вообще умел улыбаться. А когда-то, помнится, мне льстило, что наша улица в один голос уверяла, что я-де похож на Джулиано Джеммо. Почему? Не знаю. Ни героическим складом характера, ни высоченным ростом, ни, как оказалось спустя четверть века, густой шевелюрой, разделенной боковым пробором, я на него не похож. Но то сейчас, а в те наши киношные годы отдаленное сходство вполне могло быть, неспроста же так говорила улица. Возможно, на каком-то из этапов пути я растерял то, что могло достаться мне с экрана и стать частью меня, моего образа, моей нынешней натуры. (Бей сказал бы – импрессы.) Жалко, конечно...

Я глянул на дочь и вспомнил нашу поездку в Испанию. Жене неправильно оформили визу, и мы прилетели в Аликанте вдвоем с дочерью. В первый же день я купил ей солнцезащитные очки в сетевом магазине «Але хоп», после чего мы предприняли пешую прогулку на другой конец Бенидорма. Дошли аж до отеля «Бали» и поднялись на смотровую площадку, с которой, казалось, видно было все побережье Коста-Бланки. А потом, когда мы спустились и пили кофе в кафе, позвонила жена из Москвы, сказала, что визу выправили и завтра она прилетит к нам. Какое же счастье

было услышать ее шаги в узком пространстве гостиничного коридора. Помню, как открыл дверь, выскочил навстречу, схватил чемодан.

Мне тогда показалось, что я понял, почему мне никто не нужен, кроме нее. Это было неозвученным своеобразным признанием в любви тертого жизнью мужика.

В тот же день мы покинули Бенидорм и уехали в Альтею. Мы пили сангрию, бродили по самому безмятежному городку в мире, по самым тихим улочкам на земле, которые, казалось, все заканчивались лестницами в небо.

Сначала, если быть точным, вели к храмам, а потом уж в небо. В одном из магазинчиков купили дочери полукеды от «Лакосты», о которых она мечтала в Москве. Вишневого цвета. Дочка тут же сделала сэлфи рядом с граффити Одри Хэпберн на кирпичной стене у автобусной остановки. После снова вернулись в Бенидорм, через некоторое время махнули на электричке в Аликанте, чтобы отметиться на вершине крепости Санта Барбара, потом нас встречала раскаленная майским солнцем Валенсия, местами напоминавшая Баку моего детства, особенно в районе Шелковой биржи, а потом...

«Потом?!»

Я стиснул двумя пальцами переносицу, когда понял, что никакое это не воспоминание. Поездка в Испанию, милостью Божьей, случится только на следующий год. И было неудобно перед женою и дочерью, что я так забежал вперед, так оторвался от них. Но что поделать, со мною, саньясином-писакой, подобного рода вещи случаются. Причем меня всегда поражала педантичная точность таких «воспоминаний». Хоть названия автобусных остановок сверяй. Иногда я предугадываю фильмы, которые будут показывать по телевизору только через две, а то и три недели – но только те фильмы, которые я уже видел, новые моя антенна почему-то не улавливает, иногда исход футбольных матчей. Удивительно, но эта способность, к слову сказать, отбирающая массу энергии, никогда не уберегала меня от обидных, непозволительных ошибок. Иногда даже кажется, что я совершал их умышленно, чтобы таким образом что-то кому-то доказать или принести жертву. Но даже если бы я их и не совершал, эти ошибки, совсем не уверен, что дар предвидения мог бы помочь мне на крутых виражах судьбы.

Я вспомнил – на сей раз это точно воспоминание, – как однажды услышал на городском пляже в Сочи голос (внутренний?! разве сообщения такого рода могут быть внутренними?): «Своим родителям родителем станешь ты». Расшифровывать смысл телеграммы-молнии, долетевшей ко мне из неведомых миров, долго не пришлось. Вскоре заболела мама и буквально через несколько месяцев ушла из жизни, а потом, проболев несколько лет, приказал долго жить и отец. Я потерял не просто родителей, наставников и заступников, но самых лучших, самых преданных из моих друзей. Возможно, мне не повезло родиться чистым евреем или чистым азербайджанцем, но зато с родителями мне точно повезло. С их уходом для меня закрылась целая эпоха, мир дал глубокую трещину. И многие вещи теперь смотрятся иначе. И сам я стал другим. Совсем другим. Прежний опыт мне теперь не помощник.

В таких случаях Бей говорил: «Человеку дано начинать жизнь сызнова три раза, – тут он непременно цитировал Ричарда Баха, – и каждый раз это полет сквозь стену, который мы еще не проходили».

Загорелось табло: мы вошли в зону повышенной турбулентности. Стюардесса в синей облегающей юбке и коротеньком кителе ходила вдоль рядов и проверяла, все ли пассажиры пристегнулись. А потом в салоне самолета погас основной свет.

На время все приутихли, натужно улыбаясь. Даже человек с выпуклыми глазами, налитыми водкой, начавший доставать всех еще при посадке в самолет, которого мы семейно окрестили Шреком, теперь сидел на удивление смирно. Уставившись в спинку кресла, он, казалось, вспоминал что-то важное из далекого прошлого, когда он еще не бухал так, как сейчас, и не говорил через каждую минуту «пардонте меня».

Сразу же после тряски самолет начал снижаться. Он словно перепрыгивал через ступеньки гигантской лестницы во мгле.

Включился свет.

Кто-то уже похлопывал себя по нагрудному карману, проверяя, на месте ли бумажник с паспортом, кто-то бросал в рот предусмотрительно заныканный леденец, кто-то просто сглатывал слюну, чтоб не закладывало уши.

Три тысячи километров, четыре часа лета, и вот мы увидели в темноте абсолютно черную липко-сиропную Африку. Кусочек обсидиана со сколами, напоминающий местами мою залитую ликером и коньяком «Тошибу».

Африка подрагивала слабыми огоньками, связанными тоненькими золотыми и серебряными нитями. Притягивала к себе с той древней силой, какой нет у Европы и Азии.

Выходило, в первый раз покинули мы родной материк. В голове крутилось что-то гумилёвское, жирафоподобное-озерно-чадное, замешанное на шестом чувстве...

Ночью добрались до отеля.

Где-то неподалеку за камнем и стеклом шумело море.

Трепетали под теплым ветром флаги отеля.

На нас надели пластиковые браслеты, и через полчаса, приписавшись к месту, мы поднялись к себе в номер на третий этаж.

В большой квадратной комнате стояли широкая кровать, видавший виды желтый диван и оттоманка возле вздрагивающего маленького холодильника. Все работало исправно – щелчок по носу блогерам. В сейф ничего не клали: чемоданы у нас были с кодовыми замками. К тому же, посмотрев на доброжелательную обслугу, както не хотелось верить тем, кто писал в отзывах о повсеместном воровстве. Единственное, чего в номере недоставало, это телевизора. Но, по правде сказать, оно и к лучшему: во всех отелях, где нам доводилось бывать, телевизоры ловили по два-три российских канала, возможно, администрации отелей хотелось потрафить нашему брату туристу, возможно, изменилось отношение к самой России, не буду гадать, однако, знаю точно – когда, полистав все каналы, мы останавливались на отечественных, от одного лишь взгляда на лица наших депутатов и дикторов новостных программ у меня неизменно начинало портиться настроение и расти чувство тревоги, неуверенности в завтрашнем дне, а если учесть еще то обстоятельство, что с переездом на новую квартиру и ремонтом мы нахватали долгов, меня можно было понять.

Переодевшись, мы поспешили на прилегавшую к отелю территорию и направились к морю мимо окон, за которыми отдыхающие неспешно потягивали коктейли «все включено», ловили бесплатный вай-фай, рапортовали Родине, что все идет своим чередом; мимо столиков, на которых масляные лампады мерцали далекими кострами кочевников; мимо сосредоточенно-хмурого берберийца в белой рубашке, медленно раскуривавшего кальян для двух айфонистых матрон из российской глубинки.

Дамы, из тех, что предпочитают посыпать настоящее и будущее стразиками, в сокрушительно легких, просвечивающихся платьицах явно намеревались склеиться этой ночью с кем-то из вновь прибывших, но мужчины неизменно оказывались обремененными женами и детьми, и незадавшаяся операция под кодовым названием «Любительницы наргиле» лишь усиливала их недовольство отдыхом в частности и жизнью вообще.

Поравнявшись с бассейном, мы остановились ненадолго: куда идти, в какую сторону?

Оставленные кем-то ядовито-синие вьетнамки отказывались служить нам навигатором.

Бирюзовая, подсвеченная снизу вода отдыхала от солнца и архимедовых положений, о чем свидетельствовали подсыхающие лужицы рядом с бассейном.

Прислушались...

Море шумело где-то рядом, в ста метрах, если не меньше. Пошли прямо по дорожке и не обманулись – через десяток шелестящих пальм вышли к берегу.

Небо и море были чернильного цвета, а звезды такие низкие, такие бесчеловечно правдивые, что без бедуинской подготовки смотреть на них было страшно, – не звезды, а какое-то предсказание роду человеческому. И все-таки я пересилил себя, задрал голову, выбрал первую же попавшуюся мерцающую хрустальную россыпь, нырнул в нее, и все обязательства оказались побоку, и голова кругом пошла от первого внезапного освобождения, и тут же подумалось, что на Востоке даже в ноябре для счастья немного нужно.

После мягкого приземления захотелось почувствовать, как расползается под ногами песок; я снял мокасины, носки, закатал брюки и вошел по щиколотку в воду.

«Все идет своим чередом», – передал я по своей внутренней беспроводной связи неизвестно кому и чего ради. Может, тому искателю, который заступит когда-нибудь на мое место?

– Холодная? – спросила жена.

– Пап, холодная? – повторила за нею дочь.

– В Красном море летом холоднее. – И вспомнил, как еще вчера автомобильный гуру «Эха Москвы» Сан Саныч Пикуленко советовал автомобилистам «переобуться» и заправить в бачок омывателя незамерзающей жидкости. (Вернемся, надо будет поменять колеса.)

Вышел из воды, и мы неспешно двинулись назад с уже переведенными стрелками часов с московского на тунисское время.

После ожидания в аэропорту, после самолета и автобуса страшно хотелось курить. Я отстал от своих, жадно закурил первую в Тунисе сигарету...

Одни и те же сигареты в Москве и Тунисе курились по-разному. Думаю, это не только из-за резкой смены климатических поясов, морского воздуха, просто в московских дебрях сигареты помогают мне отсекать очень важные вещи ради еще более важных вещей. Научившись этому сложному искусству, я теперь даже фильмы до конца не досматриваю, книги не дочитываю, из гостей бегу вперед остальных, случается, по ночам просыпаюсь и подолгу уснуть не могу, все боюсь упустить во сне какую-то очень важную информацию для себя. А здесь владения мастерством жертвоприношения, по всей вероятности, не требуется, здесь ты просто куришь и все.

И как только я так подумал и в очередной раз с кайфом глубоко затянулся, со стороны бассейна подлетела ко мне босоногая длинноволосая дева, лица которой я и разглядеть толком не успел, так, какое-то темное пятно с вздернутым носиком, обвила мою шею руками и накрыла горячим поцелуем.

Это был поцелуй мгновенный, не то чтобы пьяный, хотя от девушки и несло спиртным, но, несомненно, шальной какой-то и, возможно, с ловушкой.

Все, что я успел сделать в целях ее безопасности – это отставить руку с сигаретой, а в целях своей – посмотреть через ее голое плечо, не видят ли меня жена и дочь.

Они не видели...

Зато заметили две курильщицы кальяна.

Я еще не успел прийти в себя от жаркой и влажной печати на губах, рожденной в чувственном табачном полумраке, а айфонистки-кальянщицы уже зыркали так, будто я нарушил тайный обет и должен был поплатиться за это.

В ответ я глянул на них глазами своего дублера, находчивого и циничного малого, ничем не обремененного, моложе меня, как минимум, на четвертак.

Кальянщицы отвернулись в сторону бассейна и пальм.

Прояснилось все буквально через пару шагов. Бассарида юная вбежала в раскрытые стеклянные двери, из которых неслось горячее танцевальное «бум-бум», и я

увидел за вспыхивающими окнами дискотеки, как она, пританцовывая, поцеловала сначала одного, потом другого и понеслась к третьему, уже сокрытому от меня межоконным промежутком. Не было сомнений, что этим поцелуям девица вела счет.

«Так это было всего лишь игрою? – легло поверху предыдущих мыслей. – А ты что думал, старый пень? – спросил я себя. – Может, она поспорила со своим женихом на сто двадцать тысяч поцелуев?»

Жена с дочерью обернулись, я помахал им – сейчас догоню.

Мы еще в Москве условились из отеля не выходить, но, отдав должное морю, солнцу и тунисской кухне (в особенности блюдам из свежей рыбы и восточным сладостям), на третий день покинули-таки свое лежбище.

Втайне я хотел вырваться на Джербу, посмотреть одну из самых древних синагог, а еще очень хотел, чтобы мы съездили в Бизерту, место, где был спущен Андреевский флаг, это было бы поклоном отцу – мареману. Да и как без развалин Карфагена?!

На ресепшн договорились, что сначала нас повезут в тот самый взрывоопасный Сусс.

– Сегодня в Сусс, а послезавтра в столицу, в Тунис. Если группа наберется. Русские почему-то все норовят в Сахару. – Миловидная тунисская барышня, не ярко выраженная мусульманка, щебетавшая по-английски, точно героиня викторианского телесериала, нащелкала пухленьким пальчиком чей-то телефонный номер, поговорила недолго на местном наречии, после чего сообщила нам, что ровно через час прибудет наш провожатый (Камаль? Саид? Абдулла?.. не помню точно, как его звали) на своем «рено»…

Жена перевела мне ее слова, но я и так все понял.

– Можете быть спокойны, мадам, – обратилась она к жене, – это вполне надежный человек, у него большая семья. – И через какое-то время добавила: – Но все равно до сумерек неплохо бы вам вернуться в отель.

– Надо дать ему хорошие чаевые, – сказала жена, когда мы отправлялись в номер скоротать час. Она, видимо, по-своему связала тунисские сумерки с большой семьей водителя «рено».

Жена прилегла отдохнуть, дочь взялась просматривать этюды, которые начала делать в скетчбуке сразу же по приезду, ей предстояло сдать зачет в Краснопресненской художественной школе, я же отправился принять душ, потому что через полчаса, когда девчонки мои начнут одеваться, времени у меня уже не будет. Да и убедиться хотел под струями африканской воды, так ли уж нужен нам этот Сусс?

Едва вошел в ванную комнату, как тут же попалась на глаза женина баночка в окружении косметических башенок, на которой было написано белом по черному: «Syoss».

Вопрос отпал сам собой: «Кроме того, Бей ведет меня, несомненно, ведет… Ом!..»

Камаль-Саид-Абдулла не умолкал ни на секунду, его самодельный английский напоминал скрежет разбитого о бакинский асфальт подшипника на роликовом коньке. Он делал все сразу – рулил, курил, крутил четки...

– Смотрите, – восторженно, с детской наивностью указывал нам Камаль-Саид-Абдулла на пролетавшую мимо электричку, составленную из трех-четырех пыльных вагонов с разбитыми стеклами, – это наше метро!

– O-u, metro!.. – подыгрывали мы ему, дивясь замусоренным улицам и невыразительной архитектуре двух-трехэтажных зданий и частных магазинчиков, перестроенных из гаражей.

Впрочем, гид из него был, что надо: он честно сказал нам, что больше двух часов в Суссе делать нечего, довез до площади неподалеку от Медины и остался нас ждать.

– Медина, порт – и все… Будьте осторожны, на всякий случай – номер моего телефона, – и, улыбнувшись, протянул мне отксеренную визитку.

Мне показалось, я понял, чего мне так не хватало в википедийных справках о Тунисе, – случайных улыбок случайных людей.

Уже на подступах к Медине двое каких-то ребят околдовали нас совсем другими улыбками, предлагая задаром провести через лабиринты Старого города. Поскольку свой маршрут за неимением другого мы сменить не могли, архаровцы неслись впереди нас, расчищая нам дорогу и что-то выкрикивая на арабском. Подозреваю – оповещали торговцев о приближении последних в этом году беспечных московских туристов.

Я был занят пением муллы, которого не видел, но зато хорошо слышал, поэтому не сразу откликнулся на просьбу жены перевесить рюкзак со спины на грудь.

– Послушай, чего нам бояться?

– Послушай, сделай, как я говорю! – и после того, как я перевесил рюкзак, взяла меня под руку, а дочь крепче за руку.

Провожатые наши с дикими возгласами: «Мсье, мадам!.. Мсье, мадам!..» – водили нас из одного магазинчика в другой, словно распахивая невидимые двери в иные миры, каковых на той тесной улочке было не счесть.

Миры в сусской Медине все были параллельными, особо разнообразием не баловали – все те же кальяны, обереги с молитвой из Корана, глиняные лампады, специи, сладости, масла, изделия из верблюжьей кожи, золото неизвестно какой пробы, серебро, бирюза и кораллы, а еще тарелочки разных размеров, обшитые кожей, естественно, с Нотр-Дам де Тунис или с теми самыми верблюдами, которых я сначала видел в своих московских снах, а затем на пляже между Монастиром и Суссом.

Специально для таких, как мы, не умеющих и не желающих торговаться, считающих сие базарное искусство безобразным пережитком прошлого, висела табличка на одной из дверей – «Торг уместен. Торг – не сложное слово для Сусса», но даже родная кириллица не помогла, мы наскоро покинули Крепость, оставившую по себе довольно смешанное, по большей части неприятное чувство, усугубившееся траурной процессией, перегородившей нам дорогу неподалеку от старой мечети.

Наконец, до меня дошло, зачем пел мулла. И еще – почему я обратил на это внимание: википедийная справка умалчивала о том, что люди в Тунисе смертны, как везде, и, как везде, покойникам предстоит прорываться сквозь будничную маету с билетом, когда-то оторванным от ленты Кондуктора.

Кем был усопший при жизни? Мог ли рассчитывать на «счастливый билетик»? Далеко ли от рынка до кладбища? Неужто как от кладбища до рынка? Судя по процессии, по той деловитости, с какой восточные люди вталкивали носилки с покойником в распахнутые задние двери белого фургончика «пежо», – это так. Но ведь есть тут, наверное, и другие маршруты, в огиб кладбищенским, есть, наконец, море, бескрайнее, с небом породненное.

Оставшееся время мы посвятили неспешной прогулке вдоль порта. Местами он так походил на бакинский в районе Баилово, что я тут же распечатал новую пачку сигарет. А закурив, вспомнил, что так и не успел до отъезда сходить на кладбище к папе с мамой... Пообещал себе, что непременно сделаю это сразу после возвращения в Москву, и крикливые чайки записали между морем и небом мое обещание, взяв в свидетели маяк, корабли, краны, прибрежные валуны с ютюбными рыбаками.

Камаль-Саид-Абдулла не подвел, все то время, что мы бродили, этот почтенный араб ждал нас и тоже смотрел на море. Смотрел, наверное, иначе, чем мы, ведь это был кусок его моря и кусок его неба.

Кормили здесь совсем даже ничего, вот только кофе у них растворимый и чай в пакетиках. Зато много мяса, хорошего сыра, овощей, фруктов. Хлеб домашней выпечки. По утрам, когда мы едим, слышно, как поют птицы и шелестят пальмы. Впро-

чем, иногда птичье пение заглушает громогласное восклицание моего самолетного соседа Шрека: «Еханый бабай, до чего ж хорошо-то, а!..» Этим ритуальным трубным гласом, вызванным крайней степенью позитивного воздействия окружающей среды, Шрек отмечает шумное падение своего круглого тела в бассейн. Потревоженные «еханым бабаем» африканские птицы какое-то время молчат, но вскоре снова берутся за старое.

После завтрака бой принес в номер телевизор, небольшой интерактивный «грундик». Пока мои девчонки переодевались, я решил растолкать его, нацеливая плазменный тунисский глаз на отечественные новости.

Неухоженный казенный ландшафт накрывало знакомое чахлое небо. Оказывается, в России вчера была дождливая осень, и в небе снова жгли корабли.

«Русский марш» в Люблино.

Черные люди под черными зонтами…

Интересно, что они чувствуют, эти люди в черном, на самом деле, если способны, конечно, чувствовать, знают ли, что фантом, вызываемый ими, – это они сами и есть, что Гензерих уже идет на Москву и стучать в двери не будет, или это просто забава у них такая национальная, заложенная в генах с незапамятных времен? «Наши – не наши!», «Общий суп», «Детские парады»…

– Выключи его, Боги ради, – морщится жена. – А ты помнишь, как мы катались с тобой на фашистской лодке в Кузьминках?

Конечно, помню. Это было в 1998 году. Мы тогда только вернулись из Крыма, отдыхали у маминой подруги, и те двенадцать дней, что провели у нее в Алуште, можно было назвать «медовым месяцем», не в количестве же дней дело. Мы так сроднились с морем, что в первые же московские выходные отправились в ближайший парк, поближе к какой никакой, а все ж воде.

Жена увидела лодки на берегу и захотела покататься. Я пошел узнать, кому они принадлежат. Чета велосипедистов, которую я остановил у конных лепешек, оставленных беззаботным милицейским патрулем, сказала, что мне надо забраться на холм, расположенный на противоположном берегу: «Там, на холме, и обитают хозяева лодок. Только будьте осторожней, они странные какие-то…»

Восхождение оказалось совсем нетрудным, и вскоре я уже топтался на огороженной территории. Во дворе заметил несколько макивар. Они были вкопаны в землю так же, как и макивары во дворике Бея в Баку, и так же умело оплетены сверху. Мне даже на мгновение показалось, что я угодил в гнездо здешних «искателей». Я ошибся.

Два коловрата: большой – на стене домика и маленький – на двери, подсказали мне, куда я попал.

Разгоряченный хозяин с дымчатым татуированным торсом и забитым дыханием (кажется, я оторвал его от «железной» тренировки) встретил меня на пороге. Зачем-то прикидывая, в какой весовой категории мой визави, я спросил, могу ли покататься на лодке и сколько будет стоить все это удовольствие. «Не вопрос, пожалуйста. – Просто сама любезность. – Сколько дадите, столько и будет стоить. Вон та лодка вас устроит?»

Он заикался, этот первый встреченный мною «коловратник». Но водянистые глаза его как-то опасно поблескивали, как глаза людей, фанатично преданных какой-нибудь бестолковой громоздкой идее, когда они случайно встречают своих потенциальных оппонентов. Я, помнится, тогда еще подумал, что у всего мистического, оккультного в этом мире две стороны, две дороги, что прошлое подвижно, оно перетекает из матрицы в матрицу в зависимости от настоящего, от заданного направления мыслей, от усердия одного человека или группы людей; что ложь, в отличие от правды, – сложнейший из механизмов, работа которого, в свою очередь, связана с петлями вокруг мифа, из которого все мы родом.

Жене я не хотел ничего говорить. Мы просто катались на лодке, просто смотрели на уток и лебедей. Просто трогали пальцем кувшинки. И жизнь скользила просто, потому что когда-то на каком-то участке бытования разогналась.

– На сколько ты взял лодку? – томно спросила жена, рукою касаясь воды и отстраненно следя за двумя расходящимися линиями.

– На сорок минут.

– А ты успеешь вернуться назад? – мы как раз подплывали к небольшому островку, который сторожила неразлучная пара лебедей.

– Не знаю. Ну, доплатим в крайнем случае.

И тут дернуло меня все рассказать.

– Как же так? – недоумевала жена. – Повсюду люди, дети…

– И конная милиция… – зачем-то добавил я.

– Зачем ты взял эту лодку?

– А у меня был выбор?

– Я не буду больше кататься.

– Поплыли назад?

– Поплыли назад.

Назад, в край нибелунгов, я греб взапуски что было силы и никогда не чувствовал себя так полуевреем, как в тот момент, на идеальной зеркальной глади голицынского пруда.

После этого случая я купил несколько серьезных книг об истории фашизма, но читать их так и не стал. Предпочел защититься «Облаком, озером, башней» и «Приглашением на казнь».

Вчера мне снилось, как я, сидя на коврике, делаю тройное намасте и поклон мастеру. Лица мастера я так и не разглядел; это мог быть отец, мог быть и Мехти-ага. Особого значения этому сну я не придал.

Какие бы сны я ни видел, сколько бы часов ни спал и где бы ни находился, каждое утро я начинаю с «пяти тибетцев». Иногда добавляю к ним комплекс упражнений «Сурья намаскар», прохожу в двенадцати асанах «солнечный круг». Только после «тибетцев» и «поклонения солнцу» принимаю контрастный душ, завтракаю омлетом и чашкой кофе, несусь в журнал.

В Тунисе я работаю, где придется, чаще всего на пляже. С лежаками, полотенцами и бабочками – нет проблем. Мы ложимся втроем у самой кромки моря. Жена и дочь читают, я работаю. На себя или на журнал. Когда работаю на себя, просто часами смотрю на море, когда на журнал – правлю расшифровку, пробую досочинить врез и комментарий. Если мне позарез нужен вай-фай, иду в кафе, тут же на берегу, неподалеку.

Прибой выносит из моря и обкатывает тысячи травяных шариков. Я ищу самый большой, величиной с теннисный мячик, чтобы потом «жонглировать» им в кафе – перекидывать из руки в руку. (Для поиска нужных слов самое то.) Пью кофе с сильным привкусом шоколада и разбавленный тоником джин. Джин – это единственный напиток, который тут можно употреблять, все, что джином не является, напоминает нечто среднее между чимирухой времен моей службы в ВВС и жидкостью для мытья посуды. Во всяком случае, от большинства коктейлей пахнет так же, как от нашей еврейской автомойки в Марьиной роще.

Пишу я от руки фаберовским карандашом в яснополянском блокноте или на оборотной стороне пригласительных карточек, оставшихся у меня после Песаха. На тоненьком финском картоне очень удобно писать и стирать ластиком. Моим почерком получается ровно семьсот знаков с пробелами. Карточка – врез. Полкарточки – коммент.

Еще в Москве я успел связаться с тремя моими собеседниками и взять у них интервью по телефону. Первый, с кем мне удалось поговорить, был директор одного

влиятельного аналитического центра с птичьим названием. Сравнивать бирюлевские события с историческими еврейскими погромами он не решился, но на мой вопрос, пора ли бояться евреям, ответил, понимающе хмыкнув: «Вероятно, уже пора, хотя страсти пока направлены не на них». Вторым по списку шел известный журналист, телеведущий и общественный деятель. Человек с «гибким позвоночником» (он сам о себе сказал так на «Эхе») высказался, что власть не нашла золотой середины, что она видит своих оппонентов в людях с Болотной, но не в людях из Бирюлева. Под номером три отстрелялась видный культурософ, специалист по вопросам транскультурации. Ее скрупулезное, на девятьсот страниц исследование постсоветской литературы когда-то наделало много шума, правда, больше там, чем здесь. Она вообще больше известна у них, чем у нас, в результате чего последние свои книги пишет исключительно на английском языке. «...За новомодными разговорами о провокационной политике иммиграции, ассимиляции и толерантности, – задал я ей направление, – стало ясно, насколько ускорилось наше движение от империи к провинции без моря и солнца. В чем отличие сегодняшней России от других бывших империй?» Она дала волю чувствам – объем превысила втрое. По содержанию – почти Зонтаг. Что теперь делать, не знаю. Сокращать – обидно и перед человеком неудобно. Буду просить добавочную полосу. Рабочее название материала: «От империи к провинции без моря и солнца». Думаю – не прокатит. Тут название должно быть, как кулак председателя колхоза, пахнущий черноземом и соляркой. Врез пока что тоже рассыпается: «Выступления на межэтнической почве в Бирюлеве, поводом к которым послужило произошедшее 10 октября убийство москвича Егора Щербакова, народ в Сети упорно называет «бирюлевским погромом». В отличие от «добрых» юристов, оценивающих происшедшее как обычное хулиганство, народ суров, но к истине, похоже, близок. Что знали мы раньше, нарезая полезные салаты, об овощебазах – «постоянных источниках напряженности», об отрядах «самообороны и возмездия»...» Справа от обрыва пишу: «Когда институциональные возможности исчерпаны... Дорога вниз имеет одну остановку... От нормальной рефлексии к мифологии... Раскол общества... Счастливые больные люди... Соперничество двух кланов – Баркидов и Сципионов/битва при Каннах...» (Последняя пометка – для себя, для моря...)

Пока в моем еврейском журнале идут холодные московские дожди, я связался и с Домиником Дагером – четвертым участником, чьи контакты получил перед самым вылетом. Доминик Дагер – это его ник, пен-нейм, возможно – альтер эго... Как на самом деле зовут этого процветающего неонациста, не знаю, да мне это и ни к чему, хотя человек он, судя по всему, отнюдь не простой, и можно было бы поинтересоваться. Доминик предложил мне прислать вопросы по почте. Ответить обещал в течение трех-четырех дней. Если так – время еще есть, успею.

Я увидел анфас человека, которому принадлежал влажный чернющий глаз из моего московского полувидения. По прошлой жизни человек этот не был мне знаком. Могу положиться полностью на свою память. Я точно ни у кого не видел такую аккуратно выбритую бородку-струйку под нижней губой: гид походил скорее на итальянца, чем на тунисца. Этакий молодой профессор левых взглядов из вольнолюбивого Болонского университета. В дополнение к римскому праву тип этот, несомненно, изучал еще и риторику.

Психика, как у восточного человека, подвижная чрезвычайно, о чем свидетельствуют его неспокойные глаза. Миф о зарождении Карфагена (он называет его Картажем) рассказывает в лицах на убийственном русском, который, тем не менее, понятен его носителям. Крутится в кресле: то лицом к дороге повернется, то к нам.

Он прав, рассказывать о Тунисе нужно в летящем автобусе, на развалинах Картажа не до того будет.

Он говорит, что Карфаген – это Европа, Азия и Африка одновременно. Теперь я понимаю, почему так плохо сплю в номере, оказывается, дело вовсе не в холо-

дильнике, вздрагивающем через каждые пятнадцать минут и обретающем при каждом вздрагивании мощь тридцати восьми Ганнибаловых слонов.

– Тофет – есть место, где жертвы много приносить, в том числе человеческий, и поэтому ученые называть его в научной литературе – святилище Тиннит, еще называть тофетом Саламбо...

Мне, фану Флобера, следовало бы подумать заранее, закачать в планшет «Саламбо», сейчас бы на Атласский хребет по-другому смотрел и по-другому гида слушал.

На нем какая-то полуармейская шляпа-панама с дырочками, то ли купленная за гроши на барахолке, то ли в дорогом бутике за сумасшедшие деньги, жеваный шарф дважды обмотан вокруг поднятого воротника затертой куртки-«пилот».

– Судьба Карфаген не быть на магистральном направлении нашего исторического знанья. Мы все получать воспитание в европейской традиции, потому есть наша привычка всегда отождествлять древность с Египтом, Римом, Грецией, Иудей, и это не есть совсем правильно!.. Карфаген быль основан за семьдесят лет до Рима и за пятьдесят лет до начала Троянской войны...

Проверить нельзя, но что такое пятьдесят лет, я знаю, мне уже полтинник с хвостиком. Сколько надо взять по пятьдесят, чтобы запустить руку в жирные оливки, которыми собирался потчевать сенаторов Катон – заносчивое дитя Рима, зачинщик Третьей Пунической?

Оказывается, Катон побывал в Карфагене в составе римского посольства. Ожидал обнаружить признаки упадка, а увидел город-рай.

– Карфаген вновь представлять большой опасность для Рима. – Голос его дребезжит: – Катон думать, как ему убедить сенат, чтобы начать третий войн. Он высыплет перед сенаторами жирный оливки и, если они не понимать его, будет сказать прямо: «Земля, где они растут, расположена всего в трех днях морского перехода». (Неужто и гид подкинут мне Беем?)

Похоже, Катон, подгоняемый предсказаниями авгуров, достал-таки сенат.

– В 146 году до нашей эр город быль сожжен и быль срыт, а его граждане быль убит или продан в рабство. – После чего выдает на чистом русском: – Так погиб Карфаген! И превратился в руины, в землю, засеянную солью.

Птицы поют, как весной в Москве, по команде свыше умолкают и снова поют.

Бугенвиллея вся в цвету. (Цвета на любой вкус.) Пальмы, олеандры, розы... Виллы состоятельных людей дремлют за заборами из ноздреватого песчаника.

Сады застыли. Воздух неподвижен.

А вот и руины былого величия... Все рядом, и все смешалось... И над всем этим замесом президентский дворец. Хорошее местечко отхватил себе тунисский лидер.

– Для туристов в Карфаген есть наиболее интересен Археологический парк терм Антонина Пия, который расположен между береговой линий и дорог на Сидибу-Саид, куда мы через полчаса с вами направляться. Но сначала будем заехать в Национальный музей Карфагена.

Что можно успеть за полчаса, чудак-человек? И куда все-таки мы раньше поедем?

Обычно на развалинах полчаса я только ищу необходимое мне место. Чтобы «просканировать» его, мне нужно еще хотя бы минут десять-пятнадцать. Больше не выдержать, да и возможности такой никогда не бывает. Я вообще медитирую недолго, по приезде в Москву осмысливаю приобретенный опыт и лишь после этого бережно укладываю его в «тональ».

Гид еще что-то говорил, но мне изрядно надоели приступы его конвульсий, его «быль» и «есть» и, видно, не мне одному, потому как группа наша разлетелась, стоило нам спуститься к развалинам. Одни принялись щелкать президентский дворец на высоком холме, другие – сквозь траву-муравy мрамор и мозаику, поверженные

здания, устремленные к небу обезглавленные колонны...

А небо над Карфагеном было в этот момент таким, словно его специально для нас доставили сюда из Москвы. Сквозь разрывы туч проглядывали яркие лучи солнца, и в местах, куда они падали, море слепило глаз чешуей.

Если оно и отступило от берега за прошедшие столетия, то совсем немного.

Море было рядом, и оно было действующим: по нему плыли – или, как сказал бы мой отец, «ходили» – суда, и как только я заменил их совершенные современные очертания на приблизительные пунические, не составило труда догадаться, почему этот город построили именно здесь, на этом месте, почему тот финикийский купец, мое первое воплощение, плыл именно сюда, почему Карфаген уничтожили, а затем возвели снова. Подумалось вдогонку, что развалины, по которым мы слоняемся, напоминают то ли лабиринт, то ли кусок сакрального текста, от которого осталась одна буква.

Никогда бы не подумал, что одна-единственная буква может помочь мне соединить временной разрыв в тысячи лет, что комментарий к бирюлевским событиям придет сверху сам собой, без каких-либо заметных усилий с моей стороны: «Проблему Бирюлева не решить облавами на гастарбайтеров и закрытием овощебаз. Все прекрасно понимают, что это проблема не столько этнокультурная, сколько социальная, экономическая, политическая. Чиновники и правоохранительные структуры боятся не столько погромщиков и оппозиционеров с Болотной, сколько внутренних разборок, их разоблачающих, а власть – событий, похожих на август 1991 года, а потому благоразумно усиливает борьбу с картошкой, капустой и прочими овощами. Самое главное – не превратиться нам в один большой овощ – очередной Хрустальной ночью могут не разобрать, кто танцует лезгинку, а кто – семь сорок».

Я оглядываюсь вокруг, пробую представить себе, как карфагеняне танцевали тут свою лезгинку. Меня сбивает гид: «А вот там быль публичный дом!» И, почувствовав, что не произвел должного впечатления, добавляет: «Публичный дом для состоятельных людей».

Несколько наших туристов лениво потянулись к тому, что называлось «публичным домом», – наверняка удостовериться в состоятельности когдатошних завсегдатаев заведения.

Древний дом терпимости находился прямо под резиденцией президента Туниса, и я не мог не вспомнить, что один из знаменитых борделей Баку, которым командовала в начале 80-х прошлого века бандерша Эльза, тоже располагался неподалеку от Дома правительства. Странное дело, кто к кому веками тянется?

Меня заинтересовали несколько разбитых камней с латинскими надписями. Подумал, неплохо было бы их «просканировать», не то чтобы они прямо-таки с небес упали, но все-таки... Я ошибся, ничего интересного. Естественно, в сравнении с тем, что эти камни окружало, что было под ними.

Не будучи уверенным, что фотографии получатся, я, тем не менее, принялся снимать дочь на планшет и два смартфона. Большого настроения позировать у нее не было, но я все же запечатлел ее на фоне осколков древней цивилизации.

У дочери была прическа, как у Вивьен Ли в фильме «Унесенные ветром», и она улыбалась мне, как Вивьен Ли Кларку Гейблу. Заслуживал ли я, сумасшедший папашка, такой улыбки?

Кинематограф был для нее той же школой, что и для меня. Как и я, она могла смотреть один и тот же фильм столько раз, сколько потребуется, чтобы стать полноценной участницей происходящих на экране событий. Отдаленность их во времени не смущала ее так же, как и меня когда-то. Интересно, чувствует ли она сейчас то же, что и я, среди этих камней? Я спросил ее об этом.

– Папа, мне надоели твои развалины! Мы только их везде и смотрим. В Израиле, в Турции, в Греции, в Тунисе – тоже... Папа, что ты ищешь среди этих камней?

Я молчал...

Хотел сказать, что, возможно, ищу себя, но подумал, что все-таки не смогу ей этого объяснить.

И тут вдруг она совсем как взрослая, с материнскими интонациями:

– Жить надо нашим временем, настоящим... – подошла ко мне, почти вырвала из моих рук планшет. – Иди туда, я тебя сфоткаю…

– Только не на фоне публичного дома...

– Я понимаю... Может, тогда на фоне президентского дворца?

– Нет, на фоне президентского дворца тоже не стоит.

Она поставила меня так, чтобы самая высокая колонна и развалины были видны за моей спиной, и сфотографировала. Показала мне.

Сквозь щелки прикрытых глаз на меня глядел какой-то многосоставной персонаж из сиринских рассказов, наполовину европеец, наполовину азиат, господин с кучей прививок от всего возможного и невозможного, закоренелый борец с гордыней и меланхолией. Кто кого в итоге свалит – на фотографии было не разобрать.

– Это ты, – сказала дочь.

– Да я уж понял, – ответил я, принимая из ее рук планшет.

Она убежала к матери, звавшей нас посмотреть на отмененную временем вертикаль – трехчастный кусок мраморной колонны, лежавший на земле.

Возможно, дочь права. Очень может быть, что права. Вся моя жизнь, погоня за символами-знаками, за сутью вещей, наконец за истиной – все чушь, если я пропустил главное – саму жизнь, если так и не научился радоваться каждому дарованному мне свыше дню. И если бы это обстоятельство не касалось меня лично, не было бы так близко от края моего существования, я бы объехал этот предсказуемый и банальный вывод с закрытыми глазами, как объезжал сотни таких выводов. Обидно, коли так, ведь для того, чтобы перестроиться, начать жить наново, без помарок, тоже нужны время и силы.

Я с надеждой посмотрел вдаль – приплыло ли то торговое судно из Тира, где могло оно причалить? Возможных мест много было, вот только прошлое оставалось прошлым, настоящее – настоящим, а Карфаген – тем, что от него осталось.

Ом, дорогая мама, Ом!..

По узенькой прохладной и пахучей тропке, обсаженной по краям дикими масленичными деревцами, мы вышли к Национальному музею Карфагена.

Жестом легата времен золотого Голливуда гид останавливает нас у раскопок поздних культурных слоев, у расколотого черного портика.

Словно не замечая, что мы стоим под палящими лучами солнца, он предлагает нам сорвать с деревьев или поднять с земли по маслине.

Дочь сорвала три маслины. Протянула сначала жене, потом мне.

– Потрите хорошенько в ладонях, чтобы сок вышел. – Гид перестал коверкать русский язык, но мой дублер никак не отреагировал на это. – Подставьте их светилу. (Он так и сказал – «светилу», хорошо еще, что не «ярилу».) Подержите некоторое время ладонями вверх. Вот так вот, – показал, как именно. – После чего поднесите к лицу, своему, а не соседа, – шутник, подыгрывающий низкому интеллектуальному уровню туристических групп? – и прислушайтесь внимательно к запаху. У каждого свой, правда?..

Группа восторженно согласилась с ним.

– И в то же время это запах земли и солнца. Этой земли и этого солнца. Я бы хотел, чтобы вы запомнили его. Вам пригодится.

– Зачем? – спросил мой дублер поперек меня.

– Узнаете позже, – сказал он так, будто объявил следующую остановку в московском метро.

Все напряглись.

Интересно, еще кто-нибудь заметил, что гид тренькает так, словно все лихие 90-е прокуковал в российских котельных, деля вахты с голодной интеллигенцией и чуткими к утечке газа кошками.

Насладившись всеобщим замешательством, он, переходя на фальцет, воскликнул:

– Ну, а теперь айда в музей!

«Айда?!..» Значит, и Вознесенского читал, чмурик?!

Табличка на тоненькой металлической ножке оповестила нас на нескольких языках – в том числе и на русском, – что мозаики и статуи, саркофаги и фрагменты архитектуры будут иллюстрировать доисторический, карфагенский, римский, христианский и исламский периоды.

В первую очередь меня, конечно, интересовали доисторический и карфагенский. Артефакты, подтверждающие существование Элиссы, старшей сестры тирского царя Пигмалиона, по преданиям основательницы Карфагена, союз с этрусками, открытие Америки задолго до Колумба; ну и, конечно, монеты с конской головой и знаменитая статуэтка богини Тиннит, один из символов финикийской цивилизации.

– Как я говорил, – наш гид поморщился и снова перешел на берберский русский, – быль в религий Карфаген жуткий особенность – жертвоприношение детей-первенцев. В плохой годы это считалось верный способ вернуть милость богов. – И вновь два глоточка ионизированного русского: – При раскопках 1921 года археологами было обнаружено несколько рядов урн, наполненных обугленными останками детей. На стелах, под которыми располагалось захоронение, – он нарисовал нечто кружевное пальцем над головой, чуть не смахнув в порыве вдохновения свою шляпу, – были высечены просьбы, сопровождавшие ту или иную церемонию жертвоприношения.

Гид указал нам на центральный вход в музей, возле которого мы топтались по его милости на солнцепеке, как если бы его указательный палец и рука были отчеканены на сверкающей, совершенно новой, но при этом древней монете.

Несмотря на то, что в музее вовсю шла реконструкция и не все залы были доступны посетителям, меня вновь не покидало чувство, что и здесь я уже бывал, даже в тех залах, в которые нас не пускали. (Может, в Сети?) Вместе с тем я также чувствовал, что уже через год не вспомню ни одну мозаику, ни один бюст, ни одну фреску, чтобы это «здесь бывал» в полном объеме перешло от меня к другому искателю. Интересно все-таки, как в памяти нашей выстраивается будущее, к которому мы так стремимся и которого не замечаем, едва оно оседает в нас после очередного жертвоприношения.

Римский период был представлен обширнее, значительней доисторического и карфагенского. И дело даже не в том, что это были более поздние культурные слои. Просто в отличие от своих недальновидных предков эти люди лучше понимали, что они лишь гости в бренном мире, что каждый отпущенный свыше день тут, в провинции у моря, – сначала им самим и уже после – метрополии и потомкам. Ну, а коли так, разве можно уйти от соблазна сделать свое житье-бытье настолько комфортным и улыбчиво-светоносным, насколько это возможно, а за комфорт и удовлетворенность жизнью, ясное дело, расплачиваются не только монетой и расстройством желудка.

Плутарх писал, что карфагеняне не знали радостей жизни, были неблагодарны и чрезмерно грубо с ней обходились, зато римляне знали их хорошо и обходились ласково. И благодаря этому их знанию, свойства, определившие путь империи, а в дальнейшем и всего человечества, оказываются распознанными посетителями музеев.

– Они были людьми солярными. И, может статься, от их ладоней исходил тот же запах, что и от ваших, хотя дело тут не только в здешних маслинах, – включился гид.

А я о другом подумал сейчас – о матрицах, в которые мы заключены волею судеб, о том, что, по сути своей, набор их неизменен с зарождения человечества, что подвижность той или иной матрицы зависит от сотрясений эфира и гибкости отражающих мир понятий. И музеи – не столько хранители этих самых понятий, сколько оценщики их гибкости.

С каким удовольствием воспользовались бы гибкие «солярные» человечки нашими социальными сетями. Как украшали бы свои посты всеми этими черепахами, тушканчиками, веселыми дельфинами, окруженными стайками суетливых рыб, пожухлым садиком за окном (практически – «садок вишнэвый коло хаты») – всем, что было для них вовремя скрепленным с богами договором и просто удачным стечением обстоятельств.

«Тит Лукреций привет тебе шлет...»

Кому? Опять Постуму, что ли? Может, Плинию Младшему? Да нет. Вот хотя бы той густогривой, ляжистой патрицианке с «низкой посадкой», уверенной, что половой акт всегда предпочтительнее воздержания, а рождение – лишь конец коитуса. Если она чего-то боится, вместе со своим гипотетическим Титом, который к тому же еще и Лукреций, так это только всеобъемлющих замещений непонятного ей нового бога, пришедшего с еврейского Востока, и потери своего статуса. Явления содеянного мало заботят ее в это конкретное мгновение, да и вообще. Так и чувствуется напряжение плоти, на какое место ни взгляни, так и слышится крепкий запах источаемых ею эссенций. Вполне бы могла составить компашку «любительницам наргиле» и многому их научить. Вот еще одна местная аутисточка с бесприютными грустными глазами, какие бывают у тех, кто в совершенстве освоил науку прилюдного уединения. Между прочим, неплохо бы смотрелась в московской «Шоколаднице», посади я ей отсюда солнцезащитные очки на нос или утверди на покатом лбу. А вот матрона – «ах!» – эпохи императора Августа и вправду хороша, чертовка, очки ей ни к чему, покладиста и улыбается так, словно хочет, чтобы я запомнил эту ее улыбку, «порожденную созерцанием собственного счастья», и выраженье ланьих глаз. Она из прошлого или из будущего? (Какая разница – Овидий уже пишет продолжение легенды и публикует на сайте нашего журнала. Евреи в восторге, даже харедим рукоплещут.) А вот дружок ее по столетию, по белой стеночке сосед, многовековой выдержки хам, писавший наветы на Апулея, мало того что клеветник, еще и клинический идиот, которому не в помощь ни прекрасное образование, ни ворожба, ни лечебное зелье, ни превращенный в осла рассказчик. (Подобного рода клеветничество и доносительство у нас в большой чести. Тит подтвердит. Правда, Тит? Заказчиков – хоть отбавляй, исполнителей тоже.) Вот раб – дурак почетный, увитый кудельками мизантроп, полезный лишь затем, что хозяин его любит выставить напоказ себя и свою дражайшую с душою, сокрытой в ямочке на розовой щечке. А до этого уголка суденышко дотянуло из времени, где «нынче ветрено и волны с перехлестом». Надпись деликатная под волнами, должно быть, о том, о чем Бог забыл и вспомнит с рассветом. Не стоит вдаваться в подробности: то птичье обещание на полях.

А вдруг я ошибаюсь, вдруг там написано что-то важное, к примеру:

«Никто не возвращается из путешествий таким, каким был раньше»...

Можно, конечно, спросить музейного работника, пожилую сердобольную жрицу Кибелы в тусклых жемчугах, прикорнувшую с газеткой в руке вместо веера под бухим Бахусом, но разве я не знаю, что все ответы во мне.

Задержавшись на лестничном марше подле большой мраморной головы дочери Марка Аврелия, своенравный подбородок которой исследовал мультяшный паучок, и отсняв дочь самого уважаемого мною императора на два смартфона, я поднялся в зал на второй этаж.

За экспонировавшимися драгоценностями я увидел его.

Вернее, поначалу у меня были некоторые сомнения, что это он.

Персонаж из «Тысяча и одной ночи», магрибский дядюшка из «Волшебной лампы Алладина»... В черном облачении до пят. «Кино, кино!..» – как говаривали мы когда-то в юности. Никаких усов «а ля» Гурджиев. Загар на лице явно не пляжно-волейбольный, а с тем розовато-красным оттенком, какой получается только на участках дачного товарищества километрах в ста от Москвы.

Он поглядывал по сторонам. Ему важно было знать, какое впечатление он производит на окружающих. Драгоценности мало интересовали его. Арабскую сказку он, похоже, знал наизусть и начать мог с любого места. Об этом говорили его глаза. Обычно саньясинов я узнаю по глазам. Но это не были глаза проводника в иные миры. Впрочем, сильные мастера-саньясины предпочитают пользоваться десятком глаз, они меняют их цвет и глубину, да что там глаза, у них десятки имен, из которых ни одно не есть подлинное, с которым прощается он, покидая сей мир. Это позволяет учителям оставаться как бы безымянными: «Мудрый не оставляет следов на земле, мудрый незаметен, как ямка в скале». К тому же они не знают, что такое постоянное место жительства. Мехти-ага говорил: «Если вы встретите меня в Баку, Москве или Пекине, неважно, где, это еще не значит, что вы видите именно меня». Если так, почему невозможно обратное – я вижу не его, а это он? Что с того, что у него загар финно-угорский, а глаза – американца-миллионера, прикинувшегося «волшебником из Магриба»? Он это, он!.. После того, как Мехти-ага покинул наш мир, он, наверное, еще не такому там научился.

Вставши на место, где только что рассматривал ювелирку пунических времен фальшивый магрибчанин, скрывшийся в другом зале, как за Геркулесовыми столбами, я прочел (или мне показалось, что прочел) на стекле поверх своего отражения и отражения жены и дочери оставленное мне – в том не было сомнений – сообщение: «Все так переплетено, что иногда не кинематограф следует за жизнью, а жизнь за ним. И потом, всегда лучше попробовать горячее, чем холодное».

Я оглянулся по сторонам в поисках автора послания и стрекочущей камеры, чтобы убедиться, я ли в их прицеле, со мною ли одним играют они в «вечную вечность»? Насколько размыты границы между реальностью и кино, насколько условно мое «здесь и сейчас»?

Автор отсутствовал, а вместо предполагаемой камеры – фрески...

Это они «затягивали меня в вечность» и не давали ходу привычному «новому», искали какой-то давний случай из моей жизни, который то ли вызвал роковой обвал судьбы, то ли может вызвать в любую минуту. И тогда место мне обеспечено на любой фреске: «Ура, поймали, ты будешь тут, и ты будешь Титом Лукрецием!», и сколько им ни говори после, что ты всего лишь «йскмлкннн», кому это интересно. Ты в вечности, дружок, у вечности другие имена, другие измерения, спроси у магрибчанина, этот лис подтвердит.

Магрибчанина сопровождала какая-то блеклая малоинтересная особа с большим голодным ртом и рахитичными, лишенными икр ногами, вспомнил я. Судя по тому, как она была одета, – тоже американка, и говорила она на американском английском, с широким ходом челюстей, подыгрывая своему другу-муслиму и лишь слегка нарушая пределы, установленные его маскарадным облачением. Передвигались они по залам свободно и расслабленно, словно после брачных танцев, не были привязаны ни к одной из туристических групп. Похоже, подумал я, мои шансы настигнуть их невелики.

Я оказался прав, парочки след простыл. Ни в христианском, ни в исламском периоде я их не обнаружил. Теперь разве что в гостях у Варрона или Квинтилиана.

Интересно, то, что я должен был, по словам гида, узнать позже, я уже узнал или мне еще предстоит? Здесь? В Сиде или в Тунисе?

Раздосадованный, я отыскал своих, и мы пошли к автобусу, делясь впечатлениями от музея.

– Куда ты пропал? Мы тебя искали...

– Фрески!..

– Да, тут замечательные фрески! – поддержала меня жена.

– Их копии по всему Тунису. Помните, сколько их было на рынке в Суссе?! – согласилась с нами дочь.

– А вы не заметили среди туристов араба в черном облачении, похож на магрибского дядюшку из «Волшебной лампы Алладина»?

– Дай папе воды. Смотри, как он вспотел... Заметили...

– Да он же фрик, этот магрибский дядюшка, и тетка его – фрикесса чересчурная... – дочь протянула мне пластиковую бутылочку, на дне которой оставалось еще немного теплой воды.

...В XII веке исламский проповедник из Туниса Абу Саид ибн Халеф ибн Яхъя Эттамини аль-Беджи основал рибат на пологой возвышенности с видом на мыс Карфаген, чтобы учить молодых искателей суфизму. После смерти мастер был похоронен своими учениками на той самой возвышенности, а образовавшееся у стен рибата поселение назвали в его честь – Сиди-бу-Саидом.

Сиди-бу-Саид, или просто Сид, – городок голубей, влюбленных и бесчисленных дверей, уступка массовому кинематографу и журналу «Эль». Ролану Барту очень бы подошел этот городок для его «Мифологий»: «Хотите Востока? Настроим оптику, сменим актерский состав, запустим целлулоидных красных рыб в бассейн, раскурим медленно все имеющиеся в реквизите кальяны и побрызгаем местные ковры девятой «Шанелью». Билетеры, на выход, можно запускать зрителей».

Да, это уже не Восток Жерара де Нерваля, хотя слова «муфтий» и «эмир» все еще залетают в открытые окна далеким воспоминанием. Иногда... В особо лунные ночи.

Брусчатка, узкие улочки. Игра теней и белоснежных стен зданий с пронзительно сине-голубыми оконными наличниками, ставнями и фигурными решетками. (Гид говорит, что тени от решеток в полдень создают на стенах причудливые узоры, а на вершине холма находится действующий маяк.) Этот странный человек, одинаково свободно владеющий двумя русскими языками и пользующийся ими, как фокусник, наверное, ведет дневник, в котором скрупулезно записывает все события. Я давно заметил, люди, ведущие дневник, отличаются от тех, кто его не ведет: им кажется, что у них будет возможность лучше понять на переходе в вечность, из чего состояла на самом деле их жизнь.

Крутые подъемы по узеньким мощеным улицам сопровождаются салютом бугенвиллей, а киноварные гибискусы на фоне небесной лазури напоминают разлетевшиеся во все стороны брызги крови. Жертвенной крови, конечно. Сразу же хочется, смирившись со своей судьбой и судьбою всего человечества, всем все простить, испить правильного кофею и выкурить крепкую французскую сигарету. Представить себе короткую, ни к чему не обязывающую связь с пышнотелой восточной женщиной, которая в данную минуту кажется пожароопасней интенсивно загоревшей поджарой европейки, главным образом, потому, что у восточной женщины все срочные дела бессрочны. «И потом, всегда лучше попробовать горячее, чем холодное».

Про то, чтобы запастись водою, я как-то позабыл, и мы сразу же направились в кафе «Де Натт» на главной площади Сиди-бу-Саида.

Двери кафе сторожил коричневый араб с таким же коричневым коршуном на изогнутом посохе. Оба были готовы взвесить душу первого встречного незамедлительно. Посох коршуну не шел так же, как арабу коршун. Птице на посохе сиделось, как на собственных поминках, а араб никак не походил на ослепшего от всеведения старца. Лицо его, словно выглядывавшее из окна, было гладко отполированным, на губах лежала легкая тень полуулыбки, ноздри вывернуты, широко разведенные за-

стывшие глаза как бы безразличны ко всему, что внизу и вровень, а голубая рубаха навыпуск будто прилетела из загробной жизни, на перекрестках которой тоже не прочь были отдать внетелесное должное стилю «богема».

Перья птицы трепетали от дуновения ветра, неподвижный с выбеленкой глаз демонстрировал силу магнетизма. Было совершенно непонятно, что из происходящего вокруг коршун видит и что отмечает про себя на будущее, так как создавалось впечатление, что птица живет только в профиль и оценивать обстановку сразу двумя глазами, в которых одна людская череда сменяется другой, не умеет с рождения. Но при всем том человек и птица казались единым целым, татуировкой на тренированном плече кулачного бойца или эпилогом ко всем отложенным за сорок один век историям.

Туристы мимо этой застывшей пары шествовали с опаской и почтением. Ни у кого не возникало желания дотронуться до «замри»-птицы, чтобы проверить, жива ли она, никто не думал фотографироваться с нею на долгую память.

Мы нырнули в темную каменную прохладу.

Духовитый воздух, точно из кусочков сшитый, отдает углем, специями и еще чем-то неуловимым, навевающим ту грусть, которая вечно сопутствует человеку после соития.

Гид, не отходивший от нас, сказал, что этой чайной более трехсот лет, что в начале XX века тут собиралась местная и залетная богема, а немецкий импрессионист Август Маке запечатлел кафе и минарет за ним в картине «Вид на мечеть».

Стены чайной украшали фотографии улыбающихся знаменитостей в разноцветных рамках. Знаменитостей уже слегка поджаренных и в меру присыпанных солью и перцем, словом, готовых к употреблению. Их хорошо запивать белым вином. Оно лучше покрывает невозможность смешаться со здешней обстановкой.

– Тут били много кинематографисты, – гид уселся по-турецки на циновку, как это делал когда-то Бей, показал своей милитаристской панамой, чтобы и мы последовали его примеру. – Этот кафе снимали в «Анжелика и султан»... – Размотал шарф, положил аккуратно в шляпу, затем и то, и другое – себе под пуп. – «Анжелику» много снимали в Сиде... Но потом много резали в фильме... Потом... – добавил он зачем-то. – Все это будет уже потом....

Жена и дочь принялись подтрунивать надо мною, мол, как жалко, такая женщина, мечта восточного мужчины и все такое.

Я хотел сказать жене, что вообще-то не всякий восточный мужчина рискнул бы нарезать круги с такой женщиной, как Жослин Ивонн Рене Мерсье, правда, тут же осекся, вспомнив о Робере Оссейне, к которому относился как к дальнему родственнику.

Я уже говорил, что в городе, в котором родился, и в районе, в котором вырос, к кинематографу было особое отношение. Да и сам я обязан дате своего появления на свет исключительно фильму «Адские водители» Сая Энфилда. Папа потащил беременную мною маму на этот фильм, вот она и не выдержала, пришлось после фильма вызывать «скорую».

Уж не знаю, каких масштабов должна была случиться драма, чтобы мы с ребятами не пошли на новую фильму в субботу и в воскресенье.

Мы экономили на школьных завтраках, выматывали душу родителям. Дни у нас проходили в ритме утренних, дневных и вечерних сеансов. Расстояние мерили – от дома до кинотеатра или от школы до кинотеатра. Что бы мы ни делали, мы делали это так, словно нас снимали на пленку великие режиссеры. Мы учились жить у экранного полотна. Драться, любить, дружить и даже угонять автомобили... Мы вписывали себя в тот или иной сюжет, как в судьбу, и, когда оказывалось, что реальность ломает нас, в пику своим предкам и классным руководителям ждали подсказок от Трюффо, Феллини, Годара...

На излете туманной юности до нас начало доходить, что фильмы все-таки снимаются не без помощи сценаристов и операторов, чьи имена мы всегда пропускали в титрах. Наше повзросление началось прямо вослед этому обстоятельству. И все было бы хорошо, и я бы не отстал от других, если бы наискосок от нашего дома, напротив булочной, в которую я ходил ежедневно за хлебом насущным, не жила девушка, очень похожая на Анжелику. Мне как-то невдомек было, что маркизы и ангелы не водятся ни в ее доме, ни в нашем районе, ни вообще в нашем городе. Тут-то все и началось. И по сей день длится. Я даже помню, где остался мой первый сценарий и где его исходник. Не знаю только, куда подевался диск с Анжеликиной эпопеей, который жена и дочь не так давно подарили мне в шутку. Две серии я честно посмотрел, отдавая дань юности, но на последующие, с восточными дворцами, гаремами и брутальными евнухами, сил уже не было – всему свое время, впрочем, не уверен, что и в юности я посмотрел бы их от начала до конца. Нас как-то быстро переселили из больших кинотеатров в маленькие клубы, из массового кино в «кино не для всех». Конечно, в том немалая заслуга времени. Но что бы там ни было, так близко к своему исходнику я еще не подбирался. И, может, не случайно, когда нам принесли зеленый чай с кедровыми орешками, припомнилось одно из любимых положений Бея: «Ты не можешь отменить прошлое, но ты можешь его не повторять».

Я с тоской вспомнил нашу саньясу, подумал, что это детище Бея, вне всякого сомнения, заслужило полуторачасовой кинохроники. Но, увы, не отснять его уже, оно осталось навсегда в том убедительно безысходном времени, в котором ты безнадежно молод и чувствуешь себя значительной частью всего, что происходит. Это время никогда не умрет, но и никогда не повторится, потому что это даже не вопрос твоего прошлого. Пока мы живы, в нашей жизни абсолютно все не имеет срока давности, течет в общем потоке. При этом у каждого из нас свой Карфаген. Вот о чем никогда нельзя забывать ни на пирах, ни на поминках. Скорее всего, это вопрос наших выплат в поставленные нам сроки или отказа от оных. Сенатор Катон хорошо понимал подобного свойства вещи, когда вез морем маслины из Карфагена в Рим.

Только успел подумать, что мы часто строим новую жизнь на пепелище старой, что, стерев некоторые изжившие себя убеждения и восприняв новые, мы можем в корне изменить ситуацию, как мой телефон оповестил меня о том, что пришло письмо. От Доминика Дагера. Пунктуальный товарищ оказался этот Дагер.

В кафе был вай-фай, я незамедлительно принял два файла – один в ворде, другой в джипеге – поблагодарил Доминика и взглянул мельком на ответы.

Отвечал он вполне здраво, нацистских убеждений не выказывал практически никак, должно быть, понимал, что аудитория нашего журнала сплошь еврейская. Использование современными россиянами слова «погром» считал «манифестацией приверженности европейским ценностям» и полагал, что в России оно служит, помимо всего прочего, еще и предупреждением об опасности, «которую таит игнорирование политической воли 80% населения страны. Считаю, что наличие еврейских погромов в русской истории является признаком европейскости нашего общества, его встроенности в западную цивилизацию». Вот так вот!.. Дальше Дагер разбирался с понятиями «фашизм» и «национализм»: «Фашизм – одно из проявлений национализма. Всякий фашист – националист, но не всякого националиста можно маркировать как фашиста».

В джипеге оказалась фотография Дагера. Прислав ее мне, он немало облегчил жизнь нашему худреду и штатному фотографу. Если бы не черная кожаная куртка, в которую он был закован, черная эспаньолка и бодрая руническая свастика на помятой бабьей груди – вылитый настройщик роялей советских времен. Впрочем, внешность обманчива. У Бея был «джазовый» ученик, похожий на Пьера Ришара, так тот мог двумя пальцами пробить брюшину. Бей выгнал его из-за какого-то неведомого нам проступка, причиной которого, как говаривали, стали неразделенные чувства к

одной нашей девочке-саньясинке. Она сейчас уже бабушка, преподает Кундалини-йогу в Бостоне, там же лечит и тех, кто покалечился йогой в многочисленных фитнес-клубах. В ютьюбе можно обнаружить целые кусты ее благоухающих «Ом-м».

Поглощенный мыслями о будущем России и воспоминаниями о нашей бакинской саньясе, я не заметил, как мы вышли из кафе на главную улицу и оказались возле ворот резиденции муфтия Аннаби, которая числилась в проспектах еще и музеем быта Туниса.

В одной половине ворот была вырезана дверь с двумя железными кольцами, расположенными на разной высоте.

– Вот это есть для детей, очень полезно, – гид на полусогнутых постучал нижним кольцом в дверь.

Вышло живенько так.

Ждет, прислушивается, снова стучит:

– Открой, мама, это я, Сулейман твой пришел… А? Что?

Прячется за полуоткрытой половиной ворот, смотрит в щелку и оттуда уже сонным голосом «мамы»:

– Сулейман, сыночек, это ты? А что так поздно?

Через мгновение припозднившийся Сулейман оказывается на улице и снова на полусогнутых. Я жду от него исповедальной филиппики, но он краток предельно:

– А я, мама, Млечный Путь изучал, – астроном-вундеркинд выпрямляется и выдает руладу: – Обратите внимание на порог. Видите, какой высокий? Это специально…

Для наглядности перешагивает через порог несколько раз туда и обратно: как сосед из дома напротив – сварливый старец, страдающий мочекаменным заболеванием, как странствующий рыцарь веры иной и взглядов гиперборейских, как торговец в рахат-лукумной пыльце, попавший сюда, дабы вырвать какие-то неведомые миру сокровища.

Убедительнее всего получился сосед из дома напротив. Две другие роли были им смазаны: сложилось впечатление, будто рыцарь и торговец, представители одной и той же страховой компании, провели вчерашний вечер с цыганским табором, и обоим цыганка нагадала у костра высокий порог в доме муфтия.

А в доме муфтия жизнь точна, как аптекарь.

Фонтан убивает время, и заливается горючими слезами клетка с желтыми пичужками. Распутные нравы Запада не проникают сюда. Слишком много стен, и закавыченная реальность царит без тех подробностей, которые обычно люди так любят прижимать к груди. Да и какие подробности могут быть, если море врывается в каждую комнату, если сложные лабиринты коридоров, крутые лестницы, маленькие закрытые и большие открытые балконы, внутренние дворики совершенно не пропускают время. Ни днем, ни ночью.

Здесь, похоже, все жили с остановившимися часами. Муфтий, муфтий, как же так? Кто остановил часовой механизм, не вы ли, любезный, забрали с собою ключик?

Я перехожу из комнаты в комнату, ищу библиотеку. Ищу, но не нахожу. Всегда во всех домах первым делом я ищу библиотеку и всегда нахожу. А тут…

Должна же быть у муфтия хоть одна книжная полка.

Я ищу библиотеку, но налетаю на восковые фигуры в типичных для времен Анжелики нарядах за привычным времяпрепровождением.

Вот муфтий собственной персоной в роскошном белом облачении восседает за письменным столом. Представитель традиционного ислама являет собою само благородство, глядя на него, понимаешь, какие ценности в исламе непреходящи, а какие – для каналов CNN и BBC. Хоть муфтий и восковой, отвлекать его все равно нельзя, он над чем-то трудится сейчас, должно быть, над каким-нибудь новым толкованием

старого уложения.

Сниму-ка я его на свой айфон: пригодится... К тому же он очень напоминает одного моего израильского кора – Менахема Фрумкина из Герцлии, с которым я постоянно бодаюсь по поводу его текстов. (Точно Фрумкин. Бывает же такое. Просто удивительно, какие чудеса порою творит природа.)

А вот два господина играют в нарды, злоупотребляя кальяном. На доске только один камень, показывающий «шеш», второй, наверное, закатился туда, где зеркала не ловят отражений. Над дверным проемом два пистолета и инкрустированное берберское ружье. А вот и восточные женщины – в воске все так же аппетитны, особенно сзади – потягивают шербет и о чем-то немо сладкоголосят. О чем? Да наверняка о своем, о бабьем, к примеру, о том древнем свадебном платье, которое разложено рядом и весит около десяти килограммов. Не о времени же и пространстве этим ханумкам судачить?

Я представил себе среди них Анжелику. Но вместо нее шербет пила какая-то пожилая, ничего не слышавшая о «Стрекоте женщин», одутловатая дама, в которой с трудом угадывались знакомые черты маркизы. Время никого не щадит, даже восковые фигуры в доме, где все часы спят.

Интересно, а как выглядит сейчас та девушка – точная копия Анжелики, чей балкон выходил прямо на булочную? Продолжает ли она играть в бесконечном сериале, и как этот сериал сказывается на моей судьбе?

Хотел пойти вперед, но что-то остановило меня, толкнуло, развернуло, будто я еще не совсем был готов к смене декораций.

Как будто сквозь туман прорисовывались очертания библиотеки. Нет, не той, что открылась сейчас – с томами по религиозным, нравственным и правовым вопросам, с которыми сталкиваются мусульмане в обычной жизни, а другой, которая была за нею и о которой муфтий Аннаби мог слышать только от заезжих единоверцев.

Я уже видел потолки с позолоченной лепниной и росписями, старинные темные глобусы с не обнаруженными еще землями, тяжелую книгу на большом пюпитре, когда картинка неожиданно захлопнулась... Через какое-то время «кинолента» запустилась вновь. И снова стены, снова версты... Беснующийся календарь и дневальная трель телефонного будильника... День начался на каком-то из мостов и тут же оборвался, сон неотличим от яви, и люди говорят одним и тем же голосом одни и те же слова об одних и тех же вещах... «Закавыченная реальность без больших подробностей». Сколько воска на все это уходит ежедневно!.. Сколько лучших книг псу под хвост!..

Только спел я оду мостам, верстам и воску, только сказал себе: ну и хорошо, ну и ладно, – как вдруг увидел хорошенькую женщину на скамейке, строгую, сосредоточенную. Так это ж моя жена!

Лето. Июль. Яркие лучи солнца. Она держит на коленях, изучает какую-то карту, рассеченную на две половины рекой. Река и кофточка на жене одного цвета. Тень от лица жены покрывает правый нижний угол карты, на котором я успеваю прочесть – «Старо место» и чуть снизу и ниже – «Ново место». Послышались трамвайное треньканье и дребезг. Так мы же!.. Это ж Прага!.. («Ага, Прага, – пришло подтверждение от моего дублера. – *У Праги есть когти, которыми она крепко держит за сердце и не позволяет уйти*, а еще у Праги есть книги, и Прага самый фотогеничный город в мире».) И поплыли белесые облака над разновысокими черепичными крышами красного цвета, над мощеными улицами, над зелеными холмами Вышеграда, над отшлифованной солнцем скользкой Влтавой, приветствуя нас с женой, уютно устроившихся на крепостной стене обзорной площадки. Как удобно тут сидеть, на этой стене и, урча по-кото-котофейски, жмуриться от солнца, смотреть на город сверху и слушать жену, тихо рассказывающую мне о наводнении прошлого года, о том, как нагоняли их с дочерью беспрерывные пражские ливни, стоило им покинуть

отель. «Я тебе покажу на Карловом мосту отметку, где вода была», – славит она пражские дожди. Я смотрю на небо, и не верится мне, что такое возможно – зонтики и люди, скачущие по лужам, бегущие под козырьки кафе и ресторанов – даже самолет где-то вдалеке и тот не верит. До чрезвычайности душно. Жарщики каштанов. Шатия легкомысленных французов с рюкзачками. Японочка с крашеными волосами и вишневыми косточками в руке. Карлов мост, реченка Чертовка, Староместская ратуша, площадь Иржи с Подебрада и церковь Святейшего Сердца Господнего... Приподнятый дух общности и согласия повсюду. Короче – «Невыносимая легкость бытия».

Снова меня занесло в «педальное» будущее. Зачем это все, к чему мне сейчас держать в голове то, что Моцарт в Праге был три раза, что останавливался он на Угольной площади в трактире «У трёх золотых львов»? К чему был этот вклинившийся просмотр библиотеки Страговского монастыря? Зачем показывать мне сейчас, в доме почтенного муфтия Аннаби (мир ему), как мы пьем по второй кружке пива в пивоварне «Страгов», к чему Жидовско место с еврейским кладбищем и синагогой, Парижская улица с дорогими магазинами и кафе «Кафка», и джаз бэнд, лабающий Брубека на Прикопе?.. Вспомнил высказывание Феллини, которое вполне могло бы принадлежать и не меньшему «мастеру космоса», нашему Бею: «Человечество движется вперед, потому что верит: то, куда оно идет, не задумываясь о последствиях, уже известно».

Если мне уже известно, если я уже знаю, что буду там, в этом городе «зла и красоты», что я должен понять и предпринять здесь и сейчас? Какие слова найти и сказать? Пока я думаю обо всем этом, за меня говорит гид. Этот чудак и раньше не умолкал, просто сейчас я его услышал.

– Вот здесь муфтий молился. – Он указывает на правый угол небольшой залы, выложенный плиткой с цветочным орнаментом. – Эта небольшая ниша в стене как компас – направляет вас на Мекку, на Каабу…

«Вас?!»

Я знаю, что должен сделать, и пока гид рассказывает, зачем нижнюю часть оконной решетки выносили подальше от окна: «Вы думаете, это есть для красоты? Сюда клали младенец, чтобы пока они спят, их со двора было хорошо видно…», в Африке ты, в Европе или Азии, значения не имеет.

Я жду, когда все перейдут в другую комнату, чтобы помолиться. Я знаю, что молиться нужно в чистоте, что чистота в исламе подразумевает чистое тело, одежду и само место молитвы. Дом муфтия Аннаби (мир ему), не мечеть, конечно, но место, можно сказать, намоленное. От пупка до колен я вроде как закрыт. Вот только дублер мой мне немного мешает, но ведь главное – чтобы я никому не мешал.

Все хорошо, но у меня нет коврика или чего-то из одежды, чтобы бросить на пол. Ну да ладно, я все равно стоя молюсь, да и постелено тут уже что-то, должно быть, я не первый, кто хочет помолиться в доме муфтия.

Снимаю туфли и вхожу в маленький, огороженный низеньким бордюром квадрат.

Все, что я знаю, это то, что Бог един, что он услышит тех, кто возносит Ему молитвы. Молитвы, а не причитания или попытки договориться. Я обращаюсь в сторону маленькой квадратной ниши, указывающей мне на Каабу...

Я уже научен: когда не знаешь, как молиться, молись, как сердце тебе велит. Пусть не пять и не пять тысяч раз, но один, я все же помолюсь, ведь у меня есть намерение, и оно идет от сердца.

Я произношу про себя два раза «Аллаху Акбар. Аллаху Акбар»... Нет, не так, как это делают лайф-ньюсовские боевики-джихадисты, обмотанные до глаз арафатками, зло и мстительно потрясая автоматами Калашникова на грязных пикапах, а как говорили старики в нашем городе, как говорили бабушка и мама, как говорили Бей

(мир ему) и Шейх Ахмад Дидат (мир ему), и, возможно, сам Абу Саид ибн Халеф ибн Яхъя Эттамини аль-Беджи (благословенно имя его, мир ему).

Только я удивился тому, что с первого раза запомнил полное имя проповедника – я уже сто лет не запоминаю номера телефонов, – как в памяти моей шевельнулся вечер того последнего августовского дня, когда я случайно обнаружил у мамы дома на Сходненской после первого джумаахшамы Коран на русском языке в переводе Крачковского. Коран как Коран. Темно-зеленого цвета. Такого цвета у нас еще Диккенс полный на полке стоял. Выпущен издательством «Язычы» за год до краха Софьи Власьевны. Тиража не припомню, а вот цена смешной показалась – пятнадцать рублей. Но это отсюда, из другого века и тысячелетия, пятнадцать рублей мне смешными кажутся, а тогда это деньги были, и для мамы еще какие. В Коране я нашел несколько сложенных вчетверо листочков с молитвами, перепечатанными на машинке и написанными мамой от руки. (Сколько писем за свою жизнь я получил, написанных этим красивым округлым почерком, сколько поздравительных открыток?!) Там суры были, названия только двух из них не выветрились из моей головы – «Тэшэхуд» и «Саламлар». Помню, как помолился тогда у мамы на Сходненской, и хоть совершенно не был уверен, что молюсь в правильном направлении – попробуй разберись-ка в московских квартирах, где Север, где Запад и где Восток с Югом, – какое-то светлое чувство обрел. Может, мне и сейчас повезет, кто знает? «Ас Салам Алейкум ва Рахматуллахи ва Баракатуху». Справа находится ангел, ведущий учет всех хороших поступков. «Ас Салам Алейкум ва Рахматуллахи ва Баракатуху». Слева находится ангел, записывающий дурные поступки. «Бог мой единый и всеблагой, направь меня на Путь истинный, на Путь прямой. Хвала Тебе, Всевышний. И пусть не будет от меня лишних слов, когда я взываю к Тебе, потому что Ты знаешь все, что у меня на сердце».

Благостное состояние после молитвы поначалу неощутимо, должно пройти немного времени, от пятнадцати минут до получаса, чтобы почувствовать его. Передать словами, как молитва начинает оказывать на тебя благотворное воздействие, тяжело, практически невозможно. Бей это состояние называл «заточкой своего ***Я***», ну, а я его называю – «возвращением к себе». Если ты правильно помолился, прошлое с настоящим связываются легко, без какого-либо особого насилия над собой, а дорога в будущее выпрямляется сама. Ты видишь, как легко можешь осуществить то, что ранее казалось тебе неосуществимым по множеству причин, достаточно лишь принять мир таким, какой он есть, и себя в нем, какой ты есть. Даже если одно из твоих имен «йскмлкннн», а день рождения твой связан с кинофильмом «Адские водители». Длится это состояние, если его не поддерживать следующей молитвой, ровно семь дней, но может исчезнуть раньше, причем до обидного легко, ведь ничто так не ускоряет события, как совершаемые нами грехи.

В Сиде это состояние ускользнуло от меня, едва я начал ловить его в себе. Както больно быстро все закрутилось-завертелось. Сразу после дома муфтия гид направил нас в торговые ряды, не очень шумные и небольшие, располагавшиеся на пути к стоянке туристических автобусов, взятой в полукруг шелестящими пальмами. Мне понравился рюкзак из верблюжьей кожи с двумя большими накладными карманами на металлических застежках, не устраивала цена, а торговаться с мальчишкой-продавцом, очень похожим на меня в шестом-седьмом классе, времени не было. Мы купили несколько коробочек рахат-лукума, рассчитывая, что он не будет хуже турецкого и мы довезем его до Москвы, не превратив в один большой пельмень. Впрочем, какое-то чувство защищенности я все же внутри себя уловил, подметил: дышать стало заметно легче, перед глазами словно бы кто-то запотевшее стекло протер, а морской запах так свободно залетал в ноздри, как если бы я, бросив курить, вернул себе обоняние тридцатилетней давности. Бей вообще послемолитвенное чувство самого себя называл «вздохом», а последующие семь дней «выдохом», поэтому

настоятельно рекомендовал нам не только правильно дышать, обращая внимание на все «замки», но и молиться регулярно: «Ваши искания без молитвы – все равно, что разрисованный картон, в котором фотографы проделывают отверстия для лиц, страдающих дурновкусием. Если вы мусульманин, идите в мечеть, если иудей – в синагогу, христианин – в церковь, только не дышите порченым воздухом в закутке. Искатель – это человек, уцелевший в страшной битве. Настоящие искатели смрадом не дышат, они понимают: учителей много, Бог – один». Бей умел сказать так, чтобы его слова зацепили и запомнились надолго. Уверен, не я один их вспоминаю, все ученики, даже те, кто не выдержал испытания. Когда он высказывался по поводу кого-то или чего-то, то походил на человека, который два тысячелетия назад покинул отчий дом да позабыл вернуться. Думаю, он, как никто другой, понимал, что нет ничего утомительнее человека, которому кажется, что он знает абсолютно все, и который в данную минуту находится напротив тебя, в этом весь секрет его общения... Бей никогда не отличался особой словоохотливостью. Он отлично знал, что память – инструмент, регулярно сталкивающий нас с тем, чего не было на самом деле, а значит, всему придающий форму. На каком бы языке он ни говорил – всегда с ленцой, всегда с некоторой небрежностью. Чего стоят его самые небрежные, полетевшие вослед уже холодному окурку слова: «Маленькая уступка здесь, маленькая уступка там – и утрачена личность, раз – и словно не было ее». О, как хорошо я его теперь понимаю, я, сделавший самому себе, в своей семье, в своем журнале столько уступок за последние три года, сколько не делал за всю свою жизнь. Но с другой стороны, не сделай я этих уступок, сохранил бы я остатки того Карфагена, ради которого живу? Может быть, ответ на этот вопрос я и ищу на развалинах древних городов. Это и есть мое «кроме того», позаимствованное у Катона. Оцени мою честность, мастер. Подай хотя бы какой-то знак, что ли.

Я не знаю, можно ли считать это знаком с другого берега, скорее всего, я просто сам ответил на свой же вопрос: «Ты должен научиться не просто сопротивляться обстоятельствам, но проходить сквозь них, ты делал это в кино много раз, сделаешь и в жизни».

...Автобус буквально вползал в Тунис. Пробки тут у них, конечно, не московские, но местами мы точно стоим дольше, чем едем.

А город шумит что-то свое – асфальтово-бетонно-пальмовое. Вечное, нежное, легкое.

Подувядший заметно гид курлычет нам в потрескивающий микрофон о здешней достопримечательности – какой-то там четырехгранной башне. Как я понял, это сооружение – местный «Биг-Бен», маяк для тунисцев, в особенности для молодых, не обремененных брачными узами. Гид уверяет нас, что башня, расположенная на авеню Хабиба Бургибы, чуть ли не шедевр современной архитектуры, а площадь – центральное место в Тунисе.

– Центрее не бывает, – съязвила дочь.

У нее сейчас возраст такой, она все стремится загнать под плинтус.

Свой рассказ гид раскрашивает убедительными примерами из личной жизни и жизни дальних и ближних знакомцев.

– В каждом городе есть места, в которых хочется побыть одному, но есть места... – он взял паузу, по-видимому, прикидывал, на каком из русских языков ему удобнее дальше говорить. – Есть места, на которые спешишь попасть, устав от одиночества. – Снова остановился, задумался. – Но как бы там ни быль, ви никогда не пожалеете, что оказались на этом месте, потому что здесь, именно здесь, ви себя чувствовать настоящим тунисцем. Получать всячески забота от муниципалитета, получать разрешение заглядывать через плечо товарища Гименея.

Наша братия тоже порядком подустала. Никто его уже не слушает, все припали к стеклам, тихо и как-то по-домашнему переговариваются друг с другом. В от-

местку «речистый наш» постукивает микрофоном по коленке – звук неприятный получается, как если бы кто-то высасывал соломинкой последнюю каплю сока в упаковке, – и все продолжает славить башню. Просто какой-то неиссякаемый поток во славу этого сооружения.

Неужели он ничего не слышал о Соединенном Королевстве, Холмсе и Ватсоне, леди Ди? Такое чувство, будто гид намеренно выдает желаемое за действительное, тем самым показывая, что, только разбираясь с прошлым, он – историк, человек мира, трансгуманист по срочному вызову, в настоящем же – истинный тунисец и не более того. Но я почему-то не верю в то, что он только тунисец и все, мне кажется, наш гид в первую очередь – «homoludens», человек играющий, вернее, кем-то вовлеченный в игру. Вот только кем и во что: в «далеко и близко», в «холодно и тепло»? Каков установленный порядок игры, и какое отношение она имеет к этой башне и ко мне?

Нет, пока я сам воочию не увижу этот местный «Биг-Бен», сооруженный, по словам гида, в честь Дня Преобразования, не пойму, зачем эта чертова конструкция с часами так понадобилась тунисцам. Не хочу знать ничего наперед, даже в тех редких случаях, когда знание идет ко мне само. Для меня всего лучше постигать будущее без предварительного с ним знакомства. Города и веси не исключение. Не в том дело, что я норовлю все к худу склонить, но, право же, какой прок, если развалины Карфагена прежде предстанут передо мной в Москве на страницах фейсбучной ленты или я вычитаю о них в Живом Журнале? Осевшая в тебе информация, тщательно проработанный на домашнем диване план путешествия далеко не всегда облегчают жизнь в дороге, а вот остроту восприятия притупляют. Я это заметил по многим нашим вояжам.

– Тут все назначать друг другу встречи, и тут все встречаться без договоренности.

Жена мне:

– Ты то же самое говорил о Торговой улице в Баку...

– Говорил... Только это когда было.

– И мы тоже сойдем возле «Биг-Бена», окунаться в кипучую жизнь города и там же, на площади, встречаться с вами через пару час, чтобы вернуться назад в отель, – предложил гид.

Подъезжая к большому мосту, автобус тормозит на красный у перекрестка, и я обращаю внимание на табличку справа от себя, указывающую на Бизерту.

В кровь будто ментола влили, вспомнил код двери в подъезде отцовского дома – один, один, ключ, семь, шесть, два, восемь – как несколько месяцев назад хоронил его, как выдали мне урну с папиным прахом на Митинском кладбище, как шел я с ней до могилы. Сколько там идти было, двести-триста метров? Мне их с лихвой хватило, чтобы понять, зачем в больницах на прикроватных тумбочках столько скоропортящихся продуктов, когда у больных нет никакого желания есть и пить, а порою даже смотреть на них. Шоколадки, конфеты, соки, фрукты по запредельной цене, мы не им несем, нет, себе... Продлевая их дни, мы надеемся продлить хотя бы чуть-чуть свой собственный рай, до того казавшийся нам вечными буднями. Даже тут мы эгоистичны, своенравны и корыстны.

Когда отец почувствовал свою немощность, он взял с меня обещание, что в больницу я его положу только перед самым его концом: «Погоди, не кипятись, – остановил он мою попытку возразить ему, – постарайся понять меня. В больнице я вместо здоровья обрету новый статус, стану вещью, конечно, не в своих глазах и, надеюсь, не в твоих, но в глазах окружающих – точно. Я знаю, что такое больничная палата – это место, где о тебе говорят в третьем лице, не понижая голоса. Я этого не хочу. Да и тебе, сынка, удобней будет сделать, как я тебя прошу, согласись».

И я согласился. Он хотел еще что-то сказать, но промолчал. Вероятно, из-за

того, что здоровые люди всегда ведут себя не так, как надо, всегда ошибаются в присутствии больного, а он не хотел, чтобы я совершил сейчас ошибку, а может, решил уберечь меня от преждевременного знания, ведь мысли о смерти время от времени посещают каждого из нас, и свою смерть мы начинаем постигать через смерть родителей.

Обещание я сдержал. На меня давили то жена, то родственники с папиной стороны, думали, что всему причиной мой врожденный пофигизм, но я не мог ослушаться отца. А когда мне было очень тяжело, я все твердил про себя код папиной двери в подъезде: «один, один, ключ, семь, шесть, два, восемь». Я повторял его столь часто, словно от этого зависело, выздоровеет отец или нет.

Он до последнего управлялся сам со своим нехитрым хозяйством, до последнего отвечал на мои звонки; записывал, чтобы не забыть, печатными буквами на внутренней стороне разорванных сигаретных пачек названия лекарств и часы их приема и вообще – был настоящим «морским волком». Потом я помогал ему по мере сил, приезжал три-четыре раза в неделю, отгонял от него мошенников из фирмы «Здоровье нации» и черных риэлторов, подкупал продукты, готовил, менял постельное белье, а потом, когда я уже ничем не мог ему помочь...

Вспомнил, как выносил из дома его вещи – последние свидетельства материальной жизни. Я знал, как это делается. Шесть лет до того я выносил мамины вещи. Это упражнение у мусорных контейнеров пострашнее кладбищенского будет. Тут ритуал устанавливаешь сам, посреди обычной городской суеты, без оглядки на предков и ближайшую родню. Сам решаешь, выносить ли тебе на помойку китель черного цвета с нашивками или нет. Я вот таких сил в себе не обнаружил, поскреб-поскреб и не нашел, китель до сих пор висит в отцовском шкафу на Речном вокзале, на Ленинградском шоссе.

...Автобус в правом ряду, но вправо не сворачивает, едет прямо под мост.

Но даже если бы он и свернул направо и я бы все равно не доехал до Бизерты, разочарований было бы куда больше.

Я знаю, мои родители не будут спокойны там, если я не смогу быть счастлив здесь. Я знаю это потому, что сам отец и сам все прекрасно понимаю. Знаю, как связаны те, кто там, с теми, кто здесь. Я просил прямого пути, вот и еду, никуда не сворачивая, еду прямо, еду туда, куда посылают меня годы, прожитые средь гама и суеты. Я не ощущаю течения времени, кажется, навечно застрял на сцене... Я хочу научиться радоваться доставшейся мне небольшой роли, а еще – радоваться тому, что всегда готов заменить «Ом» на «Ом».

Показалось, крякнул, как всегда жизнеутверждающе, один из моих смартфонов, завибрировал аккурат возле ноющего сердца. Достал оба проверить. Возможно, то была какая-то внутренняя жизнь девайсов в отрыве от их пользователя. По крайней мере, сообщений никаких. Ложная тревога. Но я на всякий случай, раз уж достал телефоны, все же решил заглянуть в свою почту, навестить друзей по Фейсбуку.

Красных значков с циферками не было, только тизер все допытывался: «О чем вы думаете? О чем вы думаете?» – «Да ни о чем. Живу себе и все. Мало что ли?» Вот Бей меня бы понял, Бей бы похвалил. Провел бы очередное очистительное занятие, расположившись сразу на двух персидских ковриках, выстланных на деревянном полу крестом.

Капалабхати... резкие короткие выдохи... подтягиваем низ живота... сорок пять пятьдесят раз закрываю глаза прижимаю пупок к позвоночнику и резко выталкиваю наружу получается будто себя из самого себя возможно легкое головокружение мера предосторожности бхастрика глубокий активный вдох и выдох затем медленный плавный вдох и задерживаем дыхание без насилия над собой спину держим прямо макушкой тянемся в вечность глубокие мышцы прорабатываются только в статике пахнет сандалом доносятся звуки ситара слышны чьи то тихие шаги мимо ковриков

это видно Сабинка наша опять опоздала на занятие она бедная ездит йожиться к нам аж с Восьмого километра у нас никто не входит в бакасану с разбега некоторым товарищам советую снять носки ноги имеют свойство разъезжаться в носках читурангашванасана читурангашванасана счет в уме вчера забыли и завтра не помним врикшаасана держим баланс привычка формируется двадцать один день двадцать второй ваш но помните мир не станет вашим пока вы не станете миром кто может закрывает глаза кто не может смотрит в одну точку ситар тоненько ткет прозрачное полотно в своей далекой медленной Индии.

Заметив, что, как только я подумал о Бее, городской пейзаж за окном автобуса стал хуже считываться мною, а после и вовсе тянулся одним серым пятном, я поспешил оградить себя от прошлого. В отпуске, как в хорошем романе, возвращение к прошлому должно быть обосновано и строго дозировано, быть может, его вообще следует избегать. Следует? Но как? Как его остановить, если даже в путешествии жизнь не вперед летит, а назад? Я так часто думаю о прошлом, что кажется, оглянись я назад, а его и след простыл.

Я отрываю глаза от стертого, точно ластиком, пейзажа, а они все еще там, в прошлом, глаза мои. И кажется, столько непройденныхасан до медного звука тибетских тарелочек... До последнего «Ом».

Автобус объезжает «Биг-Бен» и останавливается справа.

Мы выходим возле низкорослой четырехгранной башни, увенчанной часами на каждой из граней и окруженной фонтаном и красными флагами с полумесяцем. Глядя на нее, я почему-то думаю, что она напоминает мои четырехчастные интервью в журнале.

Осмотревшись, делаю вывод: коррозия башне была обеспечена с первого же дня. И с этим уже ничего нельзя поделать, хоть называй день 7 ноября 1987 года Днем Преобразования, хоть не называй.

Гид отпускает нас гулять по центральной улице города, только просит сверить свои часы с башенными. Не знаю, как со всех четырех сторон, – я башню не обходил – но с двух они показывают разное время. Правда, разница невелика – ровно десять минут.

– В целом тут есть где разгуляться. Но... – объясняет, клацая ногтем по своему циферблату, наш гид, – через два часа встречаемся на другой стороне, возле банка, здесь остановка запрещена. Через два часа, господа! И никаких «А вот у нас в Москве принято опаздывать на десять-пятнадцать минут». – Щурится и вдаль смотрит. – Там, на конце – Медина, за воротами Баб эль-Бахар. Вон там – Нотр-Дам де Тунис, на другой стороне Французское посольство и муниципальный театр... Много магазинов, кафе, везде отличный кофе... Говорить можно по-французски и по-английски, если на пальцах – тоже ничего страшного, вас поймут... Вы знаете, где находится посольство России? Я тоже не знаю. Вперед, друзья мои, время не ждет!.. Всегда лучше попробовать горячее, чем холодное.

Кажется, будто он только и ждет конца своей миссии. Какой-то весь смазанный стал, будто его сейчас редактируют в фотошопе.

Правила дорожного движения, похоже, никто не соблюдает. Мы долго не могли перейти на другую сторону дороги. Я посмотрел, как тунисцы кидаются прямо на капоты автомобилей, и последовал их примеру: не обращая внимания на ругательные гудки, остановил собою белый «рено» и медленно пошел на «форд», чтобы вослед мне успели проскочить жена с дочерью. Впрочем, здесь все делается медленно. Такое впечатление, что все живут с «широко закрытыми глазами» и скоро, очень скоро твои глаза ничем не будут отличаться от их глаз.

Авеню Бургибы, до революции Авеню Жюль-Ферри – широкая лента в полтора километра от «Биг-Бена» до Французских ворот (Porte de France) или Баб эль-Бахар, рассеченная аллеей, по обе стороны которой растут новенькие стриженые деревца.

(Дочь спросила меня, что это за деревья, я сказал: посмотри в интернете, она сходу обиделась и не хочет идти рядом со мной, а жена просит, чтобы я не спускал с нее глаз. На самом деле, я ни на секунду не упускаю из виду ни жену, ни дочь. Если надо кого-то легонько подтолкнуть, подталкиваю. Должно быть, со стороны я похож на частного детектива или товарища в штатском из какого-то там управления.)

Клаксоны автомобилей, прилипчивые шлягеры мобильных телефонов, гомон справа и слева такой, словно ты весной ранней снял себе местечко на облюбованной воробьями ветке, «чирик» тебе в ухо.

Авеню Бургибы по своему архитектурному замыслу напоминает все центральные улицы европейских столиц. Тут не поймешь, в Африке ты или в Европе, в Париже или в Баку. Авеню Хабиба Бургибы напоминает и Унтер-ден-Линден, и Прикоп, и Тверской бульвар с той лишь разницей, что ни в Москве, ни в Праге, ни в Берлине столики летних кафе не стоят посреди тротуара, препятствуя движению прохожих. Здесь приходится лавировать между посетителями кафе, натыкаться на официанта, ждать, пока он раскрутится с подносом у твоей головы, раскланяется с посетителем, опустит стакан с содовой на картонку или ласково распакует пачку сигарет… Тут ложечка на чайном блюдце кажется твоей и кусочек сахара, и набитая окурками пепельница наследника Ганнибала с газетой в руках тоже – твоя, а не его. И платить тебе придется, и чаевые оставлять. (На каком языке говорить будешь?) Тут повсюду пахнет кофе, повсюду парфюмерные и табачные клубы. Толпа меж столиков течет так густо и так медленно, что можно услышать и подмышечный душок, и свист прокуренных легких, и голоса, стрекочущие что-то владельцам мобильных телефонов. Похоже, люди здесь живут без того внутреннего колебания, того чувства, которое возникает, когда тебе, черт знает почему, навязывают вину несмотря на то, что прекрасно понимают, что ты, именно ты, ни в чем не виноват. Эти люди далеки от привычной нам самомистификации, они живут, не стараясь понять, они живут, стараясь принять… Они точно знают: ни один вывод, ни одно положение, ни одна идея не способны управлять миром. И от мира все эти идеи защищаются лишь сенатом, лишь авторским правом – «Я, Катон, тут был, и я сказал» – да и то временно, пока одну идею не сменит другая, возвращающая нас к очередному, раз уже прожитому, этапу прошлого.

Большинство местных одеты в европейское платье по последней моде. Краем глаза я даже зацепил тунисских панков на углу какой-то гостиницы, напомнившей мне гостиницу «Минск» на Тверской времен распада СССР. А вот иностранцев в это время года совсем немного. Должно быть, все они сейчас кучкуются возле Нотр-Дам де Тунис.

Если честно, я ожидал от собора большего: все ж таки «Нотр-Дам», хотя и «де Тунис». Я ждал трех порталов и розы над входом, гаргулий и химер, но обманулся, ничего этого не было. Небольшой собор, стиснутый с двух сторон современными коробочками, за столько лет никак не вытребовал для себя почетного места. Попасть в него можно было прямо с улицы. Несколько ступенек, и ты уже внутри. Но сейчас сделать это оказалось совсем не просто. Слишком много народу. Могу представить, что тут творится ближе к вечеру летом.

Мы приблизились к ступенькам, остановились. Жена достала из чехла наш залепленный лейкопластырем «Кэнон», прикинула, как бы ей получше снять панно над входом. Я обернулся: показалось, кто-то следит за мной, поискал взглядом и… снова увидел его.

Магрибчанин стоял, точно страж в преддверии далекого неведомого. Из одного его глаза хлестало светом, надменный рот одновременно улыбался и нашептывал какие-то заклинания.

Глядя на него, я испытывал чувство, будто наблюдаю конец истории, и прикидывал, в какой мере расхождение в десять минут может повлиять на исход событий.

Мехти-ага постоянно твердил нам, что ответы на вопросы, найденные путем долгих размышлений или логических рассуждений, практически всегда оказываются ложными: «Не можешь прорваться к ответу, хотя бы не лги себе, сделай движение вперед: не сердце, так тело подскажет тебе, как быть».

Я послушался мастера, решился, сделал, наконец, то самое «движение вперед»…

– Ты куда? – вскинулась жена. – Мы же потеряемся!..

Я иду прямо на него. Для начала спрошу, сколько сейчас времени, по-русски спрошу, а там посмотрим… Посмотрим, на каком языке он ответит. Я по глазу его светоносному все пойму. Все выпытаю, и насчет горячего, и насчет холодного. Успел сделать всего-то пару шагов в его направлении, а он…

Он взял и исчез.

Кидаться в толпу, искать в людском месиве? Нет, не догоню я его, не найду.

Я уже было обреченно развернулся к своим – их бы не потерять из виду – как увидел его на другой стороне, на том месте, где я раньше стоял и с которого начал свое «движение вперед». Будто собор ему помог перелететь.

Он со своей дамой спешит в направлении Медины, оборачиваясь на ходу, и тем самым как бы втягивая меня в погоню.

– Идите скорее.

– Ты можешь объяснить, что происходит? – жена с дочерью переглянулись.

– Да этот, черный… из Магриба…

– Тебе же лечиться надо! – она сказала это так, потому что ее взгляд на меня не подействовал.

– Приеду в Москву, буду лечиться.

– Успокоил, нечего сказать.

Здесь народу поменьше, скрыться от меня так просто у магрибчанина вряд ли получится. Он, видно, почувствовал, что от намерения во что бы то ни стало нагнать его я уже отказался. Понял, что я решил пока лишь следить за ним, и дает мне возможность поиграть в Лоуренса Аравийского. Меня это устраивает, держать его в поле зрения не составляет большого труда: черный кафтан и черный ихрам с белым игалем видны издалека, к тому же и жене с дочерью моя новая стратегия больше по душе.

В магазины магрибчанин не собирается. Мы тоже. Он идет, будто по своим делам. Срочным. И хоть большим запасом времени он, похоже, не располагает, они с дамой могут так дойти до самых ворот, разделяющих старую и новую части Туниса. Кстати, они уже видны, эти ворота, эти Баб эль-Бахар, и красный флаг с полумесяцем над ними тоже виден; видны торговцы, жестикулирующие на границе старого и нового, прошлого и настоящего; фонари, пальмы, жилой дом с маленькими балконами в расчете на двух заядлых курильщиков.

Войдет ли он в Старый город, идти ли мне за ним, хватит ли у нас в этом случае времени вернуться? Вопросы отпали сами собою, потому что у ворот я его снова потерял.

Стою, кручу головой по сторонам, надеясь еще на что-то: «Где это чертово черное пятно с белым обводом на голове?!» И тут вместо магрибчанина передо мною прорастают старые знакомицы – кобылицы-кальянщицы. В отеле я их не видел несколько дней и успел про них забыть.

Родная провинция нигде так больше не провинция, как в туристических поездках. Они в линялых джинсовых шортах и в одинаковых белых майках с портретами Марлона Брандо в роли «Крестного отца». Они едят одинаковое мороженое в рожках и, зеркально отражая друг друга, точно в театральной студии, снимают ворота на свои телефоны. Они снимают их как-то походя, не для себя и не для всепрощающих ванюшек, дожидающихся их возвращения в Россию, – но с единственной целью при-

влечь внимание. Догадываюсь даже, чье внимание, и уже спешу найти связь между оскароносным доном, шалыми девицами и очередным исчезновением черного человека.

Все рассыпается, помочь может только подсказка. Слышу, одна интересуется у другой, проходясь кончиком языка по подтекающему сливочному шарику:

– ...А как эту хариссу используют, знаешь?

А та ей по методике Станиславского и с одобрением Корлеоне:

– У меня баночка, на ней такие красные жгучие перчики... – И сама, точно «пэрчик жгучий», горит и пожар всем обещает, включая старика Брандо.

Я поздоровался с ними. Зачем? Не знаю. Может, почувствовал, к концу дело идет, так сказать, последний поворот колеса перед эпилогом, к тому же я никак не мог предположить, что девицы посмотрят на меня, как на ненормального, и тут же повернутся ко мне спинами. Нет, эти жертвы глянцевых журналов, озабоченные поиском «крестных отцов», вне той системы, которую предложил мне Бей.

– Ну что, – спрашиваю у жены, – пойдем в Старый город?

– Думаю, он такой же, как в Суссе.

– Тогда по другой стороне назад и выйдем к банку, к нашему автобусу?..

– Папа, я узнала, как называются эти деревья на бульваре, – дочь сбрасывает один наушник, показывает на смартфоне википедийную ссылку, но бесполезно, без очков я ничего не вижу. – Это – фикусы.

– Да ну!.. – Нет, я правда удивлен, разве фикусы бывают такими?

С другой стороны, почему бы и нет. Неужели я, искатель на шестом десятке, так и не понял, что мир не обязан во всем следовать моим представлениям о нем.

Пошли назад. Аллея с фикусами теперь сопровождала нас слева, а витрины магазинов – справа. Я еще какое-то время оглядывался: а вдруг теперь магрибчанин будет за мною гнаться. Но никто за мною не следил, никто не наступал на пятки.

Сначала мы зашли в универмаг, посмотреть, чем тунисцы лакомятся, чем заправляют свои вместительные средиземноморские желудки. Думали, будет много рыбы, ошиблись, выбор невелик. Так называемые «исходные продукты» стоили совсем дешево, сладости на любой кошелек; купили кус-куса, жена сказала, что хочет приготовить нам на Новый год кус-кус по-керкенски с кальмарами, фаршированными рисом и зеленью, а потом заглянули в пассаж.

В торговой галерее едва слышно тянуло кожей, табаком, кофе и чужой осенью. Мы выбрали кофе и чужую осень.

Над головами четырех продавщиц трое круглых полосатых часов тикали полосатым временем – Нью-Йорк, Лондон, Париж, – связанные общей идеей драматургической гравитации, пасовали кварцевый сюжет в хронологической последовательности, и только четвертый кругляш с белым циферблатом против трех черно-полосатых обходился без стрелок и названий столиц мира, зато заманивал легкомысленных персонажей чашечкой дымящегося кофе с пенкой в виде веселого молочного смайлика, подводившего черту подо всем тем, что удалось отложить, остановить.

Любезная продавщица с тоненьким голоском, будто из кукольной мембраны, сначала дала нам понюхать и погрызть несколько сортов кофе, а после долго объясняла по-французски, что тот кофе, который мы выбрали, очень-очень горький и к нему хорошо было бы прикупить полкило другого, чтобы во время приготовления смешивать их в разных пропорциях в зависимости от времени суток. В результате она отсыпала нам того и другого в крепкие бумажные пакеты. Я хотел положить их в свой рюкзак, но последнее, что в нем поместилось, были две упаковки кус-куса. Девушка улыбнулась и протянула мне целлофановый пакет с фирменным знаком – «00:00». «От кофе никогда не отказываются, – снова вспомнил я Бея, – в особенности на переходах из одного состояния в другое».

Мы дошли до угла дома, практически подошли к французскому посольству. И тут неподалеку от пешеходной дорожки – людское завихрение.

Я сначала подумал, демонстрация какая-нибудь, говорил же нам гид: «Тунис – свободная птица», потом гляжу, нет, драка, обычная уличная драка, да еще с привлечением женщин. (Вон, как они голосят свирепо, как улюлюкают!..) Ну, и где полиция? Место-то – самый центр, как сказала дочь: «Центрее не бывает». Почему солдаты, охраняющие французское посольство, никак не реагируют? Их же тут не меньше двух взводов...

– Стой, никуда не ходи! – кричит жена, но я не слышу ее, я уже иду, да что там иду, – я бегу, подгоняемый моим дублером. Даже не заметил, как просыпаются на плитку кофейные зерна после столкновения с кем-то. С кем-то?! Это же был он – Черный. Я хотел остановиться, хотел крикнуть ему: «Бей?» Нет, не так надо было мне крикнуть: «Мастер!» Но почему-то даже не остановился.

Не могло быть никаких сомнений: человек, которого трепала толпа, был не кто иной, как отец-основатель и главный редактор популярного интернет-ресурса «Час погрома».

Мне кажется, если бы не мое безоговорочное доверие к мастеру, пусть даже и бороздившему сегодня далекие миры, я бы определенно слетел с катушек. А так все губительные вопросы вроде: «Как могло так случиться, если такого в принципе никак не может быть?» отпадали сами собой и, как я полагаю, не с одной лишь целью самозащиты. Так что мысль сама упрямо зацепилась за отпущенные мне свыше десять минут, за того, чью тень, чей образ я преследовал, точно гончая с аристократических шпалер.

Конечно, лицо Доминика Дагера съехало в ухаб, но взгляд по-прежнему оставался таким, каким я запомнил его на присланной мне фотографии, и это несмотря на то, что Дагера безостановочно пихали, вспахивали, рвали на куски, а те, кто не мог до него добраться, осыпали особенными восточными проклятиями, после которых выжить и без побоев не представляется возможным.

Кожаная куртка Дагера была разорвана в клочья, с живота свисал широкий пояс, начиненный взрывчаткой, точнее даже не пояс, а какая-то «подушка под голову», облепленная серым скотчем, от которой тянулся оборванный красный провод... Вид у него нездешний и на мусульманина он не похож, но разве не писал наш колумнист, тот самый аналитик, когда-то предостерегший нас от поездки на Джербу, что новообращенные террористы-одиночки – это ноу-хау джихадистов, и с ними очень тяжело бороться, практически невозможно.

Он пригибается, он поднимает и опускает холеные руки, взмахивает ими, точно птица крыльями, получая тычки и пинки вновь и вновь. Его ненавидят, впрочем, его всегда ненавидели, и он всегда ненавидел тех, кто ненавидел его, – этих мелких, никчемных, суетливых существ, уверенных в том, что, если придет какой-нибудь Катон, жизнь сразу же наладится. Он убежден, что хабальство вперемешку со страхом одиночества и непомерная тяга к жирным маслинам составляют суть любой толпы, ее основу во все времена, и, хоть себя к этой воющей, к этой смердящей толпе Дагер никогда не причисляет, себя он ненавидит так же неистово, так же люто. Всегда хотел кому-то что-то доказать, сначала учителям и друзьям, потом поклонникам сайта «Час погрома». И хоть он, Доминик Дагер, не нашел в себе сил подорваться, все равно он заслуживает большего уважения, быть может, даже преклонения, ведь он умеет не только рояли настраивать, но еще и родную, во всем единогласную толпу заводить. Было бы только против кого. Лучше всего спускать ее на ущемленных в правах пришлых, еще лучше – на тех, кого называют «другие», но сами они поверили в то, что они уже «свои» и дети их, по заграницам разбросанные, тоже «свои». Да мало ли кто может угодить в «другие» сегодня. Толпа, она такая. Главное, вовремя разжечь ненависть и найти ей выход. Но однажды этот контролируемый выход, этот

узенький проходец в историю может оказаться замурованным новым хозяином толпы, очередным орудием возмездия и справедливости, очередным борцом с мультикультурализмом, загнивающей Европой, овощными базами, и тогда ненависть, разогнавшись на спуске, приведет к начиненной тротилом подушке, к сенатору Катону, заявившему однажды: «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam».

Я чувствовал, как дрожит все внутри у Доминика Дагера, и эта дрожь передавалась и мне. Идти сейчас против разъяренной толпы было равносильно самоубийству, но стоять и наблюдать или повернуть к своим я тоже не мог, я был словно ввинчен в то место, на котором оказался. Мой дублер подсказал мне, что нет никаких вариантов, кроме одного: «Старик, тебе еще крупно повезло, что Дагер успел ответить на твои вопросы, и ты сможешь сдать материал в номер прежде, чем тебя успеет расстрелять из своего «браунинга» ответсекретарь». И когда я осознал вполне, что от меня более ничего не зависит, и все, что мне остается, это принять мир таким, каков он есть, толпа вдруг остановилась, в ней образовались прорехи, кое-где даже тени прорисовывались. Кто-то тут же закурил в просвете, кто-то потянулся к термосу, отвинчивая крышку-стакан, кто-то в шутку расправился с мухой, хлопнув газетой по голове своего приятеля-массовика, с толком уминающего бутерброд...

Дагер тоже разогнулся, почувствовал себя обычным человеком. Хотя нет, не совсем обычным: по всему видать, он здесь сходил за звезду, еще несколько съемочных дней – и его фотография появится на одной из стен кафе «Де Натт». Вон, даже дама к нему подлетела, та самая, что сопровождала повсюду волшебника из Магриба. Освещенная светом прожектора, она поправляла Доминику брови и нос, возвращала на место рот, до того словно побывавший у нее в косметичке.

На другой стороне улочки я заметил несколько автобусов и автокемпинг, оранжевые конусы, толстые черные провода, ползущие по асфальту, точно змеи...

Звукооператор с микрофоном на удочке записывал, как хрустят под ногами людей рассыпавшиеся зерна очень горького кофе. По его лицу я понял, что этот звук показался ему страшно убедительным и должен был понравиться зрителям. А еще в тот самый момент, когда ко мне подошли жена с дочерью, я увидел магрибчанина – или Бея? – честно говоря, я уже совершенно запутался. Он стоял на подножке автокемпинга и взглядом двух разных глаз объявлял мне о том, что с этой минуты позволяет событиям, связанным со мною, идти своим чередом.

– Вот он!.. – сказал я.

– Это же кино снимают, – невозмутимо парировала жена, она еще не заметила, что кофе, который мы так долго выбирали, рассыпался.

– Это сейчас кино снимают, – сказал я, – а тогда...

– «Тогда» – это когда?

Вряд ли мне удалось бы объяснить ей, какую роль в моей жизни сыграли десять минут расхождения во времени. Но мне кажется, жена и без моих объяснений начала все понимать, хоть и сказала: «У тебя точно что-то с головой...»

В автобусе, когда мы возвращались в Монастир, до наших кресел добрался гид. (Он вообще-то не только к нам подходил, он ко всем подваливал, задавая один и тот же вопрос: «Ну как, понравилось?» После чего корректно, без нажима намекал на чаевые себе и водителю: «Кто сколько может, господа, кто сколько может». Просто Чарнота-Ульянов какой-то...) Однако почему-то именно у нас он спросил, видели ли мы, как снимали кино возле французского посольства? Заметив, как я сразу же напрягся – подумал, сказать ему, что не столько снимали, сколько в котле тунисском варили, или все-таки не стоит – он успокоил меня:

– Знаете, люди – везде люди, и у нас, и у вас. И раньше, и теперь. Им всем всегда кажется, что не они такие, жизнь такая. – Он снял свою милитаристскую шляпу и церемонно склонил голову – будто слуга, исполнивший все указания хозяина.

Вот бестия пронырливая, подумал я, отдавая ему двадцать динар за Карфаген и Катона, за Сиди-бу-Саид и дом муфтия Аннаби, за «Биг-Бен» и День Преобразования, за жизнь такую, короче говоря. Мехти-ага бы меня похвалил, он бы замолвил за меня словечко перед первовосходителями.

Ом!

...Кроме того, последние туристы покинули отель. Остались только косоглазый Шрек с женой, мы и еще несколько человек, которых я помнил по самолету. Пляж опустел, было слышно, как трудится море и как трудятся люди возле него.

Небольшой трактор собирал скатанные в шарики водоросли, оставляя петляющий сырой след там, где детвора еще вчера строила замки, слесарь с подручным отключали воду в кранах возле туалета и раздевалок, двое холеных мужчин обсуждали что-то на одной ноте с администратором отеля возле берегового кафе, старик в красной феске неспешно вел верблюда по самой кромке моря, словно задергивал насквозь прозрачный занавес.

Приметив нас, расположившихся под большим соломенным зонтом, он остановился и что-то крикнул нам. Из-за гула трактора и шума моря я не расслышал его, и, поскольку он продолжал стоять, уставившись на нас, я отправился узнать, чего он хочет.

Едва подошел к нему и поздоровался, он немедленно предложил за полцены все те поделки, которыми полны здесь рынки и ювелирные магазины.

Я ничего не собирался покупать и объяснил это сделанным из рук крестом, старик, тем не менее, продолжал выкладывать товар прямо на песок.

Прибежала дочь, она, вероятно, решила, что мне нужен ее английский.

Не знаю, почему мы с ней из всего, что было в двух больших ковровых сумках, выбрали деревянную маску и глиняный фонарь; почему, не сговариваясь, тут же определили им место в нашем доме и почему жена, за которой обычно остается решающее слово, не перечила нам, но сразу согласилась, и это после рассыпавшегося кофе.

– Да, фонарь будет стоять на кухонном столе, а маску ты повесишь...

– Знаю, знаю... Пусть отгоняет злых духов...

Пока жена с дочерью разбирались с фонарем: куда ставить свечу и откуда будет проникать свет, я вспоминал, как мы отмечали вчера в ресторане отеля Рас-ас-Сана Новый, 1435 год по мусульманскому летосчислению, и думал о тех открытиях, которые изменили в свое время ход человеческой истории: обнаружении любви и смерти и их связанности с рождением детей и верой в Бога, о первом добытом огне, прирученном животном и первых посевных, о виноградной лозе, пущенной стреле, стремени, попытке записать звук, а затем и слово... Мой список оказался столь длинным, что, прежде чем я успел вспомнить об изобретении ключа и замка, старик, продавший нам всего за несколько динар маску и фонарь, успел превратиться в прорастающий стебелек с красной точечкой вместо фески. Я представил себе тот момент, когда, преодолев тысячи километров, дважды проверну ключ в замочной скважине, толкну нашу дверь и втяну ноздрями застоявшийся запах дома. О чем подумаю я тогда? О перезагрузке в Тунисе, о том, что запах выброшенных морем травяных шариков или растертых в ладонях маслин не сравнить с запахом дома? Как бы там ни было, после того, что случилось, быть таким, как прежде, я уже не смогу. Да и Бея, нашего Мехти, похоже, больше никогда не увижу, ни в каком из его воплощений. Сдается мне, что игра окончена. Еще немного, и она станет случаем в моей жизни. Станет ли тем опытом, на который можно опереться или передать другому, тоже какому-нибудь «йскмлкннн», теперь зависит только от меня. Но тут, похоже, нет ничего сложного, это как если бы я в двенадцатый раз пересмотрел «Анжелику, маркизу ангелов».

МАРК БЕРКОЛАЙКО

ВИКА И САВА

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию были.

Василий Жуковский

Вики, – увы! – нет.

Сава, – к счастью, – есть!

Они – братья; Виталий Колмановский, Вика, был старше Савелия, Савы, на пять лет.

В Москву, на недавнее восьмидесятилетие Савы, слетелись из Баку, Израиля, Штатов, Франции, Шотландии; съехались из Петербурга, Воронежа и других, сравнительно, по российским меркам, близлежащих городов, и почти в каждом тосте, прозаическом или стихотворном, упоминался Вика, несколько лет назад умерший в Калифорнии легкой смертью угодного Богу человека: у калитки своего дома улыбнулся и грузно осел вдруг всем телом.

… Теплоход, он же ресторан с панорамными окнами, шел по Москве-реке. Набережные и фасады домов сверкали так, что этого количества люксов хватило бы на свечение Млечного Пути и еще нескольких Галактик поменьше; Кремль, ослепляя пряничной яркостью стен и башен, блеском куполов и крестов, старался казаться дружелюбным, однако получалось это у него не вполне – в конце концов, крепость есть крепость.

Сава и мы, его гости, заняли два массивных круглых стола в центре зала. И все вроде бы располагало, только вот подарки были вручены на вчерашнем банкете, тогда же были сказаны рвавшиеся из глубины души слова, тогда же отсмеялись заранее заготовленным шуткам – поэтому, наверное, в этот вечер на реке, в дорогом ресторане, общение свелось к обмену вежливыми репликами.

Но так было до той минуты, пока «вчерашний юбиляр» не обратился к приехавшему из Баку давнему своему другу, замечательному сценаристу, публицисту и литературному критику Интигаму Касумзаде, который сам себя называет самым худым главным редактором самого толстого в мире литературного журнала.

Издающегося аж с 1923 года, а в 1953-м обретшего имя весомое и обязывающее – «Азербайджан».

И обратился Сава с просьбой совершенно неожиданной:

– Интигам, почитай газели Физули!

I. КВН бакинского разлива.

Весной 1966 года в Баку впервые состоялся вечер КВН: встречались команды, кажется, мединститута и, что уж точно, университета, в которой мой школьный друг Эмин Алиев был капитаном, а ваш покорный слуга, – очень условно говоря, – автором. Условность заключалась в том, что никакого представления о специфике жанра эстрадных миниатюр у меня не было. Однако брался я за дело с пресловутой наглостью неофита, но то, что в результате получалось, можно было оценить дохлой «тройкой», не более.

На «пятерку» же, которой были достойны работы признанных кавээновских авторов, москвичей и одесситов, в Баку, – был я уверен, – не способен творить никто.

Однако так не думал Юлик Гусман, в котором его продюсерские качества только-только начали тогда просыпаться.

В Воронеже, узнав, что я поучаствовал «в рытье котлована» под фундамент бакинского КВН, меня обычно спрашивали, знаком ли с Гусманом, на что следовало небрежное:

– Еще бы! Он пел для меня у дверей сортира.

Писателями замечено, что меньше всего люди верят тогда, когда им говорят чистую правду – это я к тому, что и мне не верили, не могли даже себе представить, будто Юлий (так и хочется исправить на «Гай Юлий») даже в легкомысленном своем детстве был способен спускаться с таких высот в такие низины. Поэтому опишу все подробно, дабы в воспоминаниях о докторе Гусмане, провидчески угадавшем, что отнюдь не врачеванием будет жив и славен, промелькнула и эта деталь.

Чтобы попасть в Баку из Нальчика, в котором бакинцы спасали себя и детей от июльско-августовской жары, а семейные бюджеты от дороговизны Кавминвод, нужно было доехать до станции Прохладная и там, глубокой ночью, успеть впихнуться в проходящий поезд.

Проспав почти до полудня, штурмовавшие встали все одновременно, и очередь в единственный вагонный туалет (второй проводница уже вымыла и открыть отказалась) выстроилась длинная. Я оказался последним, ожидание грозило быть долгим и скучным, как вдруг не замеченный мною во время ночного штурма плотный, круглолицый мальчишка уступил свою очередь двум стоящим между нами дамам, объяснив это тем, что давно меня не видел и хочет поговорить.

Что ж, он не врал, поскольку действительно не видел меня с самого момента моего рождения, однако, быстро и напористо восполнив этот пробел, выяснил, где живу, в какой школе учусь, в какой класс перешел. Узнав, что всего-навсего в пятый, а не в седьмой, как все приличные люди, заявил безапелляционно:

– Тогда ЭТУ песню ты, конечно, не знаешь!

Тут как раз первая облагодетельствованная им женщина скрылась в купе, вторая щелкнула задвижкой двери туалета, и мальчишка, так и не удосужившись назвать свое имя и, тем паче, узнать мое, запел: «В Кейптаунском порту, с пробоиной в борту, «Жанетта» поправляла такелаж…».

Да, я был мал, во всяком случае, меньше него.

Да, песню не знал.

Но мог бы, будучи ребенком начитанным, сообщить, что английскому парусному негоже называться французским женским именем, что, имея пробоину в борту, команда в первую очередь займется ею, а не такелажем …однако не успел ничего сказать, ибо был захвачен темпераментом исполнителя, умудрявшегося не столько петь, сколько гримасами и жестами доносить до моего половозреющего сознания все пикантные нюансы текста.

Дама пробыла в туалете столько времени, сколько понадобилось мальчишке на то, чтобы допев, свершить затем несколько танцевальных па, придавших удалой еврейской мелодии характер поминовения четырнадцати французских моряков, павших в схватке с палившими из браунингов моряками английскими.

Господи, а я ведь даже не успел поблагодарить его за роскошное представление! – он скрылся в сортире, а, выйдя из него и услышав из срединного купе призыв: «Юлик, ты придешь, наконец, завтракать?!», стал настолько значителен, словно бы оправившись, умыв физиономию и почистив зубы, приобрел вдруг то положение в свете, которое категорически запрещает замечать такую мелюзгу, как я.

Итак, весной 67-го Гусман на всех парах устремился к своей всесоюзной славе, но я, сосредоточившись на математике, знал об этом лишь понаслышке, из рассказов тех друзей, которые этому стремлению хоть как-то способствовали. В частности, когда бакинская команда ездила приветствовать участников встреч, не транслируемых в эфире, однако привлекавших внимание редакции молодежных программ Центрального телевидения, в ответ на вопрос: «Кто пишет?» впервые услышал о Вике и Саве.

… Закончив университет, осенью 67-го уехал преподавать в Курский пединститут, планируя сдать там за год экзамены кандидатского минимума по философии (марксистско-ленинской, разумеется) и английскому, а затем поступить в аспирантуру в Воронеже.

Снимал в Курске комнату в частном доме на улице Ломоносова, читал лекции, вел занятия, готовился к экзаменам и как-то раз, по-моему, в апреле 68 года, добродушная моя хозяйка, страстная телезрительница, сообщила, что в субботу «азеберджанцы» играют с командой точно Куйбышевского (Самарского), и кажется мне, что политехнического, института.

Обязан покаяться в покрытом полувековой пылью грехе: полный отказ ради математики от какого-либо участия в кавээновских бакинских делах, год назад давшийся совершенно безболезненно, после слов хозяйки отозвался жгучей ревностью того сорта и накала, что испытывают отлученные «на веки вечные» от чего-то нестерпимо манящего… будто бы пока я продирался через ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» и энгельсовскую «Диалектику природы», кто-то энергично ухлестывал за судьбою мне назначенной женщиной и не то, чтобы завоевал ее, но уж меня, во всяком случае, малейших шансов лишил.

В Курске я жил и работал размеренно и спокойно – так, что хоть вой от тоски… а в это время бакинцы, мои друзья и друзья моих друзей, прорвались в сверкающий мир, куда мне теперь уже доступа не было. И тут, неожиданная для меня самого, а потому особенно меленькая и подленькая зависть подсказала спасительный вариант: а что, если команда Баку проиграет?!

Проиграет – и это будет мне «в жилу», поскольку выяснится, что я оказался дальновиднее всех: то есть, не только не потерял времени на бесплодные попытки взлететь, но и выиграл его, блестяще сдав экзамен и поразив комиссию прочтением «от корки до корки» как упомянутых выше трудов, так и ленинских «Философских тетрадей», которые шли в списке дополнительной, а не обязательной к изучению литературы.

Как сейчас помню, в билете был вопрос о взглядах Аристотеля. Бесконечно виноват перед великим греком: знал лишь, что он был учителем Александра Македонского, сформулировал важное для математики «правило исключенного третьего» и критиковал воззрения Платона, о которых я тоже не мог бы сказать ничего внятного. Однако подземелье моего незнания стало выглядеть на экзамене сияющим чертогом Знания – с помощью всего-навсего, одного-единственного, записанного Лениным на полях тетради замечания к витиеватой мысли древнего мудреца.

Понять мысль мне мозгов не хватило, однако замечание, в силу его лапидарности, запомнилось навсегда.

Вот оно: «Запутался человек!».

Мысленно переношусь в Курск, на улицу Ломоносова, в комнату хозяйки.

Вот телевизор, а у серванта, стоящего сбоку-сзади от него, задняя стенка сделана из зеркального полотна. На нем, – в причудливом соседстве с отражениями бокалов, рюмок и стопок; со слегка искаженными размерами, – видно все, происходящее на экране. Это позволяет время от времени сидеть вполоборота к телевизору, чтобы не так хорошо было слышно комментирующее бормотание дородной пожилой женщины: «Ага! Да! Правильно!», которым сопровождает все нравящееся, или тяжелое и громкое сопение в те минуты, когда действо ей не по нутру.

И вот вам наилучшая характеристика сравнительной силы команд: почти все выступление бакинцев идет под одобрительные возгласы, почти все выступление самарцев – под сопение.

Однако не знаю, как ей, а мне из всей игры запомнились лишь эпизод разминки и один из конкурсов, кажется, музыкальный.

Требовалось, – напевая и/или пританцовывая, – прокомментировать ситуацию, описанную в одной их тех воскресных газет, которым позволялось развлекать читателей чем-нибудь забавным, курьезным и «одной-бабой-сказанным». В заметке повествовалось о том, как, отдыхая в каком-то украинском селе, будущий двукратный олимпийский чемпион по тяжелой атлетике Леонид Жаботинский увидел, что насмерть перепуганная доярка убегает от сорвавшегося с привязи разъяренного быка. Богатырь бросился спасать женщину и почти сумел повторить один из подвигов Геракла, не просто остановив двухцентнерового бугая, а буквально швырнув его на землю.

И вот, бакинцы спели на известный мотив из фильмов Чаплина всего шесть строк, которые так удобно «легли на слух», что я запомнил их на всю жизнь:

Весенним утром ярким
Бык гнался за дояркой,
Но Леня Жаботинский подверг его толчку.
И с первой же попытки
Откинул бык копытки –
Что можно чемпиону, того нельзя быку.

Повторяю: запомнил молниеносно; более того, все сотрудники кафедры математического анализа Курского пединститута, поздравляя меня с победой команды Баку, говорили, в основном, о жгуче-южном обаянии Гусмана, но непременно прибавляли: «Да, а песенка эта… откинул бык копытки… что можно чемпиону, того нельзя быку… здорово!».

Обратите внимание – не смешно, а именно «здорово»! В услышавшем нечто подобное зале не случается обвал, не грохочут хохот, гогот и рогот… то самое «Бруга-га!!!», что так хорошо описано Булгаковым в «Жизни господина де Мольера».

Однако, услышав первые две строчки, мы «видим» взбудораженную весенними токами гору мыщц и уже невозможно не ответить улыбкой на легко прочитываемый, однако не выпирающий подтекст – и поверьте бывшему автору, придумавшему когда-то несколько реприз, на которые зал отвечал «Бру-га-га!!!»: по-настоящему запоминалось именно такое, а то, что, казалось, обречено было стать вечнозеленым «мемом», чаще всего оказывалось продуктом скоропортящимся.

Сделанное в 68-м «автором Викой-Савой» наполнено многослойным смыслом: и то, что бык подвергнулся именно толчку, а не, скажем, рывку, и то, что удалось это

с первой же попытки, отсылало к подлинной битве подлинных гигантов, Жаботинского и Власова, на Олимпиаде в Токио, когда Леонид Иванович, проигрывая по результатам жима и рывка уже уверенному в конечном успехе Юрию Петровичу, в третьем, последнем подходе толкнул фантастические по тем временам 217,5 кг и «отобрал» у соперника золотую медаль, которую тот уже чувствовал на своей груди. Ударная же последняя строка взывала и к лестному для Жаботинского сравнению с Юпитером, в образе быка похитившем прекрасную Европу, и к тому, что именно «манковость» доярки послужила причиной столкновения двух самцов, в котором хорошо натренированные человечьи мышцы одержали победу над природными бычьими.

Понятия не имею, как происходила работа над этим маленьким шедевром, но видится почему-то, что Вика, быстро все придумавший, возмечтал расслабиться, но не тут-то было: под неумолимым давлением «редактора Савы» долго еще все дожимал, «доструживал», чистил и доводил до блеска.

Что же до эпизода разминки, то здесь понадобились не классные авторы Вика и Сава, здесь «пригодился» Владимир Портнов, прекрасный бакинский поэт, чьи переводы из Бодлера, Верлена и Жозе-Марии де Эредиа были опубликованы в одном из томов обширнейшей советской «Библиотеки всемирной литературы».

«Но что такой человек мог сделать полезного для команды, очевидно призванной «эксплуатировать» свою кавказско-закавказскую специфику?» – удивятся многие поклонники современного КВН. «Такой тогда был КВН, – отвечу я, – и такими тогда были Кавказ-Закавказье!».

Задание разминки явно предполагало наличие у членов команд недюжинной эрудиции: произносилось начало чего-то малоизвестного из области «веселого и находчивого» (уж никак не расхожие фразы из Ильфа и Петрова, Булгакова, Шварца или репертуара Аркадия Райкина, разумеется!), а соперники обязаны были либо завершить цитату, либо придумать какое-нибудь свое смешное продолжение.

Капитан куйбышевцев сказал: «И ха-ха-ха, и хи-хи-хи…», улыбнулся с видом «Ага, попались!» и пошел к кучке своих игроков. Однако не успел он дойти, как у микрофона оказался Портнов:

Люблю я парадоксы ваши
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи.
Смирновой штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи.

И после эффектной паузы: «Лермонтов. Из альбома Софьи Николаевны Карамзиной».

Бедные куйбышевцы-самарцы! Они и не подозревали, что в команде «каких-то там бакинцев» найдется человек, знающий наизусть всю русскую классическую поэзию! Они смогли тогда только сказать покорно: «Ответ верен» – и горько потом сокрушались, что оказались так самоуверенны и не подготовили «запасной вариант».

Успехи той бакинской команды были связаны и с другими авторами, несомненно, выдающимися, однако, пусть буду сочтен пристрастным, – не помню из сотворенного ими ничего, кроме уже упомянутой «Брижиты без Барды».

Да и та, впрочем, всплыла в памяти только потому, что эпизод, в котором Юлий Гусман так артистично выдает «на гора» твист, процитирован в хорошем фильме Александра Митты.

II.КВН воронежского брожения

Неправильно было бы утверждать, что я пришел в команду Воронежского инженерно-строительного института, нет, меня буквально втащила в нее, – своею маленькой, изящной, но удивительно крепкой и властной ручкой, – Нина Степановна Петросьянц. Команда к тому времени набрала хорошую форму и, разгромив в двух сезонах подряд всех местных соперников, захотела блеснуть на всесоюзной арене… Это если излагать по-журналистски, в стиле парадного очерка. А если «по жизни», то Нина Степановна, сумев убедить молодежную редакцию Центрального телевидения в нашей дееспособности (о, она и Мефистофеля заставила бы покаяться и уйти в монастырь!) заявила нас на участие в сезоне 1970-71 годов.

Теперь нужно пояснить, что скрывалось за местоимением «мы».

Авторов, умеющих писать тексты на уровне ЦТ, не было.

Ярких, фактурных актеров было двое: оба с подвижными, по-гоголевски носатыми физиономиями, пригодными для создания комического эффекта.

Я также был носат, но по-другому, несколько зловеще, а потому комического эффекта не создавал. Зато у меня получалось говорить громко и членораздельно – увы, далеко не вся команда была на это способна.

Тем не менее, Нина Степановна считала, будто каждый и каждая из нас обладают яркой, запоминающейся внешностью – по крайней мере, работавший с нами выдающийся оперный режиссер Семен Александрович Штейн, «дядя Сеня», бывший для нее авторитетом непререкаемым, говаривал снисходительно, что пока мы стоим в шеренге, ничего не произнося, а также не пытаясь петь и танцевать, то зрители вполне готовы минуту-другую нам симпатизировать.

Однако она, эта симпатия, по мнению дяди Сени, сменится отвращением, стоит лишь нам заговорить, запеть или затанцевать, то есть начать делать что-то, без чего подобная шеренга через некоторое время становится похожей на тяжело молчащий почетный караул.

Поэтому изобретательный режиссер, наряжая нас то во фраки и концертные платья, то в сверкающие галунами подобия морских кителей, то в куртки монтажников – брезентовые, увешанные страховочными цепями, которые придавали нам облик веселых и находчивых каторжан, строил мизансцены, одну затейливее другой, подавляя тем самым стремление зрителя уловить во всем происходящем хоть какой-то смысл.

Кроме того, на сцене должно было также находиться что-нибудь экзотическое и монументальное, – воздушный корабль, например, – из которого мы горланили нестройным хором: «Вот для ХАИ – воздушная подушка, вот для жюри – воздушный поцелуй!», и это сходило за удачную репризу.

Я пишу все это, посмеиваясь, однако же готов растроганно заплакать, вспоминая лицо Нины Степановны во время наших выступлений. Она смотрела на нас не как зритель – нет, так на утренниках в детских садах матери следят за своими детишками, и если те тарабанят заученный стишок без запинки, то Табаков, Хабенский или Алиса Фрейндлих не смогли бы это сделать лучше, ну, а если молчат, забыв слова, то не из-за бестолковости своей, а потому, что настало время для знаменитой на весь мир «мхатовской паузы».

И теперь, по прошествии пяти десятков лет, я понимаю, что выигрывали ли мы или вполне достойно, без позора,проигрывали,получалось это у нас только потому, что она восхищалась нами именно так: априори, по факту нашего появления в ее жизни, по факту нашего рождения такими, какими уродились.

Как же это важно, когда тобою так восхищаются! Как это страшно, когда восхищающиеся уходят, а ты остаешься один на один с миром, у которого возможностей и желания оплевать тебя всегда в достатке!

И еще потому у нас получалось, что с благословения Нины Степановны, осенью семидесятого года, я обратился к своему школьному другу Александру Гричу, – замечательному поэту и переводчику, который потом, за годы работы, донес до русского читателя шедевры Гусейна Джавида, Расула Рза, Мирза Алекпера Сабира, Микаила Мушфига, Фикрета Годжа и других классиков азербайджанской литературы; не говорю уж о его стихах, многие из которых помню и люблю, – и через него попросил о помощи Вику и Саву.

Они откликнулись не сразу: какое-то время им понадобилось на то, чтобы найти максимальное число людей, знающих моих родителей, сестру, давно уже, впрочем, живущую в Ленинграде, меня самого… это понадобилось не потому, что они не доверяли Сашиным рекомендациям, – просто еврейская традиция, в Баку возведенная в ранг культа, требовала поиска максимального количества связующих нитей и ниточек, ибо если таковых связей мало, то партнер не станет тебе близок, а если партнер не станет тебе близок,то зачем нужен такой партнер?

Но общих знакомых оказалось достаточно.

Их оказалось даже более, чем достаточно.

Настолько более, что для первого «Здравствуйте!» в Баку к Колмановским в качестве друга их потенциального друга (то есть, меня) поехала Нина Степановна. Она влюбилась в Вику и Саву разом и сразу, а они сразу и разом влюбились в нее так, что роли поменялись и через три недели забирать текст написанного братьями приветствия для команды ВИСИ приехал в родной свой город уже в качестве друга Нины Петросьянц.

А еще, друга Саши Грича; а еще – любимого племянника тети Наны, в чьей квартире на Полухина снимала комнату приехавшая поработать в Баку рыжеволосая врач из Саратова, за которой бурно ухаживал холостой сердцеед Сава… а еще, а еще, а еще…

В общем, к моему приходу Тамара, жена Вики, испекла бакинское печенье «Мутаки» с ореховой начинкой, которое так нравилось «чудесной Нине», а когда, съев один рогалик и облизнувшись, я поведал, что вкус божественный, однако моя мама «для кислинки» добавляет в начинку толику кизилового варенья, то хозяйка понеслась на кухню, дабы испечь еще порцию, теперь уже «По рецепту мамы Марика».

Ох, мы с Викой и наслаждались!

Господи! Ведь ему тогда не было еще и сорока, и он был раза в два массивнее меня, двадцатипятилетнего! А теперь мне семьдесят три, и я толще его тогдашнего…

Но не стану, согласно мудрому совету замечательного Василия Андреевича Жуковского, говорить с тоской: «Вики нет».

Скажу с благодарностью: «Был».

Ох, мы с ним и уплетали! Его дети, Леня и Маша, с шумом ворвавшиеся в кабинет, получили по одному рогалику вкупе с добрым отцовским наставлением: «Много сладкого – вредно!». Саве было поручено читать полностью готовый текст приветствия, все десять машинописных страниц; он не посмел ослушаться старшего брата, которого боготворил,однако вложил в чтение всю свою неприязнь ко мне, время от времени бормотавшему «Класс…» – скорее, относительно очередного рогалика, нежели относительно очередной удачной репризы.

Сава! Теперь я могу сказать тебе то, что постеснялся произнести тогда: «Как только после первой ремарки мне стало ясно, что мы, члены команды, будем наряженными в блейзеры капитанами воздушного корабля, все, кроме песен, потеряло для меня значение, поскольку дядя Сеня, выдающийся оперный режиссер, увидев мысленно разноцветные бирюльки ярких мизансцен, нанижет их на то, что называет нитью непрерывного внутреннего действия. При этом он с присущим ему чутьем выбросит самое смешное, потому что смех может вывести зрителя из состояния завороженности подобно тому, как выводится из транса кобра, если звуки флейты

прерываются незапланированной икотой факира. И еще, Сава! Вам с братом придется пережить шок, когда написанную вами финальную песню дядя Сеня переместит на место начальной, а начальную вообще выбросит. Но это будет потом, а пока ешь «мутаки», Сава!».

Впрочем, последнее можно было и не говорить: Вика оказался заботливым братом и, когда на блюдах осталось по три-четыре рогалика, сказал: «А это Савику!».

А теперь еще одно признание: в тот вечер я начал постигать технологию того, как делаются тексты для КВН, эстрады, театров миниатюр, как пишутся короткие рассказы. Впервые услышал термины«ход», «репризный ряд», «подводка», «ударная реприза». Понял, какую роль может играть игра слов и созвучий, узнал, по каким «лекалам» конструируется шутка, как она «доводится» и«дожимается».

Все это, что теперь назвали бы отличным мастер-классом, было преподнесено мне щедро и увлеченно, в ответ на один простой вопрос: «А как у вас получается писать вдвоем?».

Потом, в течение нескольких ночей до игры с ХАИ, Сава и приехавший к нему в подмогу Саша Грич выжимали из нас, – Гриши Розенберга, Толи Шулика, Наташи Ратнер (вскоре тоже ставшей Шулик), меня, других ребят – все соки. Мы получали уроки, как делать конкурсы и готовиться к разминке, как подстраивать репризу под внешность произносящего ее, под его манеру говорить, под шепелявость, дрожание голоса, заикание, наконец…

Понятно было, что приветствие, скорее всего, сведется к ничьей, а домашнее задание, которое для ХАИ написал уже хорошо тогда известный Аркадий Яковлевич Инин, мы безнадежно проиграем… однако оставались конкурсы, много конкурсов, где было место и импровизации, и экспромту, – и Сава с Сашей, как опытные тренеры, подвели нас к вечеру игры отвязанными, раскованными и злыми.

А харьковчане – о, они на огромной сцене ленинградского дворца «Юбилейный» были свежи и вальяжны; более того, они, ничего еще не поняв, оставались такими и после разминки, на которой мы их сделали классически... потом, наконец, поняли, но было поздно: конкурс за конкурсом мы накапливали преимущество, и соперников наших не спасли даже «плюс два очка» за домашнее задание, действительно, блестящее – Инин есть Инин.

Одно время Аркадий Яковлевич привлекал нас с Гришей для работы в авторских группах других команд. Мы делали конкурсы, если честно, совсем небольшие, а если максимально честно, то всякую мелочевку, – но, во-первых, платили и за это, а, во-вторых, такая работа, наряду с написанием часто публикуемых («Литературная газета», «Юность», «Крокодил») коротких рассказов, давала нам возможность «расписать руку» и познакомиться с очень талантливыми людьми. Наибольшее впечатление произвел на меня Ярослав Харечко, у которого, помимо прочих замечательных достоинств, обнаружилась потрясающая способность «говорить стихами». Так однажды получилось, что только нас двоих из всей авторской группы нашел в курилке телетеатра капитан «подшефной»команды, не помню даже, какой. Он сообщил, что на конкурсе капитанов его и соперника попросят прокомментировать рисунок, на котором изображен невероятно широкоплечий мужчина с невозможно маленькой головой. Не успел я договорить, что уместно будет переиначить известную фразу: «Словам должно быть просторно, а мыслям тесно», как Слава быстро и без запинки «сформулировал»:

А молва, она упорна,
Все твердит нам, как известно:
Пусть в плечах будет просторно,
Лишь бы мыслям было тесно.

Честное слово, в эту минуту я поверил, что Импровизатор, описанный Пушкиным в неоконченной повести «Египетские ночи», действительно мог существовать.

Инин сказал мне как-то, что наша команда осталась в памяти кавээновского бомонда как мастера конкурсов.

Что ж, таков был наш стиль, привитый нам Викой, Савой и Сашей, – и не могу сказать, что это был худший из демонстрируемых на всесоюзной кавээновской арене стилей!

Кроме того, – так уж судьбе оказалось угодно, – команда КВН ВИСИ, о которой мало кто сейчас вспоминает, оставила-таки памятные зарубки в многолетней истории Клуба.

В 1972 году Великий Инквизитор Суслов… нет, лучше так: инквизитор Суслов, мнящий себя великим, вместе с Лапиным, Председателем Госкомитета по радио и телевещанию, обсудили запись парада-алле участвующих в новом сезоне команд и решили, что с КВН «пора заканчивать». В перечне того, что показалось им особенно крамольным, мы, скромные провинциалы, упомянуты были дважды.

Во-первых, верный сталинец Суслов указал на бороду Толи Шулика и заявил, что это есть искажение облика советской молодежи.

Во-вторых, верный сусловец Лапин назвал нашу с Гришей репризу: «А в этих домах новоселы живут как нельзя лучше: одни живут лучше, другие – как нельзя!» очернением советской действительности.

Согласитесь, что исказить и очернитьодновременно в то время удавалось далеко не всем.

Зато, когда в 1986-м КВН возродился, то первым прилетом этой «птицы Феникс» на телеэкран была трансляция встречи команд КВН Московского и Воронежского инженерно-строительных институтов. И зал издал первое после четырнадцатилетнего перерыва «Бру-га-га!!!», а потом разразился овацией в ответ на репризу, прозвучавшую в выступлении именно нашей команды (на сцене был, разумеется, уже совсем другой, гораздо более сильный, – спасибо Нине Степановне! – актерский состав).

В этот момент я представил себе, как подпрыгнул в аду инквизитор, как заерзал перед телевизором отправленный в 1985 году в отставку Лапин – и мне стало радостно. Но плохая, злобная то была радость, поэтому, бросив поминать всяких там, подумал о братьях Колмановских.

И мысленно поблагодарил их за науку.

А сейчас с превеликим удовольствием делаю это письменно, то есть, почти вслух.

И все же Вике и Саве однажды удалось заставить дядю Сеню поверить в волшебную силу слова.

А дело было так: победив команду ХАИ, в полуфинале мы встречались с командой Белорусского государственного университета – фаворитом, который, как заранее решила Молодежная редакция ЦТ, должен стать чемпионом сезона.

В домашнем задании дядя Сеня выстроил мизансцену, в которой наш Витя Литвинов, обладатель удивительно красивого, лемешевского типа, лирического тенора, должен был петь «нечто» на мелодию арии индийского Гостя из «Садко». Вечер выступления неумолимо приближался, а все предлагавшиеся братьями варианты этого самого «нечто» требовательный режиссер отвергал. До выступления осталась всего одна ночь, традиционно «урожайная» по части подготовки к разминке, конкурсу капитанов и прочему «экспромтному», – поэтому мы отправились в одно «ночное», а братья в другое, ворча, что отныне, если услышат сладкое «Не счесть алмазов в каменных пеще-е-е-рах», непременно начнут биться в падучей.

… Сравнительно раннее утро, последний, уже «костюмный» прогон, а для телевизионщиков – так называемая трактовая репетиция.

Мы, непроспавшийся после ночных бдений миманс, размахивая опахалами, изображаем, наверное, баядерок или, возможно, одалисок; на авансцену выходит выспавшийся, невозможно красивый и абсолютно русский Витя, похожий на былинного Садко, выигравшего у индийского Гостя в «очко» всё его пышное одеяние и все фальшиво яркие драгоценности… и… пауза…

– Текст, вашу мать! – орет дядя Сеня. – Хрен с ним, любой, но текст!!!

И Витя, подглядывая в бумажку, которую ему только что подсунул за кулисами Вика, заводит:

Я пил вишневый сок на Фудзияме,
В бразильской сельве посещал сельмаги,
И мумий в-и-и-и-дел я в гробу-у-у…

Ржем мы, то ли баядерки, то ли одалиски; ржут телевизионщики; ржут минчане, которые следом за нами должны были прогонять в тракте свое домашнее задание, но самое главное, впервые на моих глазах, ржет дядя Сеня.

И, чуть повизгивая, совсем по-детски повторяет: «Видел мумий в гробу… Это же он про… Это же он про…».

Он не решается договорить, про что это, однако все и так всё понимают, поскольку километрах в трех от телетеатра, начавшись у Александровского сада, тянется к Усыпальнице терпеливая очередь, и замерзающие люди совсем тихонько ропщут, когда и без того медленное продвижение сменяется долгим «стоянием».

А случается это «стояние» тогда, когда в подземелье спускаются забредшие в Москву за очередным подаянием делегации коммунистических или рабочих, или крестьянски-партизанских партий. Они тоже не прочь построить социализм, однако даже в старательно демонстрируемой ими скорби не желают смешиваться с простыми советскими людьми, уже его, – то есть, социализм, – построившими.

И кто знает, а вдруг в те самые минуты, когда Витя Литвинов, «индийский Гость», пел о том, как блуждал по белу свету, какая-нибудь делегация именно из Индии, зайдя в Усыпальницу, затряслась там от нервного озноба, увидев, как кощунственно обращаются в стране победившего социализма с тем, кто по их разумению давно уже должен был быть предан огню погребального костра.

Мне даже и не надо фантазировать, как именно Колмановские работали над этим маленьким шедевром: Сава рассказал, что где-то около часу ночи, перебрав кучу вариантов, Вика «родил» первую строчку. Потом, часа через три, неоднократно подкрепленный кофе и коньяком, перелопатил еще большую кучу, – и выдал вторую. И только под утро, когда ничто тонизирующее уже не бодрило, вдруг пробормотал, прервав храп: «И мумий видел я в гробу… ».

– Ты гений, – перестав храпеть, прокомментировал тиран-редактор Сава. – Спи…

И долго еще команда КВН ВИСИ ассоциировалась с «…мумий видел я в гробу…». А еще с «Пустите меня туда, мне там было хорошо!» – так, по-настоящему весело и находчиво, Толя Шулик «озвучил» эпизод из кинокомедии «Семь стариков и одна девушка». И хотя жюри изо всех сил тянуло минчан в финал, за этот конкурс Леонид Гайдай все же дал нам больше баллов, не смог поступить по-другому.

Встречу мы проиграли, но разрыв был минимален.

Квинтэссенцией того периода моей жизни стала для меня первая одесская «Юморина», которая состоялась через год после того, как Суслов и Лапин сделали попытку нахлобучить заглушку на фонтан народного остроумия, и на которую мы с соавтором были приглашены редакцией одесской молодежной газеты.

То был для меня не просто фестиваль, а вакханалия юмора, его сатурналия… на этом мои знания об античных празднествах заканчиваются, не то перечислял бы и перечислял.

Началось все с того, что в редакции нам вручили «Почетную грамоту», текст которой словно бы подтверждал, что в жизни всегда есть место не только подвигу, но и шутке: грамота была сделана в манере нотариально заверенной расписки и удостоверяла, что Марк Берколайко и Григорий Розенберг заняли по пятнадцать рублей каждый в качестве премии за второе призовое место в конкурсе короткого рассказа.

А закончилось… о! никогда не забуду!

Зал, в котором вот-вот должно начаться заключительное мероприятие «Юморины», переполнен.

Тяжелый бордовый занавес опущен…

Мощные динамики «выдают» исполняемый десятью, не меньше, фанфарами строевой сигнал «Слушайте все!».

Фортиссимо, форте, гранд-форте, форте, от которого закладывает уши – и хочется из зала вон, но не сбежать, а напротив, побежать куда-то, где отдают все силы в борьбе за что-то…

И вдруг динамики словно бы вырубаются…

Зловещая тишина…

Перед занавесом появляется маленький человечек и говорит, слегка картавя:

– Тут только что прозвучали фанфары… я хотел бы добавить несколько слов.

Я присоединился, конечно, к овации зала, но горько мне стало от мысли, что НИЧТО СТОЛЬ ЖЕ ТАЛАНТЛИВОЕ мне никогда не придумать, а, стало быть, с «веселым жанром» надо заканчивать.

Может быть, жаль, что мысль эта довольно скоро стала твердым решением – ведь в конце концов, гениальные сатирические страницы в «Мастере и Маргарите»; великие пьесы Шварца «Тень» и «Дракон»; выдающиеся вещи Горина «Самый правдивый» («Тот самый Мюнгхаузен»), «Дом, который построил Свифт», «О бедном гусаре замолвите слово»; изумительно переливающийся оттенками и нюансами смех Искандера; четверостишия-жемчужинки Губермана появились еще и потому, что тьма талантливого народа, называя себя юмористами, куплетистами, сатириками, комедиографами, авторами, «играли» этих Королей, помогая им обретать Короны; создавали тот гумус, что помогал Гигантам расти до небес.

И быть в такой «свите», быть частицей такого гумуса – не самая плохая участь.

Тем паче, «кавээнство» так до конца из себя и не вытравил, – не зря, наверное, Галина Умывакина, замечательный воронежский поэт, говорила мне, что в любой моей вещи, сколь бы лирична, драматична или даже трагична она ни была, есть две-три фразы в стиле и на уровне хорошей репризы.

Опять же, вполне может быть, только не зря мой дед, а вослед за ним и я так чтили и чтим Гегеля с этой его просветленной мыслью:

«Все действительное – разумно, все разумное – действительно».

Но вот что еще интересно.

В лучшей моей пьесе «Бруткевич и вечер», написанной в конце 80-х, есть обмен репликами, когда давний знакомый главного героя, распустив перед ним «хвост», сообщает, что у него настолько «все схвачено», что может похоронить любого на любой аллее любого московского кладбища – хоть Ваганьковского, хоть Новодевичьего.

На ехидный же вопрос Бруткевича: «А в Кремлевской стене?» отвечает уверенно: «Запросто! Но с тыльной стороны!».

Многие (в том числе, участники семинара драматургов в Рузе), слыша это, дружно смеялись, лаская неумершее во мне эго репризера, но только сейчас я сообразил, что сочинил тогда всего лишь парафраз сидящей у меня в подкорке шутки Вики и Савы – «… и мумий в-и-и-и-дел я в гробу-у-у…».

III. И зазвучали газели Физули

Люблю оперу «Аида» не меньше, чем профессор Преображенский, однако напевать под мелодию знаменитого марша «К берегам священным Нила…» не стану ни в коем случае, помня, что именно там поется дальше:

К берегам священным Нила
Боги нам укажут путь.
Там раздастся клич победы:
Смерть без пощады Изиды всем врагам!

Эти четыре строчки чудовищно нелепы даже в сравнении с той привычной, заурядной, так сказать, нелепостью, что отличает переводные оперные тексты – ибо, согласно либретто, поются они в Мемфисе, хором жрецов храма Изиды, расположенного на самом что ни на есть берегу Нила, то есть именно там, куда боги соблаговолят указать путь войску, охотно подпевающему жрецам из-за кулис.

Войску, которому пора не голосить, а шагать, чеканя шаг под бодрый вердиевский марш, вдоль того самого берега, не надеясь при этом ни на богов, ни на жрецов, ни на GPS-навигатор… просто шагать, не отклоняясь в сторону от величавых вод.

Но дело-то в том, что переводчик (а, может быть, и сам либреттист А.Гисланцони) перепутал берега Нила и его истоки, то есть, те водопады в горах Эфиопии, с которых начинается великая река; водопады, почитавшиеся священнородящими и подобными богине Изиде, их найти без хорошей карты и компаса в те времена было действительно нелегко.

Так что напевал бы профессор Преображенский не эту дребедень, а какой-нибудь другой марш, например, тот, которым сопровождалось разоблачение Председателя акустической комиссии, – глядишь, и не затеял бы безумное превращение Шарика в Шарикова.

Но нет же, ему, преобразователю природы, оказались по душе «священные берега», «боги», «клич победы», «смерть без пощады»… все велеречивое и столь натужное, что впору посоветовать принять слабительное.

А вот Вику и Саву в работе над либретто оперы я не представляю: неряшливость текста – это не для них, точных и изящных в каждой фразе.

Велеречивость – тем более не для них, предпочитающих иронию и то остроумие, которое не порождает ответное «Бру-га-га!!!», но зато и не смахивает на назойливые попытки пощекотать.

Но авторами пьесы для оперетты они были, и я ее, эту пьесу, будучи у них в гостях, пролистывал. С удовольствием бы прочитал внимательно, но не было для этого времени, а теперь об упущенной возможности говорю с искренним сожалением, потому что замыселпоказался мне очень интересным.

Колмановские взялись решать нелегкую задачу: собрать самые известные фрагменты оперетт Кальмана (уж не созвучие ли фамилий их к этому подтолкнуло?) и сделать их не столько иллюстрациями, сколько, в каком-то смысле слова, самостоятельными участниками стремительно развивающегося сюжета, в котором были и незаконные сыновья законных аристократов, и любовная неразбериха, и ссоры-примирения, и встречи-разлуки, и традиционные для жанра пары: лирические он и она, комические он и она, а также непременные старичок и старушка, вздыхающие по поводу ушедшей молодости, однако отплясывающие после этого так, как у немногих молодых получилось бы.

Задача, которую они сами для себя поставили, решена была блестяще: упругие диалоги и стихи, легкие и бодрящие, как токайское, вызывали такой прилив жиз-

нелюбия, что оперетта эта была бы невероятно популярна, найдись тогда, во времена, когда мюзиклы считались гангренозными язвами на теле умирающего западного искусства, композитор, не побоявшийся вступить в соревнование со встроенными в сюжет гениальными мелодиями Кальмана.

Такового не нашлось… впрочем, приступая к работе над пьесой, Колмановские, думаю, и не сомневались, что не найдется – однако задача увлекла, и они ее решили.

Прагматики пожмут плечами: «нашли развлечение: писать в стол!».

Возражу: это смотря в какой стол! Если в тот, на котором побывали прочитанные Викой тысячи томов из собранной им же библиотеки, и ни перед одним из них за рукопись, покоящуюся в одном из ящиков, ему стыдно не было, то троекратное ура такому «развлечению»!

Братья Колмановские вообще умудрялись и умудряются жить так, чтобы делать только им нравящееся. Вика принципиально не защищал диссертаций, зато так ярко и увлеченно вел в Азербайджанском педагогическом институте русского языка и литературы имени М.Ф.Ахундова (ныне Бакинский славянский университет) курсы по истории русского языка и по славистике, что ректор часто повторял: «У меня много докторов наук, еще больше кандидатов, а Вика Колмановский – только один!».

Еще этот «один» знал несколько искренне нравящихся ему славянских языков.

А еще латынь, греческий, английский и азербайджанский.

А еще французский, причем так совершенно, что консультировал Владимира Портнова, когда тот переводил стихи Шарля Бодлера и Поля Верлена, сонеты Жозе-Марии де Эредиа.

А еще увлеченно играл в интернет-чемпионатах «Что? Где? Когда?» и был активным участником «Клуба гусар»; а еще написал веселую книгу «Из записок театрала», в которой есть много забавного, но нет ни единой капли злости, язвительности или желчи, а ведь от пригоршней всего этого не смог в «Театральном романе» удержаться сам Булгаков… да и редко кто из заглянувших за кулисы удержался бы, поскольку любой театр – это место, где недобрые актеры и режиссеры изо всех сил пробуждают в незлых зрителях исключительно добрые чувства.

Но самое главное, Вика с ранней юности, причем удивительно мастеровито с точки зрения техники версификации, писал стихи, и сравнение с благородным вином, которое с каждым следующим годом выдержки обретает новые оттенки вкуса, к тому, что делал в поэзии Виталий Колмановский, применимо идеально. Здесь он тоже оставался верен себе – только когда ему уже было совсем под восемьдесят, поддался уговорам и собрал лучшее в появившуюся уже в Соединенных Штатах книжку. В количестве экземпляров, совсем чуть-чуть превышающем немалое количество друзей, – и дарил, дарил, дарил…

О чем стихи? Так ведь они, любые, всегда о жизни, смерти и любви, даже если ни одно из этих великих существительных ни в одной строчке не встречается… как у Вики, например:

Был королевской дорогой старинной,
Но пролетали года…
Стал Эль Камино улицей длинной,
Соединил города.
И за машиной едет машина, –
Только нажми на педаль, –
По Эль Камино, по Эль Камино,
По Эль Камино-Реаль.

Можно без риска до Сан-Франциско
Ехать с комфортом большим…
Пусть по хайвэю вдвое быстрее,
Мы никуда не спешим.
Мчатся седаны и лимузины,
Катят автобусы вдаль
По Эль Камино, по Эль Камино,
По Эль Камино-Реаль.

Время дневное – в солнечном зное,
Ночью – в сиянии фар…
Очень вальяжный, одноэтажный
Провинциальный бульвар.
Банки, харчевни и магазины,
Пальмы, маслины, миндаль…
По Эль Камино, по Эль Камино,
По Эль Камино-Реаль.

У светофора встали, но скоро
С места рванули опять.
Встречных немного, эта дорога
Не для того, чтоб гулять.
В шорохе шинном едут машины,
Радость везут и печаль…
По Эль Камино, по Эль Камино,
По Эль Камино-Реаль.

Не прекратится, длится и длится
Бег вереницы стальной.
Вывески, лица, даты, границы…
Миг, и уже за спиной.
В общем потоке все нам едино,
Только минувшего жаль.
По Эль Камино, по Эль Камино,
По Эль Камино-Реаль.

Необыкновенно музыкально и щемяще!

Какие там священные берега Нила, кличи победы, смерть без пощады и прочие громыханья? – ведь и жизнь, и смерть, и даже любовь устроены просто: «В общем потоке все нам едино, только минувшего жаль»… успеть бы только улыбнуться той последней улыбкой, которая так удалась Вике Колмановскому, как, впрочем, удавались ему и шутки, и лекции, и стихи, и бдения за письменным столом, и дети, и внуки…все-все-все удавалось на длинной дороге по бакинским улицам – Первой Нагорной, Большой Минаретской, Гимназической, Мариинской, Ольгинской, Чадровой, – а потом через Эль Камино-Реаль.

… Да, необыкновенно музыкальные стихи он писал и вообще был очень музыкален – в отца. Его ближайшим другом стал Чингиз Садыхов, ученик легендарного Гольденвейзера, выдающийся пианист – и протянулись нити приязни между Викой и многими из тех, кто исполнял музыку в ансамбле с волшебником-маэстро: певцами, кеманчистами, нагаристами, джазистами…

Чингиз в 1994 году переселился в Калифорнию, гастролировал в Баку, в городах Америки.

Они с Викой опять стали «соседями» – пусть не в городе, в котором родились, но хотя бы по континенту, побережью, штату… а пережил музыкант поэта ненадолго, всего на три года.

Но что же Сава? – о, весельчак и говорун Сава фонтанировал в беседах с друзьями, с сослуживцами, с просто знакомыми и с понравившимися ему незнакомыми; жизнелюб Сава с неисчерпаемым гостеприимством распахивал двери своего московского дома, встречая и тех, кто «заскочил» в столицу всего на пару дней, и тех, кого дела или заботы приводили надолго.

С такой радостью распахивал, будто в это самое мгновение вспоминал пушкинское: «И я судьбу благословил, когда мой двор уединенный, печальным снегом занесенный твой колокольчик огласил».

Хотя ой как редко Савина квартира была «уединенной»! Оставалось только изумляться, как у Эммы, его жены, хватало времени, сил и благорасположения, чтобы обихаживать этот почти непрерывный поток сменяющих друг друга гостей; как у Леночки, его дочери, хватало времени и сил помогать матери, блестяще учиться, а потом вместе с друзьями и бывшими сокурсниками работать так неистово, как мало кто в России хотел и хочет работать – и в результате появился знаменитый «Яндекс», одним из основателей и учредителей которого она была.

О, острослов Сава умел восхищаться, – бесконечно и бескорыстно, – дарованиями друзей, талантом старшего брата, но при этом, редактор и известный сценарист, самому себе в одаренности будто бы и отказывал… но как все же жаль, что лишь после смерти Вики появились две книги стихов и совместно с Леночкой написанная «Ай, Баку, джан, Баку!».

Самые лучшие стихи, – как и положено настоящему мужчине, – он посвятил любимой:

Я без тебя, как без воздуха мячик.
Я без тебя, как без всадника кляча.
Я без тебя – пожилая тетеря.
Я без тебя – небольшая потеря.
Я без тебя, как без уха сережка,
Я без тебя, как без платья застежка.
Я без тебя, как берлога без мишки.
Я без тебя, как обложка без книжки.

Я без тебя, как участок без дачи.
Я без тебя, как игрок без удачи.
Я без тебя, как без хедера ребе.
Я без тебя, как беззвездное небо.
Я без тебя, как гора без вершины.
Я без тебя – богатырь без былины.
Я без тебя, как «Владимир» без банта.
Я без тебя, как поэт без таланта.
Я без тебя – нерожденное слово.
Я без тебя, как тарелка без плова.
Я без тебя, как часы без завода.
Я без тебя, как толпа без народа.

Я без тебя, как полет без мечты.
Вот почему мне нужна рядом ты.

… Теплоход, он же ресторан с панорамными окнами, шел по Москва-реке. Набережные и фасады домов сверкали так, что этого количества люксов хватило бы на свечение Млечного Пути и еще нескольких Галактик поменьше; Кремль, ослепляя пряничной яркостью стен и башен, блеском куполов и крестов, старался казаться дружелюбным, однако получалось это у него не вполне – в конце концов, крепость есть крепость.

Сава и мы, его гости, заняли два массивных круглых стола в центре зала. И все вроде бы располагало, только вот подарки были вручены на вчерашнем банкете, тогда же были сказаны рвавшиеся из глубины души слова, тогда же отсмеялись заранее заготовленным шуткам – поэтому, наверное, в этот вечер на реке, в дорогом ресторане, общение сводилось к обмену вежливыми репликами.

Но так было до той минуты, пока «вчерашний юбиляр» не обратился к приехавшему из Баку давнему своему другу, замечательному сценаристу, публицисту, литературному критику Интигаму Касумзаде, который сам себя называет самым худым главным редактором самого толстого в мире литературного журнала.

Издающегося аж с 1923 года, а в 1953-м обретшего имя весомое и обязывающее – «Азербайджан».

И обратился Сава с просьбой весьма неожиданной:

– Интигам, почитай газели Физули!

Саша Грич рассказал мне как-то, что Пастернак, не знавший азербайджанский язык, услышав в кулуарах Первого съезда советских писателей, как Сулейман Рустам читает стихи, написанные в метрике аруз, заплакал – так его потрясла музыка, переданная пусть непонятными, но прекрасными в своем звучании словами.

Может быть (скорее всего! конечно же!), я люблю музыку не так истово, как Пастернак: «… Голоса приближаются: Скрябин. О, куда мне бежать от шагов моего божества!» – но под дивные строки газелей, которые Интигам читал так, как поет исполнитель мугамов баяти-шираз , плакать мне не хотелось. Скорее, чувствовал себя змеей, вырастающей из тесной коробки навстречу зову флейты-чаровницы. Однако, когда Интигам начал переводить, мне от восторга стало зябко.

– Почему? – спрашивал Интигам… или это Физули спрашивал? – Почему после возбуждения, в которое приводит нас молодое вино, непременно наступают минуты, когда становится грустно? Почему дудочка, стараясь развеселить нас своим пением, попутно навевает и печаль, будто бы мы даже и в разгар веселья не можем забыть о чем-то, безвозвратно ушедшем?

– Да потому, – отвечал Физули… или это все же Интигам отвечал? – что камыш, из которого вырезали дудочку, – высокий, прямой и горделивый, – рос в тишине чистой заводи рядом со своими братьями, а потом его срезали и сделали навсегда одиноким.

– Да потому, – отвечал Физули… или это я сам отвечал? – что хоть виноградины были раздавлены и растоптаны, но воспоминание о матери-лозе из их перебродившей крови не исчезло. И нам передается эта печаль о солнце, согреваемые которым, они зрели; мы испиваем тоску по ясному ночному небу, созвездия на котором висят, как гроздья.

Если бы я писал сценарий для Голливуда, то дальше следовало бы описание того, как посетители ресторана, а еще официанты, а еще повара и поварята, покоренные магией великой поэзии, стягиваются к нашему столу; как высокий, переливчатый, слегка модулирующий голос Интигама вырывается через единственное приоткрытое окно, плывет над Москвой-рекой, словно бы вслушивающейся в гениальные строки и оттого замедляющей свое течение – но я пишу, как было.

А было так, как и должно быть: Интигама слушали лишь сидящие за двумя нашими столами.

Зато Савы, если судить по запрокинутой его голове и закрытым глазам, среди нас не было. Он наверняка стоял, – мысленно или вполне материально, кто знает? – на площади перед мечетью в городе Кербела, в котором Магомед Сулейман оглу, взявший себе псевдоним (тахаллус) Физули, родился и прожил почти всю свою относительно недолгую жизнь; и слушал, наверное, наш Сава, как тот читает свои дивные газели или еще что-нибудь из очередного, уже близкого к завершению «дивана».

Такие чтения случались, – кажется мне или не только кажется, кто знает? – после последнего, вечернего намаза,а потом ценители поэзии еще раз благодарили Аллаха Всемилостивейшего за созданный Им мир, в котором день сменяется ночью, обещающей новый день; в котором высокочтимые поэты наделены сверхъестественным даром сплетать самые лучшие слова в единственный узор, безмерно радующий и человека, и небо, и солнце, и луну, и звезды… а, значит, и Его Самого.

И весельчак, говорун, острослов Сава словно был таким, как тогда, в XVI веке… нет, он, без всяких «словно», был таким вознесенным, каким становится, когда вспоминает, например, Фикрета Годжа, стихами которого и общением с которым упивается.

Упивается, ибо чувствует, как живут в стихах замечательного Фикрета и творения великого Физули, и творения великих преемников его, и ростки будущего, которое еще подарят миру те, кто придет после.

А я в этот момент вспомнил одну, быть может, байку, а быть может, и быль. О том, как рав Адин Штейнзальц, выдающийся знаток Торы, переведший Вавилонский Талмуд на современный иврит, английский, русский и испанский, побывал в Китае и вернулся в полном восторге. «Чем вы там занимались?» – спросил его корреспондент какой-то газеты. «О, я имел интереснейшие беседы с учеными, досконально изучившими труды Лао Цзы, Конфуция, Гуньсунь Луня и других выдающихся мыслителей». «О чем вы разговаривали?». «О том, как жили почти три тысячи лет назад». «То есть, как жили наши народы?» – уточнил корреспондент. «Почему народы? – удивился рав Штейнзальц. – Мы сами!».

Кто-то скажет, что никакого отношения к вечеру в плавучем ресторане это не имеет.

И ошибется, ибо нет ничего более близкого!

Ибо тот, кто так глубоко погружается в размышления древних мудрецов, в творения древних поэтов, живет в прошлом гораздо реальнее, нежели в настоящем, а потому лучше других сможет разглядеть те ростки разумного, что станут действительным в будущем.

Действительным и, поверим Гегелю, – разумным!

«Стоп! – возразил я себе, – а смерть?! Нет ничего более действительного, но разве ж она разумна?!»

«Еще как разумна! – вразумил я себя в ту секунду, когда голос Интигама и речь Физули затихли. – Еще как разумна, если переходишь туда, где нет неумолимого времени, если успеваешь улыбнуться той улыбкой, что застыла на губах у Вики».

Той улыбкой, которая будто бы говорит приходящим прощаться:

– Ну вот, я всё… А вы уж постарайтесь дальше…

ЮРИЙ ЛЕБЕДЬ

Родился 5 марта 1942 года в Омске.

Работал в областной газете «Запорожская правда».

С 1968 года живёт в Донбассе. Работал в газетах «Макеевский рабочий», «Социалистический Донбасс», в издательстве «Донбасс». Возглавлял редакционно-издательский отдел Донецкого областного управления по печати.

Директор издательского предприятия «Лебедь». Главный редактор всеукраинской литературной газеты «Отражение».

Лауреат литературных премий имени Владимира Даля, имени Михаила Шолохова, имени Михаила Матусовского, имени Виктора Шутова.

Автор поэтических книг «Позывные любви» (1978), «Осенние письма» (1983), «Дуэль» (1992), «Координаты сердца» (1994), «До востребования» (1997), «Стихооткровенья» (1999), «Срезы времени» (2002), «Избранное» (2006), «Заблудившийся дождь» (2009). Проживает в Донецке.

В кинозале

Я не знаю, что сегодня ближе –
Ложь или забытые мечты?
Не тобою – случаем обижен:
На другого посмотрела ты.

Вроде, мелочь. Только неприятно,
Злой мираж – открытое окно...
Но любовью, верностью и мятой
Пахнет довоенное кино.

Судьбы закольцованы, как в «Цирке»...
Выпрыгнул я вдруг из той поры...
И встречает мамка сына в цинке –
Короля дворовой детворы.

Боже, как она взывает к звездам,
Господа, как идола, кляня...
Потому что сразу стало поздно
Истину, как исповедь, принять.

На экране крутит кинопленка
Черно-белый благодатный дар...
Прижимает к сердцу негритенка
Временем затертая звезда.

Поэзия

Поэзия – смертельная болезнь…

Екатерина Квитницкая

Поэзия – лекарство для любви.
И от любви – не колдовство – лекарство.
Поэзия – страна. Точнее, царство,
Где Вера в Спас, который на крови.

Поэзия – как первый поцелуй,
И как причал. Единственный, последний…
Невесты наши – это чудо-ведьмы,
А мы – все скрипы заржавевших струн.

Поэзия – заразная болезнь.
Она как лесть, издерганные нервы.
Она и к небесам взмывает первой,
И черную предсказывает весть…

Поэзия – спасение и яд.
Беду рифмует – душу сходу настежь!
Похожая на пошленькое «нате!»,
Но всех врагов не ставь в расстрельный ряд.

Поэзия – тщеславная болезнь.
Чуть вознеси – и завтра псевдогений
Вчера родился. Множество есть мнений
На этот счет. Но и болезнь здесь есть.

Поэзия – когда на свете все
Твое неразделимое богатство.
И за любовь готов отдать полцарства,
Да что там пол! Все царствие свое!

Поэзия – когда нет ничего,
Когда ни с кем делиться просто нечем…
И беды-звезды падают на плечи,
И не догнать последний свой вагон.

* * *

Осень – время красивых,
но все же потерь…
Осень – время чудес,
что на грани безумства.
Но однажды тобой
для меня не закрытая дверь
станет самым высоким
закрытым искусством.

* * *

Вчера и завтра
Сверяю по Гринвичу.
Сегодня – золотое яйцо
Зажаренной курицы.
Палящее солнце –
Это открытая пасть
Змея Горыныча,
Но я, увы,
Не Илья Муромец.
Как и ты – не принцесса,
И нет для тебя горошины.
И не докажешь,
Что белье с изнанки
Раскрашено.
А все потому,
Что так мало спрошено
И намного меньше
Рассказано.

* * *

Нам выпало немало на двоих –
Познанье счастья,
Отчужденья горечь.
...Я сделаю вино
Из слез твоих.
Мы в нем утопим
Будущее горе.

И я тебя обидеть не смогу –
Ни ревностью
Слепой,
Ни колким словом.
...Глазастые ромашки на лугу
В венок для милой
Заплестись готовы.

* * *

...Мне не перестроиться уже,
Не поставить раньше срока точку.
Испытанья выпали душе
на любовь, порядочность и прочность.

И она умеет неспроста
Отбивать обиды, ложь и камни...
Мир спасёт, увы, не красота.
Доброта. Но та, что с кулаками.

* * *

За спиною – приглушенный смех.
Значит, что-то сделал не так...
Снова в небо взмывает снег,
снова бьются сердца не в такт.

Отстучали любовный ритм,
а теперь с каждой встречей – сбой...
Под ногами земля не горит –
мирно мы разошлись с тобой.

Разорвали порочный круг.
Не спасли нас цветные сны...
Лишь пожатья дрожащих рук –
как признанье былой вины.

* * *

Давай с тобою просто помолчим...
Ассоль сегодня не дождется Грея.
Мы оба – как погасшие лучи,
которые, увы, давно не греют.

Остывший чай не пахнет чабрецом,
и не трещит камин, а скупо тлеет...
И ты свое красивое лицо
привычно прячешь в маминых коленях.

Я проверял: нет истины в вине.
Я без вины был часто виноватым...
И свет всю ночь горел в моем окне,
чтоб до рассвета не было заката.

Давай с тобою просто помолчим.
Для объяснений время перезрело...
Саврасовские первые грачи
с картины на деревья пересели.

* * *

Завяжу узелок я на солнечном тонком луче
и тебе подарю, чтобы помнила даже на ощупь...
Я – ничей. Понимаешь, на целую вечность ничей!
Ничего не бывает сложнее, трагичнее, проще.

Коль потеряно все, соглашайся скорей на ничью,
а иначе – как зверь, на луну одиноко завоешь...
Лучше солнечный луч через сердце свое пропущу.
Может быть, узелком он заденет в нем что-то живое.

Тень

Со сложным чувством
вдруг увидел я,
что первой в дверь,
что открывал ногами,
не робко я вошел,
а нагло – тень моя.
И сразу с нею
стали мы врагами.

Что резво замесила –
не понять,
она туда лисою
прошмыгнула…
Сто первый графоман
не лег на дуло,
и вряд ли честным стал
нечестный депутат.

Но тень есть тень –
Подобие меня.
А может быть,
мое подобье лучше…
Для Диогена бочка –
как мне – лужа…

Нет споров
о созданьи бытия.
За дверью – дверь
в иной,
стозвонный мир,
похоже, с электронными ушами…
Что натворили –
в том повинны сами.
И до сих пор не знаем,
что творим…

Прозреет вдруг
ослепший судный день,
похожий так
на сталкиванье лбами…
Уйду не я –
моя шальная тень.
А я еще чуть-чуть
побуду с вами.

* * *

Все мы ходим под солнцем,
а значит, под Богом.
Он разум нам дал,
подарил телеса.
И выбрать позволил
жену и дорогу,
дорогу, какая
ведет в небеса.

Но труден тот путь,
словно муки Тантала,
заманчив,
как тысячи песен сирен...
И сколько б ни жил –
все равно будет мало,
ведь нам ничего
не предложат взамен.

И если не ангелы встретят,
так черти.
Такое придумают –
только держись.
Печально, но жизнь
не бывает без смерти,
а смерть – это просто
расплата за жизнь.

* * *

По ухабам застуженных чувств
я иду, как по минному полю.
Ничего для себя не хочу,
кроме – близким отсутствия боли.

Снова раной пылает закат,
и опять он похож на неволю.
Я сегодня тщеславью не рад,
я сегодня прозрением болен.

Ну, а завтра я снова взорвусь,
так взорвусь, что и недруги ахнут...
Долгим эхом зовет меня Русь.
Это детством так Родина пахнет...